

RESPUBLICA
LITERARIA

2022 №3

Respublica Literaria

2022. Т. 3. № 3.

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Синеокая Ю. В. (ИФ РАН, Москва, Россия)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Аблажей А.М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Афонасин Е.В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зазулина М. Р. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Мадюкова С. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИИПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell C. (Техасский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A.V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editor – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPa, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovskiy D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Sineokaya Yu. V. (IP RAS, Moscow, Russia)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Afonasin E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zazulina M. R. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Madyukova S. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz,
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)

CONTENTS

PHILOSOPHY

- Afonasina A. S., Kovalchuk K. S.** Πιζωματα – four foundations of the universe 5
- Brovkin V. V.** Early Greek Philosophy and Traditional Religious Beliefs 19
- Egorova O. S.** Aristotle: Historical Images of the Philosopher
in Russian Literature (18th – early 20th centuries)..... 34
- Rodin K. A.** Tolstoy's Treatment on Art and Later Wittgenstein..... 51

SOCIOLOGY

- Ganbaatar T., Otgondoo N., Sergei N., Mashbat Z., Purev-Ochir N., Batjargal B.**
The Effects of Covid-19 on Libraries..... 59
- Lbova E. M.** Young Researchers: Guidelines and Limitations in the Russian
Scientific Policy (on the example of the first Congress
of Young Scientists in Sochi, 2021)..... 77

LAW

- Artemova A. N.** Legal Nature of a Share in the Authorized Capital of a Limited
Liability Company: A Conflict of Corporate and Family Law 87

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- Izgarskaya A. A.** Dynamics of Political Hegemony in the Cycles
of the Modern World-system..... 96
- Fomkin F. S.** Russian Science During the Sanctions..... 106

To the 100-th Anniversary of the Birth of A.A. ZINOVIEV

- Darensky V. Yu.** A. A. Zinoviev as an Existentialist..... 118
- Serkova V. A.** Alexander Zinoviev on Understanding..... 127
- Shevchenko O. K.** Cybernetics and Power in A. A. Zinoviev's Sociological Novels... 133

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091)

ΡΙΖΩΜΑΤΑ – ЧЕТЫРЕ ОСНОВАНИЯ ВСЕЛЕННОЙ*

А. С. Афонасина, К. С. Ковальчук

Новосибирский государственный университет
afonasina@gmail.com; k.kovalchuk@g.nsu.ru

Аннотация. Эмпедокл считал, что все в мире можно объяснить при помощи четырех «корней» и двух действующих сил. Со времен Аристотеля эти четыре «корня» стали называть «элементами», что в значительной степени исказило восприятие философии Эмпедокла. Спросим себя, действительно ли мы можем приписать Эмпедоклу представление о «корнях» как о материальных частицах, наделенных определенными и ясно прописанными характеристиками? При внимательном прочтении сохранившихся фрагментов поэмы Эмпедокла мы сталкиваемся скорее с неопределенностью. Эмпедокл прибегает к различным способам их представления, тем самым запутывая слушателя. Складывается ощущение, что при помощи многочисленных эпитетов и имен, присущих корням, он сам только пытался нащупать наилучший способ их понимания. В статье мы обращаемся к большому числу фрагментов, в которых упоминаются имена, эпитеты, характеристики или метафорические описания корней. Внимательно их проанализировав и предложив собственные переводы на русский язык, мы приходим к выводу, что понимание корней нельзя свести к простым элементам. Они описываются как боги, как стихии, как мельчайшие частицы, из смеси которых можно составить все, что угодно в мире. Такое исследование еще раз показывает, что Эмпедокл был выдающимся и оригинальным мыслителем, идеи которого нельзя свести к простым и понятным формам.

Ключевые слова: Эмпедокл, космология, корни, действующие силы, боги, множественность.

Для цитирования: Афонасина, А. С., Ковальчук, К. С. (2022). Ριζωματα – четыре основания вселенной. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 5-18. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.5-18

ΡΙΖΩΜΑΤΑ – FOUR FOUNDATIONS OF THE UNIVERSE*

A. S. Afonasina, X. S. Kovalchuk

Novosibirsk State University
afonasina@gmail.com; k.kovalchuk@g.nsu.ru

Abstract. Empedocles believed that everything in the world could be explained by four “roots” and two acting forces. Since Aristotle's time, these four “roots” have been called “elements,” which has greatly distorted the perception of Empedocles' philosophy. Let us ask ourselves - can we really attribute to Empedocles the idea of “roots” as material particles endowed with definite and clearly defined characteristics? A careful reading of the surviving fragments of Empedocles' poem confronts us rather with uncertainty. Empedocles resorts to various ways of representing them, thus confusing the listener. One has the feeling that, with the numerous epithets and names inherent in the roots,

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 22-28-00163, <https://rscf.ru/project/22-28-00163/>

* The research was carried out with the help of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00163, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00163/>

he himself was only trying to find the best way of understanding them. In this article we turn to a large number of fragments in which names, epithets, characteristics, or metaphorical descriptions of roots are mentioned. After carefully analyzing them and offering our own translations into Russian, we come to the conclusion that the understanding of the roots cannot be reduced to simple elements. They are described as gods, as natural elements, as the smallest particles, from the mixture of which everything in the world can be composed. This study shows once again that Empedocles was an outstanding and original thinker, whose ideas cannot be reduced to simple and comprehensible forms.

Keywords: Empedocles, cosmology, roots, acting forces, gods, plurality.

For citation: Afonasina, A. S., Kovalchuk, K. S. (2022). Πιζωματα – four foundations of the universe. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp.5-18. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.5-18

Эмпедокл был, безусловно, одним из самых эксцентричных и противоречивых философов античности. Самовлюбленный, напыщенный демократ знатного рода¹, чья яркая судьба окутана множеством легенд и неясностей, Эмпедокл родился на Сицилии² предположительно около 490 г. до н. э. (Diogenes Laërtius VIII, 51; далее DL). Подробностей о его жизни сохранилось очень мало, древние авторы упоминают о его щедрости и великодушии по отношению к бедным (DL VIII, 73) и своеобразной борьбе с тиранией (DL VIII, 64).

Но как ни парадоксально, Эмпедокл, отказываясь от предложенной ему «земной» власти, получал почести от сограждан, претендуя на власть божественную, и часто проводил целые кампании, убеждающие окружающих в том, что он не только провидец, но даже обладает этой самой божественной силой. Горгий и Тимей сообщают, что сам Эмпедокл притязает на колдовство (DL VIII, 59), и что он совершил множество чудес (DL VIII, 60). Но если мы зададимся вопросом о том, насколько истинны эти утверждения и даже обвинения, и внимательно изучим свидетельства современников, то поймем, что все практики и чудеса, совершенные Эмпедоклом или приписываемые ему, можно объяснить двумя причинами: это или неверная (не аллегорическая, а буквальная) интерпретация слов и действий Эмпедокла, или невежество. Так, например, укрощение ветра Эмпедоклом можно рассматривать как инженерное достижение, а не магический прием. А его личная самооценка, выраженная в словах: «Я же для вас бог бессмертный, уже не смертный среди всех хожу, почитаемый как положено» (фр. В 112 DK), означает лишь более глубокое проникновение в структуру мироздания, а не самолюбование и декларацию своих божественных (магических) способностей. Поэтому мы в исследовании будем придерживаться более рационалистической позиции в отношении биографии Эмпедокла, недавно представленной в статье «Образ Эмпедокла в трактатах гиппократовского корпуса и интерпретация некоторых биографических сведений» [Афонасина, 2022].

¹ Гераклid в сочинении «О болезнях» (DL VIII, 51; фр. 82), сообщает, что он происходил из знатного дома, поскольку дед держал [скаковых] лошадей. [См.: Афонасин, 2020, с. 71].

² О том, что он был акрагантец из Сицилии, он говорит сам в начале «Очищений» (следует фр. В 112 DK, ст. 1-2).

Тем не менее его блестящее ораторское мастерство, глубокое знание природы и широкая известность его магических способностей, включая исцеление от болезней и предотвращение эпидемий (DL VIII, 60-70), породили множество мифов и историй, связанных с его именем. Мы не просто так акцентируем на этом внимание. Для последующего содержания статьи момент с обожествлением Эмпедокла и его магической силой сыграет важную роль, ведь здесь речь пойдет о «корнях»-первоэлементах.

Эмпедокл допускал существование четырех вечно существующих «первоэлементов» – огня, воды, земли и воздуха. Сам Эмпедокл, разумеется, никогда не использовал слово «элемент» (στοιχεῖον), вошедшее в широкое употребление благодаря перипатетической традиции. Первоэлементы он называл корнями (ρίζωματα), объяснял их расположение и переустройство, особые и изменяющиеся характеристики, а также дал им имена богов. Однако из сохранившихся фрагментов не удастся с легкостью установить, какого рода отношения выстраиваются между «элементами» в процессе становления и разрушения мира. Причина, по которой он называл корни именами богов, может состоять в том, что Эмпедокл хотел заменить старое представление о богах новым, и, по-разному позиционируя себя как мудрец, и как гражданин, полагал, возможно, что религиозная и политическая жизнь человека не обязательно должны быть тождественны. Помимо четырех корней, которые также являются критериями не только истины, но и всех вещей, есть еще две действующие силы – Любовь (φιλία) и Вражда (νεῖκος).

До сих пор интерпретация архаических учений вызывает определенные затруднения в силу того, что излагались они другим языком, отличным от языка перипатетической традиции, терминологией которой мы сейчас и пользуемся. Как считает О. Б. Федорова [Федорова 2005, с. 3], называть корни элементами – означает вводить анахронизм и творить произвол, не вынужденно, конечно, но бессознательно. Мы будем придерживаться той же позиции, стараясь понять структуру архаического мышления досократика и перевести необходимые фрагменты в соответствие с этим.

Тут стоит сразу оговориться, что наше обыденное представление о ранних греческих философах, строго говоря, несколько неверное: ибо мы наблюдаем архаичные взгляды сквозь призму наших знаний и существующей науки. Эмпедокл, говоря о корнях, не имеет в виду некие неделимые мельчайшие частицы, составляющие собой мир. Его описания аллегоричны. Его логика архаическая, бинарная и комплементарная, т. е. общее или целое у Эмпедокла является результатом формирования противопоставленных друг другу частей, связанных семантически, поэтому за противопоставлением Любви и Ненависти лежит Гармония как нечто уравнивающее процессы, происходящие в мире. Благодаря архаическим представлениям о мире и языке, идеи Эмпедокла, его поэтика приобретают параллелизм с наслаиванием смыслов и разнообразием выражения одной и той же идеи.

Одним из ключевых, на наш взгляд, выражений, которое встречается в разных фрагментах, является следующее: «αὐτ(ά) ἐστίν ταῦτα» (B 17,34 DK; B 21,13 DK; B 26,3 DK). Это выражение переводится чаще всего как «только эти вещи есть» в силу того, что во всех трех фрагментах фраза дается в контексте, и при ином переводе просто не имеет смысла. В каждом из трех фрагментов контекстом является то, что, помимо Ненависти и Любви, есть четыре корня, и что все остальное, окружающее нас, все, что мы видим и чувствуем в отношении себя самих, – все это является лишь результатом смешения и разделения этих четырех корней.

Секст Эмпирик подытоживает это следующим образом: «Предположив два деятельных начала всех вещей – Любовь и Ненависть – и в то же время, упомянув о четырех в качестве материальных (земле, воде, воздухе и огне), он признал их критериями всех вещей» (В 2.3 DK, пер. А. В. Лебедева).

В словаре древнегреческого языка можно найти две статьи – одна для слова ρίζα, другая – для ριζώμα. Это связано с тем, что по содержанию и употреблению в литературе между ними имеется различие. Первое встречается в значении «корень», «лекарственный корень», «основание» и «источник», «то, из чего что-либо вырастает как из корня». А второе употребляется не только в значении «масса корней» как первоначал, но и в значении «род», «племя», и засвидетельствовано только у Эмпедокла и Эсхила в «Семеро против Фив».

Необходимо отметить, что ριζώμα в дошедших до нас фрагментах поэмы Эмпедокла упоминается всего единожды. Это фрагмент В 6 DK:

*τέσσαρα γὰρ πάντων ριζώματα πρῶτον ἄκουε
Ζεὺς ἀρυγῆς Ἦρη τε φερέσβιος ἠδ' Αἰδωνεύς
Νῆστίς θ', ἣ δακρύοις τέγγει κρούνωμα βρότειον...*

*Сначала послушай о четырех корнях всего сущего:
Сияющий Зевс, Гера, дающая жизнь, и Аидоней,
и Нестиды, что своими слезами орошает смертный источник... (пер. К.С. Ковальчук)*

Этот фрагмент примечателен еще и тем, что корни называются именами богов, чему ниже будет уделено особое внимание. Отсюда мы узнаем, что ριζώμα – это четыре божества, обладающие уникальными качествами: кто-то сияет, другая дает жизнь или орошает, т. е. увлажняет. Полное перечисление корней³ имеется и во фр. В 21 DK, с указанием их характерных черт, но без упоминания имен:

*ἠέλιον μὲν λευκὸν ὄραν καὶ θερμὸν ἀπάντη,
ἄμβροτα δ' ὅσ' εἶδει τε καὶ ἀργέτι δέυεται ἀγυγῆ,
ἄμβρον δ' ἐν πᾶσι δνοφόντά τε ριγαλέον τε·
ἐκ δ' αἴης προρέουσι θελεμνά τε καὶ στερεωπά.*

*Чтобы видеть солнце сияющим и знойным повсюду,
И все бессмертные виды, пропитанные ярким светом,
И ливень во всем темный и холодный,
И как из земли пристекают основания и опоры⁴.*

³ Еще одно полное перечисление корней встречается в фр. В 17 DK: πῦρ καὶ ὕδωρ καὶ γαῖα καὶ ἥερος ἄπλετον ὕψος ...

⁴ Здесь и далее пер. А. С. Афонасиной, если не оговорено иное. [Подробнее о сложностях перевода некоторых слов см.: Афонаси́на, 2021, с. 56, сн. 37-38].

Нельзя обойти вниманием и то значение, в котором *ρίζωμα* употребляется у Эсхила в «Семерых против Фив» 412-413: *σπартῶν δ' ἀπ' ἀνδρῶν, ὧν Ἄρης ἐφέϊσατο, ρίζωμ' ἀνεῖται*, т. е. он (Меланипп) ведет свой **род** от людей, которых пощадил Арес. Это чрезвычайно важно для настоящего исследования. Здесь мы можем провести параллель с концепцией корней у Эмпедокла, которые тоже выступают некими прародителями всего. Слово *ρίζωμα* у Эмпедокла оказывается близким по значению с *πηγή* – источник⁵. Это ясно видно из фр. В 23 DK, где Эмпедокл на примере работы художника, смешивающего краски для изображения разных предметов, показывает, как из смешения корней происходят все смертные виды. И в последних трех строках он выражает предостережение:

*οὕτω μὴ σ' ἀπάτη φρένα καινύτω ἄλλοθεν εἶναι
θνητῶν, ὅσα γε δῆλα γεγάκασιν ἄσπετα, πηγῆν,
ἀλλὰ τὸρῶς ταῦτ' ἴσθι, θεοῦ πάρα μῦθον ἀκούσας.*

*И пусть твой ум не поддастся ошибке, будто
есть какой-то другой источник,
из которого происходит столь много смертных существ,
чье возникновение очевидно,
но четко знай – все, что ты услышал, – это слово от бога.*

Эмпедокл хочет сказать, что этот пример с живописцами не должен ввести слушателя в заблуждение, будто вещи происходят из чего-то другого, а не от одного единственного источника, которым является смешение корней.

Эмпедокл дает корням имена богов. Все четыре перечислены лишь в одном фрагменте В 6 DK. В других встречается одно или два имени, в то время как оставшиеся корни обозначены как стихии или не упомянуты (см. ниже таблицу). Вопрос о выборе имен довольно интересен. Особенно примечательна Нестида. Такое божество в греческой мифологии обнаружить непросто, потому что оно носит локальный характер. Под этим именем на Сицилии почитается водное божество, точнее богиня подземных вод. Предполагается, что Нестида может быть одним из сицилийских имен богини Персефоны, супруги Аида [Wright 1981, 166]. Если это так, то у нас появляется две симметричные пары – Зевс/Гефест + Гера, Аидоней + Нестида. С одной стороны, это вполне соответствует общеэллинической генеалогии (особенно если мы соглашаемся, что Нестида – это Персефона). С другой – придавая корням философский смысл (ведь именами богов они называются крайне редко), Эмпедокл, возможно, хотел совершить плавный переход к более рациональному восприятию природы и ее внутренних процессов. На частичный параллелизм и оппозиции в описании корней у Эмпедокла обращает внимание О. Б. Федорова [Федорова, 2005, с. 34]. Верх – это Зевс (сияющий, светлый, живой, видимый), а низ – это Аид (невидимый, темный, холодный и мертвый). При этом Зевс и Аид –

⁵ Гален (*Об элементах Гипокрита*, 1.433.13), возможно вслед за Эмпедоклом, использовал это слово в похожем значении, а именно как корень или источник страсти, злости, источник всего (*πηγή πάντων*).

олицетворение мужского начала, а Гера и Нестиды – женского. Однако версий того, к кому из богов какая стихия относится, очень много, и для каждой из них авторы находят вполне убедительные аргументы, обращаясь к таким древним авторам, как Гомер, Гесиод или Фалес. О. Б. Федорова говорит о том, что отношение Аида и Геры к земле и воздуху неочевидно даже с точки зрения античной традиции. Гера в гимнах Гесиода описывается как «несущая жизнь», «плодородная» (φερέσβιος), в то время как Гераклит Аллегорист в своих толкованиях Гомера приписывает Гере эпитет земли, Аид же, как «невидимый» вполне логично мог быть соотнесен, с его точки зрения, с воздухом («Гомеровские проблемы» 24)⁶. Диоген Лаэртский (VIII, 76), Плутарх («Об Изиде и Осирисе», 363 d), ряд стоиков относятся к другому лагерю, считая, что Гера – это воздух, а Аид – это земля [подробнее разбор мнений стоиков и позднеантичных авторов об атрибуции богов см.: Millerd, 1908, pp.30-32, Guthrie, 1979, pp.144-146]. Из приведенной ниже таблицы соответствий между именами корней и их характеристиками мы увидим, что последние ближе к истине, чем первые.

Осмелимся предположить, что Эмпедокл дает имена корням, исходя из тех же соображений, что и мы – имя нужно, чтобы как-то выделить того, кто обладает своими уникальными свойствами. Заметим, что имена мы даем не только живым существам. Но при этом важным условием для нас остается наличие индивидуальных черт. А таковыми корни обладают, по всей видимости, в период правления Вражды, когда все полностью разделено до предельных оснований, или в переходный момент от Вражды к правлению Любви, когда последняя только вступает в свои права. На это отчетливо указывают строки фр. В 35 DK, где описывается сам момент смены правления:

*αἴψα δὲ θνήτ' ἐφύοντο, τὰ πρὶν μάθον ἀθάνατ' εἶναι,
ζῶρα τε τὰ πρὶν ἄκρητα διαλλάξαντα κελεύθους.*

*Тотчас родились в качестве смертных те,
кто прежде знал, как быть бессмертными,
Смешанными те, кто прежде был несмешанным,
обменявшись путями.*

После смешения корни не перестают существовать как материальные основы для создания множества видов живых существ, но они перестают быть бессмертными, т. е. богами. Может они и не полностью утрачивают свои индивидуальные черты, но они точно утрачивают свою божественную сущность, а значит и имя. Когда же Любовь полностью вступает в свои права, мир превращается в абсолютно слитое единое нечто,

⁶ «Гомеровские проблемы» интересны еще и по той причине, что их автор, как мы полагаем, симпатизирует Эмпедоклу. Это особенно заметно в том месте («Гомеровские проблемы» 69), где он рассматривает взаимоотношения между Афродитой и Аресом, интерпретируя их фигуры как аллегии Любви и Вражды у Эмпедокла. Перевод этого сочинения на английский и комментарий к нему осуществлен Дэвидом Констаном и Дональдом Расселлом [Russell, Konstan, 2005].

которое Эмпедокл называет Сфайросом и тоже представляет в качестве божества [Primavesi, 2009, p. 252 ff]. В Сфайросе невозможно что-либо выделить, а значит и корней с их индивидуальными характеристиками там тоже, в каком-то смысле, нет. Таким образом, растворяясь в едином общем, корни становятся практически, неразличимы.

Однако, прежде чем охарактеризовать каждый из корней, приведем таблицу терминов [Wright, 1981, p. 23]:

Фрагмент	Огонь	Воздух	Вода	Земля
6.2-3 17.18 21.3-6 22.2 38.1-4 62.4-6 71.2 109.1-2 98.1-2 115.9-11	Ζεύς πῦρ ἥλιος ἠλέκτωρ ἥλιος πῦρ ἥλιος πῦρ ἠφαιστος ἥλιος	Ἄϊδωνεύς ἀήρ αὐγή οὐρανός ἀήρ, αἰθήρ (εἶδος?) αἰθήρ αἰθήρ αἰθήρ αἰθήρ	Νῆστις ὔδωρ ὄμβρος θάλασσα πόντος ὔδωρ ὔδωρ ὔδωρ ὄμβρος πόντος	Ἥρη γαῖα αἶα χθών γαῖα χθών γαῖα γαῖα χθών χθών γαῖα
27.1-2 37.1 96.1-3 73.1-2	ἥλιος (πῦρ) ἠφαιστος πῦρ	αἰθήρ	θάλασσα Νῆστις ὄμβρος	αἶα χθών χθών χθών
54.1 39.1 85.1 84.7,9-10	φλόξ πῦρ	αἰθήρ αἰθήρ	ὔδωρ	χθών γῆ γαῖα
9.1 78.2 76.3 100.5,7,18,24 100.11,15,21 100.12,18 100.13		αἰθήρ ἀήρ αἰθήρ ἀήρ	ὔδωρ ὄμβρος	χθών

М. Райт проделала огромную работу, составив таблицу соответствий с номерами фрагментов, упомянутыми в них именованиями корней и к какой стихии они могут относиться. Ценность этой таблицы состоит по большей части в том, что в ней отчетливо видно, какую лексику использует Эмпедокл, а именно, что в ней очень много архаизмов. Мы также видим, как много разных слов использует Эмпедокл для описания корней, и похоже, что это природные стихии, которые непосредственно находятся перед его глазами. Т.е. именно физическое проявление корней в мире наиболее полно раскрывает нам их характеристики. Возьмем, к примеру, воду. Из таблицы видно, что у Эмпедокла это и море, описываемое двумя немного отличными по значению словами πόντος и θάλασσα, и ливень (ὄμβρος), и собственно вода (ὔδωρ).

Нельзя сказать, что какой-то из корней является более важным, как это отчетливо обозначено у ранних стоиков. Не получится следовать и Аристотелю, который разделяет корни на пассивные и активные, называя огонь движущим (κινητική), а остальные корни противоположными этому (Метафизика, 984b 6-8). Мы предлагаем рассматривать корни здесь в том порядке, в котором они выделяются из смеси, как это описано в свидетельстве Псевдо-Плутарха. Тогда первым делом мы обратимся к воздуху.

Рассмотрим это свидетельство. По мнению Эмпедокла, «когда воздух отделился от первичной смеси элементов, он разлился по кругу. После воздуха вырвался огонь, и не имея другого пути наверх, побегал подо льдом по кругу воздуха» (A 30 DK = 210 Bollack). Т. е. воздух был первым корнем, который выделился из смеси (видимо в самом начале правления Вражды после разрушения Сфайроса) и разлился по кругу, образовав корку льда. И выделился он первым потому, что является самым легким из элементов. В силу этого он как бы формирует пространство и заполняет его. Воздух выступает связующим звеном, заполняющим пространство. Поскольку воздух часто сопровождается эпитетом «сияющий», то можно предположить, что он является необходимым условием для распространения света, и поэтому часто идет в связке с огнем.

Во фрагменте В 135 DK воздух и свет предстают как бы в метафизическом виде:

*ἀλλὰ τὸ μὲν πάντων νόμιμον διὰ τ' εὐρυμέδοντος
αἰθέρος ἡνεκέως τέταται διὰ τ' ἀπλέτου ἀγῆς.*

*Но то, что предписано законом для всех,
Простирается непрерывно и через широко раскинувшийся эфир,
и через безграничный свет. (пер. К. С. Ковальчук)*

Этот фрагмент Аристотель приводит в первой книге «Риторики» (1373b6) в контексте обсуждения проблемы естественного права. Сначала он рассматривает классический пример Антигоны, которая хочет похоронить своего брата, и Аристотель говорит, что такое желание является справедливым для всех, а запрет на это противоестественен. Цитируя Софокла, Аристотель показывает, что естественными являются такие законы, которые появились давно, и никто не знает, кто был их автором. Вот и Эмпедокл, – продолжает Аристотель, – имел в виду естественный закон, когда говорил о запрете убивать живое. Из фрагмента Эмпедокла следует, как нам кажется, что моральный закон буквально разлит в воздухе, и для живущих на земле должно быть совершенно очевидно, что пролитие крови не является нормальным, справедливым и одобряемым действием. Конечно, в этом фрагменте мы сталкиваемся с несколько неожиданной трактовкой естественности какого-либо закона. Здесь он естественен так же, как воздух, которым мы дышим.

Для представления о воздухе, как заполняющем пространство, обратимся к фрагменту В 100 DK, в котором Эмпедокл описывает дыхание живых существ на примере клепсидры – устройства для добывания жидкости со дна сосуда, которое представляет собой длинную трубку с расширением на конце в виде решета. Если опустить клепсидру в сосуд, то жидкость вытолкнет воздух и до определенного уровня заполнит трубку. Если после этого заткнуть верхнее отверстие, то и воздух больше не сможет поступать внутрь трубки, а значит жидкость останется в ней и при подъеме из сосуда. Но если закрыть верхнее отверстие перед

погружением, то жидкость не сможет заполнить трубочку, так как ей будет препятствовать находящийся внутри трубочки воздух [этот фрагмент подробно рассмотрен в статьях: Федорова, 2010; Афонасина, 2015]. На этом замечательном примере Эмпедокл показывает не только то, как устроено дыхание внутри организма, но и то, что воздух заполняет все пустое пространство. Точнее, пространство – это и есть воздух.

Весьма примечателен фр. В 21 DK, в котором описанию каждого из корней отводится целая строка. О воздухе сказано следующее: ἀμβροτα δ' ὄσση ἴδει τε καὶ ἀρῦέτι δεύεται αὐγῆι «бессмертные, увлажненные жаром и ярким светом». Может показаться, что это не имеет никакого отношения к воздуху, но в работе Пико [Picot, 2014, pp. 358-362] было показано, что речь здесь идет об облаках, а М. Райт [Wright, 1981, p. 177] считает, что под этими «бессмертными» следует понимать небесные тела, которые составлены из воздуха и огня. Вслед за известными исследователями и мы согласимся считать эту строку метафорическим описанием воздуха. И в целом этот фрагмент является своего рода кладом знаний о корнях. Из него мы узнаем, что огонь представляется сияющим и жарким, воздух – увлажненным и светлым, вода – холодной и темной, а земля – порождающей опоры и твердые вещи.

Следуя свидетельству Псевдо-Плутарха, после воздуха из смеси вырывается огонь. Приступим к его описанию. Огонь способствует затвердеванию. Об этой его функции сказано в нескольких фрагментах. Во фр. В 56 DK под натиском солнца затвердевает соль (ἄλς⁷ ἐλάγη ρίλησιον ἐωσμένως ἠελίοιο). Во фр. В 73 DK смесь земли и воды скрепляется под действием огня. А во фр. В 96 DK обращает на себя внимание упоминание литейных форм, в которых должна затвердеть и приобрести окончательный вид смесь земли, воды и огня. Хотя огонь и присутствует в этой смеси, он же оказывается и необходимым внешним условием для завершения творческого процесса. Примечательна роль огня и в формировании небесных объектов, в частности луны. Из того же сообщения Псевдо-Плутарха (A 30 DK = 210 Bollack) мы узнаем, что луна образовалась из холодного воздуха, который затвердел, будучи скованным огнем, а солнце вообще не имеет огненной природы. В целом тема видимого космоса у Эмпедокла заслуживает отдельного внимания. И поскольку здесь очень много доксографических сведений, к которым требуется выработать определенное отношение, то оставим этот сюжет для будущих рассмотрений⁸.

Мы постепенно переходим в область физиологии, и первым упомянем фр. В 62 DK, в котором огонь представляется как некая действующая сила, выводящая из земли «молодые побеги многослезных мужчин и женщин». Процесс рождения людей описан в этом фрагменте так же, как и появление на свет растений, и огонь здесь имеет решающее значение. Причем из более теплой части земли выходят мальчики, и наличие тепла при рождении обеспечивает им более крепкие члены (В 67 DK). Сон отличается от смерти тем, что огонь лишь частично отделяется от тела, и тело не остывает полностью, а лишь охлаждается, в то время как полное отделение огненной субстанции от тела приводит к полному остыванию, т. е. к смерти (A 85 DK). В отношении этого свидетельства можно сказать,

⁷ Стоит отметить, что словом ἄλς в эпической литературе называлось и море, а значит в этом фрагменте возможно усмотреть противопоставление воды и огня.

⁸ В связи с возникшим здесь обсуждением вопроса о природе солнца хочется обратить внимание на статью Д. В. Панченко «Формирование представления о шарообразности Солнца в греческой философии и науке» [Панченко, 2019], где в частности упоминается и позиция Эмпедокла.

что скрепляющая функция огня проявляется в том, что пока огонь присутствует в смеси, из которой составлен человек, жизнь продолжается, как только огонь уходит полностью, все другие элементы больше не могут быть связаны друг с другом и распадаются.

Несколько выбивается из этой сюжетной линии мысль, представленная в строках из Страсбургского папируса. В собрание d вошло четырнадцать строк, часть которых сохранилась не полностью. Нас интересуют строки 11-14:

d 11 [...] случился несокрушимый огонь (φ[λογ]μὸς)

d 12 [...] возвышающий горестную смесь,

d 13 [...] родились плодоносные существа,

d 14 [...] чьи следы (λείψανα) и ныне еще видит Заря (Ἠώς). [Начало этого фрагмента и комментарий к нему см.: Афонасина, 2021, с. 66-68].

Во-первых, огонь обозначен словом φλοῦμός, которое, как мы видим, дополняет таблицу Райт и встречается здесь впервые. Во-вторых, это такая ипостась огня, которая представляет собой палящий, выжигающий жар, пламя, горящую лаву. Не случайно, по-видимому, оно сопровождается прилагательным «несокрушимый» (ἀτείρης). Да еще и результатом его действия оказывается какая-то горестная смесь. Учитывая все содержание собрания d, под выражением «горестная смесь» могут подразумеваться те существа, которые по неведению совершают убийства ради еды, и потому их судьба печальна, их будут преследовать Гарпии. Это все подталкивает нас к мысли о том, что огонь в периоды правления Любви и Вражды имеет разную этическую окраску⁹. Это утверждение необходимо будет подтвердить или опровергнуть в дальнейшем. А пока добавим, что во фр. В 85 DK встречается однокоренное слово φλόξ, но с прилагательным «кроткий», «благотворный». Возможно, здесь стоит обратить внимание на то, что φλοῦμός мужского рода, а φλόξ – женского. Не хотел ли Эмпедокл подчеркнуть этим разницу между женской и мужской природой и то, что в период правления Любви огонь предстает в ипостаси φλόξ, а в период правления Вражды – φλοῦμός? Это тоже пока останется в качестве планов на будущее. Так или иначе, мы можем заключить, что основной функцией огня, согласно рассмотренным выше фрагментам, является скрепление разрозненных частей внутри смеси, придание силы и крепости предметам и существам, и гарантия целостности.

Далее рассмотрим землю. Первым делом стоит отметить, что земля – это место, в котором происходит смешение корней. На это отчетливо указывают слова из уже упомянутого фр. В 96 DK:

ἡ δὲ χθὼν ἐπίηρος ἐν εὐστέρνοις χοάνοισι
τῷ δύο τῶν ὀκτῶ μερέων λάχε Νήστιδος αἴγυλης,
τέσσαρα δ' Ἠφαίστοιο· τὰ δ' ὀστέα λευκὰ γέροντο
Ἀρμονίης κόλλησιν ἀρηρότα θεσπεσίηθεν.

⁹ Не исключено, что и о других корнях будет справедливым сказать то же самое. Но действительно, в сохранившихся фрагментах огонь упоминается чаще остальных.

*А Земля преблагая в свои мощногрудые тигли
две из восьми частей получила от сияющей Нестиды,
и от Гефеста четыре. Так родились белые кости,
плотно склеенные божественной Гармонией.*

Вновь обратимся к Псевдо-Плутарху и предположим, что земля выделилась третьей или четвертой. Об этом прямо нигде не сказано. Но это можно вывести из содержания сообщения. После воздуха и огня Псевдо-Плутарх упоминает землю. По мнению Эмпедокла, «земля окружена двумя полусферами, которые движутся вокруг нее; одна из них полностью из огня, другая из смеси воздуха с небольшим количеством огня» (А 30 DK = 210 Bollack). Идея понятна – будучи тяжелой, земля оседает в центре космоса, окруженная более легкими огненной воздушной сферами.

В то время, как огонь выступает в качестве условия смешения, земля является местом смешения, той формой, в которой затвердевает смесь. Земля связана не с процессом творения, а с результатом – в этой форме, как видим из фр. В 96 DK, появляются кости. И этот результат довольно заметен для нас. Лучше всего это видно в обликах животных, каждый из которых отличается друг от друга преобладанием того или иного корня. В птицах преобладает огонь, а в рыбах – вода. В качестве примера животных, в смеси которых преобладает земля, Эмпедокл приводит морских моллюсков, черепах, рогатых оленей¹⁰. Земля животным придает или твердости, или веса. Так морские моллюски характеризуются тяжелыми раковинами (фр. В 76 DK)¹¹.

Словом «земля» Эмпедокл называет и планету, на которой мы живем. А то, что это представление именно о планете, говорит нам фр. В 45 DK: κικλoтepές πepί γαίαν έλιoσeται άλλότpιον φώς «круглый вокруг земли вращается чужой свет».

Также, благодаря земле, существует ночь – она появляется, когда земля встает в стороне от солнечного света: νύκτα δέ γαία τίθησιν ύφισταμένη φαέεσι (В 48 DK).

И, наконец, рассмотрим воду. Вода, согласно Эмпедоклу, является неотъемлемой составляющей всего, чему свойственно жидкое состояние. Вино он называет «выдержанной виноградной водой» (В 81 DK). Примечательно и метафорическое описание моря как пота земли (В 55 DK): Γής ιδρώτα θάλασσαν.

Аристотель цитирует эту неполную строку (Метеорология 354a24-28), чтобы высмеять ее как «метафору», которая, по его словам, подходит только для поэзии, но никак не для изучения природы. Это еще один пример пренебрежительного отношения Аристотеля (умышленного или нет) к Эмпедоклу как поэту, который верил в то, что каждый человек является микрокосмом, и поэтому сам космос (макрокосм) может быть закономерно персонифицирован. Другие отрывки, имеющие непосредственное отношение к этому убеждению, можно наблюдать во фр. В 109 DK.

¹⁰ К этому списку вероятно можно добавить и ежей, упомянутых во фр. В 83 DK.

¹¹ Этот фрагмент примечателен тем, что до открытия Страсбургского папируса из него было известно три строки, которые для нас сохранил Плутарх. С открытием папируса оказалось, что Плутарх передает строки одного фрагмента не по порядку, а выборочно [полностью фрагмент см.: Афонасина, 2021, с. 58-59].

Во фрагменте В 115 DK Эмпедокл развивает очень важную с точки зрения этики и религии мысль, осуждая жертвоприношения и убийство животных даже во имя пропитания, называя этот принцип указом богов, переданным оракулом. При этом нарушившего сей запрет ждет ужасное наказание: сила воздушной стихии загонит его в море, но и море выплюнет на сушу, и земля отбросит от себя в лучи жаркого солнца, снова толкнет оно в воздушные вихри, и будет блуждать он, изгнанник, ненавидимый всеми, на расстоянии трех тысяч веков от Благословенных, сменяя одну смертную форму другой на трудных жизненных путях.

Также из фрагмента В 98 DK мы узнаем, что все формы плоти и крови суть в равных частях корни земли, воды, огня и воздуха, смешанные в прекрасной утробе Киприды, кипрской Афродиты, воплощения Гармонии и Любви.

Любовь и Ненависть или, иначе, Раздор, тоже божественны и вечно существуют (В 16 DK), а также имеют влияние на корни. Любовь, которая наделяется такими эпитетами, как добрая (ἡλιόφρων), тихая (θεμερῶπις), радость и Афродита, объединяет, а Ненависть – пагубная (οὐλόμενον), зловердная (λυγρόν), сводящая с ума (μαινόμενον), алчущая крови битва (Δηρὶς αἰματοεσσα) – разъединяет. Антагонизм этих двух противоположных, но тесно переплетенных понятий, их постоянная борьба за контроль над корнями и делают мир таким, каким мы его воспринимаем. Если бы не было Ненависти, ничего бы в мире не менялось, если бы не было Любви – мир бы находился в хаосе разрозненных корней. Именно эти силы движут всем: от глобальных космических вещей до поступков людей. Они влияют на поведение людей, проявляются через них в стремлении к дружбе и объединению или вражде и войнам.

Итак, из фрагментов Эмпедокла мы можем выделить несколько смысловых групп, обозначающие корни: чувственно воспринимаемые объекты, имена богов и богинь, небесные объекты и элементы видимого космоса, а также некоторые абстрактные понятия. Корни, будучи самостоятельными, преисполненными разума и божественности, тесно переплетаются друг с другом, являя практически неотличимое глазу целое.

Анализ фрагментов, в которых говорится о свойствах корней, их эпитетах и взаимодействии друг с другом, показал, что Эмпедокл воспринимал мир как единое целое, в котором он не видит различий между макро и микроуровнями. Речь не идет только о периоде господства Любви и объединении всего в Сфайросе. На макроуровне корни выступают как проявления стихий, в очень масштабном плане как море-вода, почва-земля, Солнце-огонь, пространство-воздух. Они буквально и есть все, что существует, и все происходит внутри них. А на микроуровне, особенно во фрагментах, посвященных описаниям физиологических процессов, они являются мельчайшими частицами, из правильного соединения которых образуются ткани и жидкости живых существ.

Анализ контекста употребления корней и их эпитетов также показал, что слово «элемент», которого мы тщательно избегали в данной работе, слишком ограничивает мысль Эмпедокла. Элемент в послеаристотелевском понимании – это некая материальная единица со строго закрепленными за ней свойствами. У Эмпедокла нет такой строгости. Он с легкостью описывает корни как стихии, и в то же время как составные части смеси, из которой демиург приготовляет кровь или кости живых существ.

Список литературы / References

- Афонасин, Е. В. (2020). *Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства*. СПб.
Afonasin, E. V. (2020). *Heraclides of Pontus. Fragments and Testimonia*. St. Petersburg.
(In Russ.)
- Афонасина, А. С. (2015). Эмпедокл о дыхании. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Т. 9.2. С. 353-362.
Afonasina, A. S. (2015). Empedocles on breathing. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Vol. 9.2. pp. 353-362.
(In Russ.)
- Афонасина, А. С. (2021). *Страсбургский папирус Эмпедокла*. Перевод и комментарий.
Новосибирск.
Afonasina, A. S. (2021). *The Strasbourg papyrus of Empedocles*. A translation into Russian
and commentaries. Novosibirsk. (In Russ.)
- Афонасина, А. С. (2022). Образ Эмпедокла в трактатах гиппократовского корпуса
и интерпретация некоторых биографических сведений. *Вестник СПбГУ. Философия
и конфликтология*. Т. 38. № 3. С. 293-306.
Afonasina, A. S. (2022). The image of Empedocles in the Hippocratic treatises and the
interpretation of some biographical evidences. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy
and Conflict Studies*. Vol. 38. no. 3. pp. 293-306. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.302>.
(In Russ.)
- Панченко, Д. В. (2019). Формирование представления о шарообразности Солнца
в греческой философии и науке. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Т. 13.1. С. 234-250.
Panchenko, D. V. (2019). The emergence of the idea of a spherical sun in Greek science
and philosophy. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Vol. 13.1. pp. 234-250. (In Russ.)
- Федорова, О. В. (2005). Четыре элемента Эмпедокла: текстологический анализ
фрагментов. *Вопросы истории естествознания и техники*. Т. 26. № 2. С. 18-65.
Fedorova, O. V. (2005). The four elements in Empedocles: a textual analyses of the fragments.
Studies in the History of Science and Technology. Vol. 26. no. 2. pp. 18-65. (In Russ.)
- Федорова, О. В. (2010). «Играющее дитя», или фрагмент Эмпедокла о дыхании в свете
филологического анализа. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. № 2.
С. 3-34.
Fedorova, O. V. (2010). "The playing child" or Empedocles' fragment about breathing
in the light of philological analysis. *Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. no. 2.
pp. 3-34. (In Russ.)
- Guthrie, W. K. C. (1979). *A History of Greek Philosophy. Vol. 2: The Presocratic Tradition
from Parmenides to Democritus*. Cambridge University Press.

Millerd, C. E. (1908). *On the Interpretation of Empedocles*. Chicago.

Picot, J-C. (2014). Un nom énigmatique de l'air chez Empédocle (fr. 21.4 DK). *Les Études philosophiques*. no. 110. pp. 343-373.

Russell, A. D., Konstan, D. (2005). *Heraclitus: Homeric problems*. Society of Biblical Literature. Atlanta.

Wright, M. R. (1981). *Empedocles the Extant Fragments*. Yale University Press.

Сведения об авторах / Information about the authors

Афонасина Анна Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии Института философии и права НГУ, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: afonasina@gmail.com

Ковальчук Ксения Сергеевна – старший лаборант Института философии и права НГУ, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию: 15.08.2022

После доработки: 30.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Afonasina Anna – Candidate of Philosophical Sciences, Institute of Philosophy and Law, NSU, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: afonasina@gmail.com

Kovalchuk Xenia – senior lab assistant in Institute of Philosophy and Law, NSU, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, e-mail: k.kovalchuk@g.nsu.ru

The paper was submitted: 15.08.2022

Received after reworking: 30.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

УДК 1 (091)

РАННЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*

В. В. Бровкин

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
vbrovkin1980@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о факторах, оказавших влияние на формирование критики традиционных религиозных представлений в ранней греческой философии. Установлено, что первый фактор – это внутреннее развитие греческой философии, связанное с решением проблемы первоначала. В философии Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Пифагора, Парменида, Мелисса, Эмпедокла наметился отход от религиозных представлений. У Ксенофана и Гераклита уже в полную силу проявилась критика мифологии, антропоморфизма, мантики. Гиппон и Анаксагор были обвинены в безбожии. Второй фактор – это социально-политическая нестабильность в Греции VI–V вв. до н. э. Данное обстоятельство способствовало усилению недоверия у греческих философов к общественно-политическим, моральным и религиозным установлениям.

Ключевые слова: Фалес, Пифагор, Ксенофан, Гераклит, олимпийские боги, мифология, антропоморфизм, первоначало, полис.

Для цитирования: Бровкин, В. В. (2022). Ранняя греческая философия и традиционные религиозные представления. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 19-33. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.19-33

EARLY GREEK PHILOSOPHY AND TRADITIONAL RELIGIOUS BELIEFS*

V. V. Brovkin

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
vbrovkin1980@gmail.com

Abstract. The article discusses the factors that influenced the formation of criticism of traditional religious beliefs in early Greek philosophy. It is established that the first factor is the internal development of Greek philosophy associated with the solution of the problem of the arche. In the philosophy of Thales, Anaximander, Anaximenes, Pythagoras, Parmenides, Melissus, Empedocles, there has been a departure from religious beliefs. Xenophanes and Heraclitus have already criticized mythology, anthropomorphism, and mantic in full force. Hippo and Anaxagoras were accused of godlessness. The second factor is the socio-political instability in Greece of the VI–V centuries BC. This circumstance contributed to the strengthening of distrust among Greek philosophers towards socio-political, moral and religious institutions.

Keywords: Thales, Pythagoras, Xenophanes, Heraclitus, Olympian gods, mythology, anthropomorphism, arche, polis.

For citation: Brovkin, V. V. (2022). Early Greek Philosophy and Traditional Religious Beliefs. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 19-33. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.19-33

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-18-00025 «Античные мистериальные культы и греческая философия: орфика, пифагореизм, герметика, платонизм».

* The reported study was funded by RSF, project number 22-18-00025 «Ancient mystery cults and Greek philosophy: orphica, the Pythagoreanism, Hermetica, Platonism».

Вопрос, который мы рассмотрим в данной статье, касается критики традиционных религиозных представлений в ранней греческой философии и социально-исторических условий ее формирования. Критика религии является распространенным явлением в греческой философии. Расцвет данного явления приходится на два периода в истории античной философии. Первый период связан с деятельностью софистов в конце V в. до н. э. В это время традиционные религиозные представления стали объектом критического анализа со стороны таких философов как Протагор, Критий, Продик и Диагор. Второй период, совпавший с ранним эллинизмом (конец IV – начало III вв. до н. э.) и ознаменовавшийся дальнейшим развитием критики в отношении религии, был связан с Феодором Безбожником, Бионом Борисфенским, Эпикуром и Эвгемером. Мы полагаем, что критическое отношение к религии со стороны софистов и представителей ранней эллинистической философии не могло возникнуть на пустом месте. Если мы хотим установить предпосылки формирования данного отношения, то нам следует обратиться к ранней греческой философии (VI–V вв. до н. э.). Именно ее представители должны были высказать идеи, развитие которых в дальнейшем приведет к расцвету антирелигиозной мысли. В этой связи в данном исследовании мы ставим перед собой две задачи. Во-первых – это прояснение позиции ранних греческих философов в отношении религии. Во-вторых – выявление факторов социально-исторического развития, обусловивших ее появление.

Как известно первым философом считается Фалес Милетский. При первом взгляде на учение Фалеса складывается впечатление о его почтительном отношении к религиозным представлениям. Так, сообщается, что, по мнению философа, «космос одушевлен и полон божественных сил» [Лебедев, 1989, с. 104, 101], «души бессмертны» [Там же, с. 100, 104] и «прекраснее всего – космос, ибо он творение бога» [Там же, с. 103]. В другом фрагменте автор сообщает о том, что Фалес, отвечая на вопрос «Может ли человек тайком от богов совершить беззаконие», ответил, что «[не только совершить], но и замыслить [не может]» [Там же, с. 103]. Как передает Плутарх, Фалес полагает, что «во всех важнейших и величайших частях космоса имеется душа, а потому и не стоит удивляться тому, что промыслом бога совершаются прекраснейшие дела» [Там же, с. 115]. Вместе с тем, на наш взгляд, учение Фалеса о первоначале открывало широкие возможности, если не для прямой критики религии, то, как минимум, для отхода от традиционных религиозных представлений и некоторого сомнения в их отношении.

Здесь следует отметить следующий момент. С одной стороны, может показаться, что учение Фалеса о первом элементе достаточно хорошо вписывается в религиозную картину мира древних греков. Вода, согласно Фалесу, является тем элементом, из которого рождаются и в который разлагаются все вещи в природе. При этом, как сообщает Цицерон, Фалес «считал воду началом всех вещей, а бога – тем умом, который все создал из воды» [Там же, с. 114]. Представление Фалеса о божестве, в силу скудности источников, для нас остается туманным. В одном фрагменте сообщается, что, по мнению Фалеса, «бог – это ум космоса, а Вселенная одушевлена и полна божеств» [Там же]. В другом фрагменте говорится о том, что, согласно Фалесу, одушевленную воду приводит в движение божественная сила [Там же]. Из источников нам известно, что представление о том, что все вышло из воды, было широко распространено в греческом религиозном сознании. Более того, вода обожествлялась и под именем Океана считалась первоначалом всего сущего. В частности, об этом говорится у Гомера [Там же, с. 33]. В этой связи, учение Фалеса о первоначале можно рассматривать

в качестве рационализации религиозных представлений греков. С другой стороны, учение Фалеса о первом элементе можно рассматривать как отход от религиозной и мифологической картины мира. Как отмечает Н. П. Кнэхт, «... процесс демифологизации и деантропологизации, начавшийся еще в творчестве Гомера, окончательно завершается у Фалеса: его “вода” уже безлична» [Кнэхт, 2015, с. 40].

Также у нас имеется фрагмент, который позволяет рассматривать учение Фалеса о первоначале в качестве одного из источников, оказавших влияние на развитие критического отношения к религии в ранней греческой философии. Симпликий сообщает: «Из тех, кто полагает одно движущееся начало (их [Аристотель] называет физиками в собственном смысле слова), одни считают его конечным, как, например, Фалес, сын Эксамия, милетец, и Гиппон, которого считают безбожником. Они полагали, что начало – вода, причем на это их навело чувственное восприятие» [Лебедев, 1989, с. 110]. Как мы видим, в учении о воде как первоначале Фалес упоминается наряду с Гиппоном – натурфилософом V в. до н.э., прослывшим безбожником. Обратимся к Гиппону и постараемся выяснить, чем он заслужил подобную репутацию. В первом фрагменте, представляющем для нас ценность, говорится о том, что прозвище «безбожник» Гиппон заслужил благодаря тому, что «отрицал существование чего-либо, кроме чувственно-воспринимаемых вещей» [Там же, с. 422]. Во втором фрагменте, автором которого является Климент Александрийский, сообщается, что Гиппон, так же как и другие известные «безбожники» античного мира, заслужил свое прозвище из-за того, что критиковал языческие представления о богах [Там же, с. 421].

Что касается связи Гиппона и Фалеса, то здесь следует сказать следующее: в отличие от Гиппона Фалес не был замечен в явной критике языческих представлений о богах и, как мы показали выше, он не отрицал существования богов и божественного вмешательства в дела природы. Однако одна существенная деталь объединяет Фалеса и Гиппона: важную роль в исследованиях обоих философов играло чувственное восприятие. До нас дошло немало фрагментов, в которых сообщается о том, что Фалес свои умозаключения относительно первоначала и явлений природы делал на основании наблюдений и чувственного опыта. А это, на наш взгляд, предоставляло возможности, как для различных интерпретаций учения Фалеса, так и для развития его философских идей в критическом по отношению к религии направлении. Не исключено, что позиция Гиппона как раз и представляла собой один из вариантов развития идей Фалеса, появившийся в результате их радикализации и отказа от божественного вмешательства.

В лице преемников Фалеса по Милетской школе Анаксимандра и Анаксимена мы имеем дело с философами, взгляды которых способствовали росту скептического отношения к традиционным религиозным представлениям в ранней греческой философии. Анаксимандр, как известно, в качестве первоначала выбрал не один из известных элементов, а некую бесконечную сущность (апейрон). По мысли философа, это начало является вечным, бесконечным и пребывающим в постоянном движении. По сообщению Аристотеля, «оно-то и есть божество, ибо оно “бессмертно и не подвержено гибели”, как говорит Анаксимандр» [Там же, с. 120]. Согласно философу, из бесконечного первоначала рождаются многочисленные миры, которые позднее погибают. А по сообщению Симпликия «Анаксимандр утверждал, что бесконечные небосводы [миры] суть боги» [Там же, с. 123]. Следовательно, по мнению Анаксимандра, боги смертны и производны от первоначала.

Мы полагаем, что подобное представление вряд ли могло встретить одобрение со стороны ревнителей традиционных религиозных представлений. В этой связи очень показательным возмущением Цицерона: «По мнению Анаксимандра, боги рождены: они возникают и погибают через долгие промежутки времени и при этом суть бесчисленные миры. Но как же мы можем мыслить бога иначе как вечным?» [Там же, с. 123-124].

Похожую картину мы можем наблюдать и в случае с Анаксименом. Только в качестве первоначала, из которого все возникает и в которое все обратно распадается, у философа выступает воздух. Согласно Анаксимену, из бесконечного воздуха «рождается то, что есть, что было и что будет, а также боги и божественные существа» [Там же, с. 130]. По поводу того, считал ли Анаксимен воздух богом, источники расходятся. Как передает Августин, по мнению Анаксимена, не богами «сотворен воздух, но сами они возникли из воздуха» [Там же, с. 131]. Филодем и Цицерон сообщают, что воздух у Анаксимена выступает в качестве рожденного, неизмеримого, бесконечного и вечно движущегося бога [Там же, с. 131]. В пользу этой версии говорит то, что последователь Анаксимена – Диоген из Аполлонии – считал воздух не только материальным первоначалом, но и богом, который обладает сознанием [Там же, с. 542, 548]. Цицерон по этому поводу выражает уже знакомое нам негодование: «Как будто лишенный какой бы то ни было формы, воздух может быть богом, в то время как богу особенно подобает обладать не только каким-нибудь, а наипрекраснейшим образом, и как будто бы все, что родилось, не обречено на смерть!» [Там же, с. 131]. Если отбросить детали и тонкости, следует признать, что представления Анаксимандра и Анаксимена о богах очень похожи. Оба философа признавали богов, но выводили их из первоначала. Связь и зависимость богов от первоначала, безусловно, умаляла их могущество и ослабляла их авторитет. Именно с этим была связана эмоциональная критика Цицерона. Мы полагаем, что Цицерон прекрасно понимал опасность подобных представлений. Не покушаясь на основные религиозные положения о существовании богов и их участии в делах природы и человека, Анаксимандр и Анаксимен своими взглядами пошатнули религиозную картину мира. Интерес натурфилософов к природе и ее внутренним законам постепенно отодвигал в сторону религиозную тематику. Тем самым подготавливалась почва для более решительных шагов в направлении критики религиозных представлений.

Если представители Милетской школы вели наступление на традиционные религиозные представления, опираясь на натурфилософию и науку, то Пифагор зашел со стороны самой религии. Здесь следует сделать важное пояснение. Нам представляется маловероятным, что ранние греческие философы сознательно стремились к подрыву религиозных устоев. Но отдельные положения их учений могли невольно этому способствовать. Во многом случай с Пифагором повторяет историю с Фалесом Милетским. Как мы полагаем, будучи благочестивым человеком, Пифагор, тем не менее, оказал своим учением ослабляющее влияние на традиционные религиозные представления. О религиозности Пифагора свидетельствуют разные источники, сообщающие, что, согласно Пифагору, «никто не мудр кроме бога» [Там же, с. 148], высшая нравственная цель заключается в уподоблении богу [Там же, с. 148]. Явмлик передает, что Пифагор воспитал в своей дочери особое благочестие [Там же, с. 145]. По сообщению Исократ, Пифагор преуспел «в науке о жертвоприношениях и торжественных богослужениях, совершаемых в храмах» [Там же, с. 140].

Однако все это не отменяет того факта, что Пифагор активно проповедовал учение о переселении душ (метемпсихоз). Причем, согласно Пифагору, бессмертная душа могла переселяться в тела животных. Порфирий сообщает, что Пифагор первым принес это учение в Грецию [Там же, с. 143]. Но, как известно, родоначальниками метемпсихоза в Греции, наряду с пифагорейцами, считаются также орфики. Как пишет Л. Я. Жмудь, «на рубеже VI–V вв. метемпсихоз был широко известен в Великой Греции» [Жмудь, 1994, с. 135]. В то же время, следует отметить, что, несмотря на широкое распространение данного явления в Греции, для религиозных представлений греков идея о переселении душ была не характерна. Как пишет А. В. Халапсис, «классическая же олимпийская религия не знала личного бессмертия людей, которые и назывались “смертными”, но не потому, что их душа распадалась с гибелью тела, а потому, что душа в Аиде теряла память, а значит – и личность» [Халапсис, 2016, с. 61]. Насколько мы знаем из источников, учение Пифагора о метемпсихозе не вызывало у греков какого-либо раздражения или негодования. Из этого следует, что оно не представляло серьезной оппозиции традиционным религиозным воззрениям. Но мы полагаем, что для ранней греческой философии, взгляды Пифагора о душе вполне могли явиться аргументом в пользу усиления скептицизма в отношении религиозных представлений. На наш взгляд, разнообразные мнения и учения ранних греческих философов, расходящиеся с традиционными религиозными представлениями, не могли не способствовать росту сомнения и критического восприятия в их отношении.

Если в учениях Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена и Пифагора наметился некоторый отход от традиционных религиозных представлений, то в философии Ксенофана Колофонского проявилась уже полноценная критика. Ксенофан высмеивал Гомера и Гесиода за их рассказы о богах. Как передает Аристотель, Ксенофан считал традиционные рассказы о богах неправдивыми и вздорными [Лебедев, 1989, с. 166]. Уже в Античности Ксенофана называли «насмешником над гомеровским обманом» [Там же, с. 166]. Насколько нам известно, одна из главных претензий Ксенофана к древним поэтам заключалась в том, что те наделяют богов человекообразным обликом. Причем это касалось как внешнего вида, так и характера. Секст Эмпирик сообщает, что особое негодование у Ксенофана вызывало то, что Гомер и Гесиод наделили богов человеческими пороками [Там же, с. 171]. Касаясь внешнего вида, Ксенофан указал на то, что отдельные народы и племена приписывают своим богам такую внешность, какой обладают сами [Там же, с. 171–172]. А это, по мнению философа, доказывает то, что боги не антропоморфны. Как не без иронии заметил Ксенофан, если бы быки и львы умели рисовать, то они бы изобразили богов по своему подобию [Там же, с. 171]. Критике Ксенофана подверглось также многобожие. По мысли Ксенофана, бог не может обладать полным превосходством, если существуют другие боги. Следовательно, бог может быть только один [Там же, с. 160]. Рассуждения Ксенофана о природе бога привели его к выводу о том, что «все есть одно и это [одно] есть бог – конечный, разумный, неизменяемый» [Там же, с. 166]. Мнение Ксенофана о шарообразной форме бога также сильно отличалось от традиционных представлений греков о богах.

В качестве еще одного объекта критики Ксенофана выступала мантика. Искусство прорицания являлось неотъемлемой частью традиционных религиозных представлений греков. Гадание с целью установления воли богов играло важную роль в социально-политической и культурной жизни полисов. По сообщению Цицерона, Ксенофан был единственным из древних философов, кто «полностью отвергал дивинацию» [Там же, с. 169].

Показательно, что по сообщению того же Цицерона и Псевдо-Плутарха, кроме Ксенофана отрицанием мантики прославился только еще один философ, главный безбожник Античности – Эпикур [Там же, с. 169]. Для греческой философии VI в. до н. э. высказывания Ксенофана о богах были не просто смелыми, а беспрецедентными. Как пишут Д. А. Гусев и В. А. Потатуров, «... Ксенофан со своим пантеистическим учением и выглядит в античном мире как отступник, “еретик” и своего рода “антиклерикал”, достойный осуждения и изгнания с точки зрения традиционных религиозных представлений» [Гусев, Потатуров, 2018, с. 40]. Возникает вопрос, почему Ксенофан избежал участи других критиков религии и не попал в список безбожников. На наш взгляд, объяснением этого служат два обстоятельства. Во-первых, Ксенофан при всей своей критике не отказался от идеи бога и божественного разума. А во-вторых, Ксенофан заслужил репутацию сторонника единобожия и борца с языческими заблуждениями и предрассудками у ранних христианских мыслителей. В частности, его хвалит Климент Александрийский: «Ксенофан Колофонский приводит хорошие доводы в пользу своего учения о том, что бог один и бестелесен» [Лебедев, 1989, с. 172].

Говоря о критике религии в ранней греческой философии, некоторые исследователи наряду с Ксенофаном упоминают также Гераклита. В. В. Мурский отмечает: «Античная философия почти сразу после своего возникновения заняла критическое отношение к языческому богословию. Так, Гераклит говорит, что Гомер заслуживал того, чтобы его выгнали с поэтических состязаний и высекли. Ксенофан критикует антропоморфизм. Его апофатически описанный Бог не похож на греческих богов» [Мурский, 2013, с. 233]. Гераклит подверг осуждению Гомера из-за высказанного им сожаления относительно вражды между богами и людьми. По сообщению Плутарха, Гераклит заявил, что «Гомер, молясь о том, чтобы “вражда сгинула меж богами и меж людьми”, сам того не ведая, накликает проклятье на рождение всех [сущест]в» [Там же, с. 202]. Гераклит, убежденный в том, что в основе мироздания лежит принцип вражды и противоборства, осуждал всех, кто высказывал отличные от этого идеи. При этом сам Гераклит, вероятно, обожествлял данный принцип. В пользу этого говорят следующие фрагменты: «Война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» [Там же, с. 202], «отец всех вещей – война» [Там же, с. 203], «война и Зевс тождественны» [Там же, с. 203]. Но одним Гомером критика Гераклита не ограничилась. Решительным нападкам подверглись также Архилох и Гесиод. Весьма примечательна критика Гераклита в отношении последнего: «Учитель большинства – Гесиод: про него думают, что он очень много знает – про того, кто не знал [даже] дня и ночи!» [Там же, с. 214]. Как мы видим, Гераклит осмелился обвинить в заблуждениях о мире и богах поэтов, которые сыграли главную роль в формировании греческой мифологии.

Следует отметить, что у Гераклита имелся очень большой интерес к религиозной тематике. В единственном его сочинении «О природе» одна из трех глав отводилась богословию. При этом, как можно понять из источников, взгляды философа о богах действительно значительно отличались от традиционных религиозных представлений. В русле натурфилософской традиции Гераклит обожествляет первоначало, в качестве которого у него выступает огонь. Плутарх приводит мнение Гераклита: «Бог неуничтожим и вечен, но, подчиняясь некоему промыслу и логосу, испытывает превращения собственной природы и то возгорается огнем, стирая все различия между вещами путем расплавления,

то возрождается в многообразии различных форм» [Там же, с. 219]. О том, что Гераклит выступает против антропоморфизма, свидетельствует следующий фрагмент: «Бог совершенно не похож на человека ни природой, ни движением, ни искусством, ни силой» [Там же, с. 239]. Отдельного упоминания заслуживают критические высказывания Гераклита о мистериях и идолопоклонстве. Гераклита глубоко возмущали религиозные практики греков, в которых, по его мнению, ярко проявлялись всевозможные предрассудки, суеверия и откровенная нечестивость [Там же, с. 217, 240].

Говоря о Ксенофане и Гераклите, мы не можем пройти мимо версии, согласно которой данные философы были консерваторами, боровшимися с представлением об антропоморфных богах. О. А. Матвейчев отстаивает гипотезу о религиозной революции в Греции архаического периода, в результате которой на свет появилась «антропоморфная подделка» – комплекс представлений о человекообразных богах [Матвейчев, 2013, с. 39-40]. В рамках этой точки зрения, антропоморфизм выступает для философов в качестве нового и совершенно неприемлемого явления. Ксенофан и Гераклит протестуют «против профанации старых богов и снижения трансцендентного до уровня земного» [Там же, с. 38]. На наш взгляд, данная гипотеза является интересной, но недостаточно убедительной. Мы не располагаем источниками, в которых бы говорилось о том, что Ксенофан и Гераклит выступали за возвращение к религиозным корням, якобы существовавшим в Греции до распространения антропоморфных олимпийских богов. Представления Ксенофана и Гераклита о богах носят философский, а не богословский характер. Рассуждения философов встроены в общефилософский дискурс того времени. Ксенофан и Гераклит совершенно не производят впечатление религиозных реформаторов или хранителей истинной веры. Как типичные представители интеллектуальной элиты Греции, Ксенофан и Гераклит увлеченно критиковали не только религиозные представления, но и философские учения своих коллег, а также социальную реальность и политические установления. Поэтому, мы полагаем, что данных философов нельзя отнести к числу приверженцев неантропоморфных богов догомеровской эпохи.

Представления о богах философов Элейской школы также не отличаются особой ортодоксальностью в плане следования олимпийской религии. Главный представитель элеатов Парменид, согласно источникам, обожествляет различные явления природы и отвлеченные понятия. Как сообщает Цицерон, «Парменид измышляет нечто похожее на венок ... содержащий огненный блеск или круг света, который окружает небо и который он называет богом» [Лебедев, 1989, с. 282]. При этом, по мнению Цицерона, «в нем невозможно заподозрить ни божественного образа, ни сознания» [Там же, с. 282]. Кроме этого, к богам Парменид относит светила, «Войну», «Раздор», «Вожделение» [Там же, с. 282], огонь и землю [Там же, с. 281], необходимость [Там же, с. 281]. Как известно, Парменид был поэтом и свои философские взгляды излагал в поэтической форме. Поэтому нас не должно удивлять использование Парменидом поэтического языка для описания богов. При этом, как отмечает И. С. Вевюрко, поэтический язык Парменида «вытесняет мифическое метафизическим» [Вевюрко, 2013, с. 59], способствуя тем самым демифологизации религии. Однако более важным для понимания представлений Парменида о богах является его учение о сущем. Если суммировать все, что говорит Парменид о сущем, то напрашивается вывод

о том, что именно оно выступает у философа в качестве бога. В пользу этого говорит следующий фрагмент: «Парменид пишет о боге так: “очень много [знаков], что оно ... бездрожно и нерожденно”» [Лебедев, 1989, с. 289]. Вечным и неподвижным Парменид мыслит только сущее. Следовательно, сущее и есть бог.

Судить о религиозных взглядах Мелисса позволяют всего два фрагмента. Диоген Лаэртский сообщает, что, согласно Мелиссу, «о богах не следует утверждать ничего, так как познание их невозможно» [Там же, с. 315]. В другом фрагменте сообщается, что «одним, неподвижным и бесконечным началом всего сущего Мелисс полагал божество» [Там же, с. 326]. В первом случае мы имеем дело со сторонником религиозного агностицизма. Представление о непостижимости богов позднее появится у Протагора, которого из-за этого обвинят в безбожии и подвергнут преследованию. Во втором случае, перед нами, судя по всему, характерная для всех элеатов мысль о божественности сущего. Как мы видим, обе версии представлений Мелисса о богах существенно отличаются от олимпийского религиозного канона. Таким образом, взгляды элеатов о богах вполне укладываются в общую для ранней греческой философии тенденцию отхода от традиционных религиозных представлений.

Натурфилософского представления о богах придерживается и Эмпедокл. Как сообщают источники, Эмпедокл называл богами четыре элемента, из которых состоит мир, – огонь, воздух, воду и землю, а также две силы – Любовь и Распрю, соединяющие и разделяющие эти элементы [Там же, с. 352, 353]. По свидетельству ряда авторов, Эмпедокл в отношении элементов использовал имена известных олимпийских богов. Так, философ называл огонь – Зевсом, землю – Герой, воздух – Аидом, а воду – Нестидой [Там же, с. 356, 357]. На наш взгляд, использование Эмпедоклом аллегорий объясняется его владением художественным и поэтическим языком. Это ни в коем случае не говорит о его поддержке представления об антропоморфизме богов. Наоборот, Эмпедокл подчеркивает, что настоящие боги совершенно не похожи на человекообразных владык Олимпа. В своем главном сочинении «О природе» Эмпедокл подвергнул «бичеванию рассказываемые поэтами мифы об антропоморфных богах» [Там же, с. 409].

Анаксагор – один из наименее религиозных ранних греческих философов. Источники свидетельствуют, что все природные явления, наблюдаемые в мире, философ пытался объяснить естественнонаучным образом, не прибегая к сверхъестественным силам. Анаксагор, насколько можно понять, исключает божественное вмешательство в природные процессы. Даже самое знаменитое свое философское открытие – Ум – Анаксагор использует только для того, чтобы объяснить движение во Вселенной [Там же, с. 521, 522]. Большое впечатление производит совпадение оценок, данных Платоном, Аристотелем и Симпликием в отношении учения Анаксагора об Уме. Платон высказывает мысль о глубочайшем разочаровании после знакомства с учением Анаксагора и тем, что «умом он не пользуется вовсе и не указывает настоящих причин упорядоченности вещей, а ссылается на всякие там воздуха, эфиры, воды и множество других нелепых вещей» [Там же, с. 518]. Аристотель пишет, что Анаксагор использует Ум только в самых затруднительных ситуациях, а «в остальных случаях он называет причиной происходящего все что угодно, только не Ум» [Там же]. Симпликий сообщает, что Анаксагор «оставив в стороне Ум, объясняет образование большинства вещей самопроизвольностью» [Там же]. В нашем распоряжении

имеется несколько фрагментов, из которых следует, что Анаксагор считал Ум богом [Там же, с. 519]. Но, очевидно, что этот бог не имеет ничего общего с олимпийскими богами. В разрез с традиционными религиозными представлениями идет также мнение Анаксагора о том, что «над людьми нет вообще никакого промысла богов» [Там же, с. 522]. Очень смелые взгляды Анаксагора привели к тому, что в Афинах он был обвинен в безбожии и только благодаря заступничеству своего друга Перикла смог избежать смерти [Там же, с. 506, 511]. Таким образом, история с Анаксагором и Гиппоном показывает, что уже в ранней греческой философии появились мыслители, обвиненные в безбожии.

Последние представители ранней греческой философии, которых мы хотим рассмотреть, это атомисты. В картине мира Левкиппа и Демокрита религиозная тематика практически отсутствует. Это выглядит естественно, если учесть особенности атомистического учения. Левкипп и особенно Демокрит – самые последовательные и убежденные материалисты в греческой философии VI–V вв. до н. э. Сводя все мироздание к двум началам – атомам и пустоте, Левкипп и Демокрит исключают какое-либо участие богов в делах природы, общества и человека. О богах философы говорят мало и неопределенно. Согласно одной версии, Демокрит считает богов образами, проистекающими из тел, которые «в силу внутренне им присущего движения носятся туда и сюда и, проникая в души людей, вызывают в них мысли о божественной силе» [Лурье, 1970, с. 324]. Согласно другим версиям, Демокрит относит к богам «природу, которая изливает и посылает эти “образы”», а также «нашу мысль и разум» [Там же, с. 324]. Взгляды Демокрита вызывают неподдельное возмущение Августина и Цицерона. Последний даже усматривает в них проявление отрицания существования богов [Там же]. Если добавить к этому признание Демокритом смертности души, которая погибает вместе с телом [Там же, с. 320], то напрашивается вполне однозначный вывод: взгляды атомистов кардинальным образом отличались от традиционных религиозных представлений. Следует подчеркнуть, что возникли они не на пустом месте. Как мы показали, их появление было бы невозможно без всей предшествующей философской традиции. Отход от традиционных религиозных представлений, наметившийся в философии Фалеса и его учеников при решении проблемы первоначала, привел к открытой критике олимпийской религии Ксенофаном и Гераклитом и завершился появлением материалистического учения Демокрита и обвинениями Анаксагора и Гиппона в безбожии. Однако мы полагаем, что критика традиционных религиозных представлений в ранней греческой философии была обусловлена не только внутренним развитием, связанным с решением философских проблем, но и социально-историческими обстоятельствами. Данный вопрос мы рассмотрим в заключительной части статьи.

Мы полагаем, что критика традиционных религиозных представлений в ранней греческой философии была связана с политическим развитием Греции в VI–V вв. до н. э. Это не означает, что первое напрямую вытекало из второго. Скорее, политические процессы, происходившие в это время в Греции, способствовали нарастающему критическому отношению к религии со стороны философии. Выскажем предположение, что нестабильная политическая обстановка в Греции в поздний архаический и ранний классический периоды усилила недоверие у философов к общественным, моральным и религиозным нормам.

Критику религиозных представлений мы уже рассмотрели. Можно ли обнаружить в источниках критические высказывания философов в отношении социально-политической реальности и господствующей морали?

О природе тирании остроумно высказывается Фалес. На вопрос «Какую невидаль ему довелось увидеть?» Фалес ответил: «... тирана, дожившего до старости» [Лебедев, 1989, с. 103]. Источники сообщают о глубоком неприятии, которое у Пифагора вызывала тирания. По сообщению Порфирия, Пифагор покинул родину по той причине, что «тирания Поликрата слишком сурова, чтобы свободному человеку к лицу было бы терпеть деспотическое господство» [Там же, с. 142]. Участие Пифагора в политике и разгром пифагорейских союзов в Италии свидетельствуют не только о вовлеченности философа в государственные дела, но и о наличии у него критического взгляда на социально-политическую жизнь. Весьма критически по отношению к окружающей реальности был настроен и Ксенофан. Удостоилась внимания философа актуальная для Греции тема тиранического правления. В первом фрагменте Ксенофан замечает, что «тиранов надо либо пореже посещать, либо почаще услаждать» [Там же, с. 157]. Во втором фрагменте, который касается родного полиса Ксенофана – Колофона, философ откровенно называет тиранию мерзостной [Там же, с. 170]. Сильное негодование Ксенофан выражает в отношении прославления атлетов и победителей различных соревнований. Ксенофан критикует данную традицию, считая ее вздорной и несправедливой, способствующей прославлению силы вместо мудрости [Там же, с. 170]. Центральная мысль Ксенофана сводится к тому, что от физической силы и всех достижений атлетов «благоденствие тем не станет в городе больше» [Там же, с. 170]. Философ подвергает критике также роскошный образ жизни, укоренившийся в ряде полисов [Там же].

Резкой критикой в отношении моральных и политических устоев прославился Гераклит. Первое, что бросается в глаза, это глубокое презрение философа к народу. На наш взгляд, высокомерное отношение Гераклита к демосу объясняется политическими обстоятельствами. Гераклит прямо обвиняет жителей Эфеса за то, что они выбрали «дурное государственное устройство» [Там же, с. 176]. Антидемократическим характером обладают высказывания Гераклита о том, что «многие – дурны, немногие – хороши» [Там же, с. 246, 247] и «закон именно в том, чтобы повиноваться воле одного» [Там же, с. 247]. По мнению М. Ю. Лаптевой, критика Гераклита могла быть обращена не только против демократии, но и против олигархии, сторонников которой философ осуждал за стремление к стяжательству и плотским удовольствиям [Лаптева, 2008, с. 102]. Сообщения о человеконенавистничестве и отшельничестве Гераклита также говорят о его неприятии окружающих общественных установлений. Знаменитое изречение Гераклита о том, что «народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]» [Лебедев, 1989, с. 247], может свидетельствовать об острой социальной и политической борьбе, которая происходила в Греции в это время. Самые драматические отношения с тиранией сложились у Зенона Элейского. Потерпев поражение в борьбе с тираном, Зенон проявил удивительную стойкость во время пыток и прославился героической смертью [Там же, с. 298-300]. О плачевном положении дел в политической сфере говорит Демокрит: «При ныне установленном порядке нет никакой возможности, чтобы правители, даже если они вполне добродетельны, не творили обид» [Лурье, 1970, с. 362]. Хорошо видно, что отношение ранних греческих философов к социальной реальности было весьма критическим.

Порицанию подвергалось все – тираны, демос, олигархи, законы, общественная мораль. Вполне естественно, что в этом списке оказались и традиционные религиозные представления. Как мы предполагаем, являясь важной и неотъемлемой частью общественной жизни в Древней Греции, олимпийская религия не могла сохранить неприкосновенность от критики в условиях сильной политической турбулентности.

В этой связи нам осталось прояснить два момента. Во-первых, насколько тесно олимпийская религия была связана с полисной системой. Во-вторых, в чем заключалась политическая нестабильность в Греции VI–V вв. до н. э. и каковы были ее масштабы. В этой связи нам осталось прояснить два момента: насколько тесно олимпийская религия была связана с полисной системой, и в чем заключалась политическая нестабильность в Греции VI–V вв. до н. э. и каковы были ее масштабы. О тесной связи между религией и политикой в Древней Греции отмечается во многих современных исследованиях. Согласно Ч. У. Хедрику-младшему, многие религиозные обряды в Греции были гражданскими, религия была частью политической жизни [Hedrick, 2007, pp. 289, 295]. Как пишет исследователь, во времена Гесиода «религия не понималась как автономная область человеческой жизни, как и другие важные категории современного анализа, такие как “политическое”, “социальное” или “экономическое”: древние считали их интегрированными или (на современном академическом языке) “встроенными”» [Ibid, pp. 285-286]. О глубоком проникновении религии в общественную и политическую жизнь греков говорится в работе Л. Б. Зайдман и П. Ш. Пантель. Отмечается, что «одной из отличительных черт греческого города было то, что он не признавал разделения между священным и мирским, религиозным и светским. Такая дихотомия была бы бессмысленной для греков, поскольку, по их мнению, большинство человеческих поступков имело религиозное измерение» [Zaidman, Pantel, 1992, p. 92]. Сообщается, что: каждый греческий полис имел своего бога покровителя и посвященный ему культ; основание нового города сопровождалось жертвоприношениями и молитвами; народные собрания и суды проходили с жертвоприношениями; выборы судей и стратегов проводились в святилищах; при вступлении в должность произносили религиозные клятвы; межгосударственные договоры скреплялись религиозными клятвами; государственные финансы располагали в святилищах; государственные церемонии и празднества сопровождалась священнодействиями; политические и военные решения принимались на основании прорицаний и знамений. И даже городская площадь в полисах (агора) выступала в качестве центра политической жизни и одновременно святилища, и места многочисленных гражданских культов.

Следует отметить, что религия в Греции была тесно связана не только с политикой, но и с моралью. В. Буркерт особое внимание акцентирует как раз на том, что, несмотря на аморальность олимпийских богов, сама религия в то же время выступала в качестве основы морального порядка в полисе [Burkert, 1985, p. 247]. По мнению В. Буркерта, почитание богов являлось моральным законом для греков, нарушение которого могло обернуться самым суровым наказанием [Ibid, p. 249]. Как мы смогли убедиться, религия действительно играла очень важную роль в жизни полиса, будучи неразрывно связанной со всеми сферами жизнедеятельности древнегреческого общества. Очевидно, что в этих условиях любое серьезное колебание в области политики или морали могло отразиться на религии. И наоборот. Еще одной деталью, о которой необходимо сказать, является развитие олимпийской религии и связанное с этим изменение религиозных представлений

и практик. М. Х. Хансен и Т. Х. Нильсен пишут: «Имеющиеся у нас свидетельства показывают, что религиозные верования и обычаи менялись так же быстро, а иногда даже быстрее, чем социальные и политические институты. Старые культы были преобразованы, иногда до неузнаваемости, и были введены новые культы» [Hansen, Nielsen, 2004, p. 133]. Непросто оценить масштаб этих изменений в VI–V вв. до н. э., но мы полагаем, что это также могло способствовать усилению скептического отношения к религиозным представлениям у греческих интеллектуалов.

Политическое развитие Греции в поздний архаический и ранний классический периоды ознаменовалось ослаблением аристократии, зарождением и бурным развитием демократии и расцветом тирании. По сути, именно в это время в Греции сложилась полисная социально-политическая организация. При этом все эти процессы происходили в условиях острой борьбы, которая, как отмечает Х.-И. Герке, иногда имела «катастрофические социальные и экономические последствия» [Gehrke, 2009, p. 396]. Благодаря источникам, мы знаем о том беззаконии и кровопролитии, которыми сопровождалась борьба за власть в полисах. Для этого времени были характерны убийства, пытки и изгнание политических противников, привлечение наемников и внешних военных сил для захвата и удержания власти, заговоры и восстания, незаконное присвоение чужого имущества, активная демагогия. VI в. до н. э. вошел в историю Древней Греции не только как время появления философии, но и как век тирании. Несмотря на успешное правление отдельных тиранов, именно в это время тирания заслужила крайне дурную репутацию, от которой она уже никогда не избавится. Наследники первых тиранов, такие как сын Писистрата – Гипсий, сын Кипсела – Периандр, брат Гелона и Гиерона – Фрасибул, а также Фаларис, сильно злоупотребляли властью и печально прославились своими репрессиями. Как пишет Г. Берве, «их жестокость и произвол делали тиранию совершенно непереносимой» [Берве, 1997, с. 211]. Однако и при демократическом правлении происходило много насилия и несправедливостей. Достаточно вспомнить процедуру ostracism в Афинах и тех, кто стал ее жертвой. Многие выдающиеся афинские государственные деятели и полководцы оказались в изгнании только на основании того, что их заподозрили в попытке узурпировать власть. Политическому преследованию подвергались даже те, кто спас Элладу от персов – Мильтиад, Фемистокл, Кимон, Аристид. Безусловно, все это способствовало дискредитации общественных и политических порядков в глазах философов. Ярким подтверждением этого служит пожелание смерти жителям Эфеса, которое высказал Гераклит в связи с изгнанием ими, по мнению философа, наиболее достойного государственного деятеля Гермодора.

Подведем итоги. Как мы установили, критика традиционных религиозных представлений в ранней греческой философии была обусловлена двумя факторами. Первый фактор – это внутреннее развитие греческой философии в VI–V вв. до н. э. Рациональный поиск первоначала, свободный от религиозных рамок, привел к возникновению и постепенному усилению сомнения у ранних греческих философов по поводу традиционных религиозных представлений. Данная позиция прослеживается у Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, Пифагора, Парменида, Мелисса, Эмпедокла. В философии Ксенофана и Гераклита уже в полную силу проявилась критика в отношении мифов об олимпийских богах, антропоморфизма, мантики. Анаксагор, Гиппон и Демокрит отошли еще дальше от олимпийской религии. В материалистическом учении Демокрита боги наделялись атомистической природой. А Гиппон и Анаксагор были прямо обвинены

в безбожии. Второй фактор, который способствовал усилению критического отношения к традиционным религиозным представлениям, был связан с социально-историческим развитием. Поздняя архаика и ранняя классика – это переломное время в истории Древней Греции. Оно ознаменовалось завершением формирования полисной системы и глобальной политической трансформацией – переходом от монархии и аристократии через тиранию к демократии и олигархии. Крушение старых идеалов и появление новой социальной реальности проходило весьма болезненно и вызвало неоднозначные оценки. В ранней греческой философии проявилась критика социальной реальности. Религия же, будучи неразрывно связанной с общественно-политической жизнью в Древней Греции, с неизбежностью была вынуждена принять часть этой критики на себя.

Список литературы / References

Берве, Г. (1997). *Тираны Греции*. Ростов н/Д.
Berve, H. (1997). *The Greek Tyrants*. Rostov on/Don. (In Russ.)

Вевюрко, И. С. (2013). Парменид у истоков философии религии в Античности. *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение*. № 2 (46). С. 55-69.

Vevyurko, I. S. (2013). Parmenides and the Beginnings of the Ancient Philosophy of Religion. *St. Tikhon's University Review. Series I. Theology. Philosophia. Religious Studies*. no. 2 (46). pp. 55-69. (In Russ.)

Гусев, Д. А., Потатуров, В. А. (2018). Дискуссия о современном отечественном теологическом образовании в координатах религиозного, атеистического и научного мировоззрений (в историко-философском и общетеоретическом аспектах). *Проблемы современного образования*. № 2. С. 33-47.

Gusev, D. A., Potaturov, V. A. (2018). Discussion on Modern Russian Theological Education in the Context of Religious, Atheistic and Scientific Worldviews (as Regards the Historical-Philosophical and General-Purpose Aspects). *Problems of modern education*. no. 2. pp. 33-47. (In Russ.)

Жмудь, Л. Я. (1994). *Наука, философия и религия в раннем пифагореизме*. СПб.

Zhmud, L. Y. (1994). *Science, Philosophy and Religion in Early Pythagoreanism*. St. Petersburg. (In Russ.)

Кнэхт, Н. П. (2015). Проблема единства бытия у досократиков: античность и современность. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. № 3 (7). С. 37-52.

Knekht, N. P. (2015). Problem of Existence Unity in Pre-Socratic Philosophy: The Antiquity and the Present. *Economic and Social Research*. no. 3 (7). pp. 37-52. (In Russ.)

Лаптева, М. Ю. (2008). Гераклит и Гермодор в политической истории архаического Эфеса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. №. 3. С. 98-106.

- Lapteva, M. Yu. (2008). Heraclitus and Hermodorus in Political History of Archaic Ephes. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. no. 3. pp. 98-106. (In Russ.)
- Лебедев, А. В. (1989). *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики*. М.
- Lebedev, A. V. (1989). *Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1*. Moscow. (In Russ.)
- Лурье, С. Я. (1970). *Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования*. Л.
- Lurie, S. Y. (1970). *Democritus. Texts. Translation. Research*. Leningrad. (In Russ.)
- Матвейчев, О. А. (2013). Происхождение антропоморфизма греческой религии. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. Т. 13. №. 4. С. 32-41.
- Matveychev, O. A. (2013). Origin of Anthropomorphism of Greek Religion. *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 13. no. 4. pp. 32-41. (In Russ.)
- Мурский, В. В. (2013). Взаимоотношения античной философии и богословия (языческого и христианского). *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Т. 14. №. 3. С. 231-234.
- Murskiy, V. V. (2013). The Relationship Between Ancient Philosophy and Theology (Pagan and Christian). *Herald of the Russian Christian Academy for Humanities*. Vol. 14. no. 3. pp. 231-234. (In Russ.)
- Халапсис, А. В. (2016). Виза на небеса: Орфей, Пифагор и бессмертие. *Scientific Journal «ScienceRise»*. № 8/1 (25). С. 60-65.
- Halapsis, A. V. (2016). Visa to Heaven: Orpheus, Pythagoras, and Immortality. *Scientific Journal «ScienceRise»*. no. 8/1 (25). pp. 60-65. (In Russ.)
- Burkert, W. (1985). *Greek Religion: Archaic and Classical*. Oxford. Blackwell.
- Gehrke, H.-J. (2009). States. In *Raaflaub, K. A. and van Wees, H. A. Companion of Archaic Greece*. Wiley-Blackwell.
- Hansen, M. H., Nielsen, T. H. (2004). *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford University Press.
- Hedrick, Jr. C. W. (2007). Religion and Society in Classical Greece. In Ogden, D. (ed.). *A Companion to Greek Religion*. Blackwell. pp. 283-296.
- Zaidman, L. B., Pantel, P. S. (1992). *Religion in the Ancient Greek City*. Cambridge University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова 1, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

Статья поступила в редакцию: 10.08.2022

После доработки: 20.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Brovkin Vladimir – Candidate of Philosophical Sciences, Research Officer of the Institute for the Philosophy and Law, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova Str, 1, e-mail: vbrovkin1980@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0344-3304>

The paper was submitted: 10.08.2022

Received after reworking: 20.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

УДК 1(091)

АРИСТОТЕЛЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ФИЛОСОФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

О. С. Егорова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
oksana12egorova@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ отсылок к имени Аристотеля, содержащихся в произведениях русских литераторов, публицистов и философов XVIII – начала XX вв. В сопоставлении с более ранним периодом истории отечественной мысли выявляются историко-культурные образы философа («мудрец», «ученый», «универсальный человек», «гений», «идеальный философ» и др.), определяется смысловое значение каждого образа и его особенности. Делается вывод о том, что образы Аристотеля как «мудреца» и «ученого» имеют глубокие исторические корни, в то время как прочие образы начали формироваться преимущественно в изучаемый период. К статье прилагается полный библиографический перечень использованных работ, в которых упоминается имя Аристотеля.

Ключевые слова: русская литература, Аристотель, исторический образ, библиография.

Для цитирования: Егорова, О. С. (2022). Аристотель: исторические образы философа в русской литературе (XVIII – начало XX вв.). *RespublicaLiteraria*. Т. 3. № 3. С. 34-50. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.34-50

ARISTOTLE: HISTORICAL IMAGES OF THE PHILOSOPHER IN RUSSIAN LITERATURE (18TH – EARLY 20TH CENTURIES)

O. S. Egorova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
oksana12egorova@gmail.com

Abstract. In this article, I analyze some fragments from scientific, philosophical, journalistic and literary works of Russian authors of the 18th – early 20th centuries, containing references to the personality of Aristotle. Based on them, I attempt to reconstruct some of the traditional historical images of the philosopher in Russian culture (“sage”, “scientist”, “universal man”, “genius”, “ideal philosopher”). I determine the semantic content of each historical image, its features, and transformation while tracing their relationship with the ancient Russian tradition. I conclude that the images of Aristotle as a “sage” and “scientist” have deep historic roots while the rest of the images began to take form in the 18th century and later. The paper is supplemented by a complete bibliographic list of the studied works.

Keywords: Russian literature, Aristotle, historical image, Russian philosophy, bibliography.

For citation: Egorova, O. S. (2022). Aristotle: Historical Images of the Philosopher in Russian Literature (18th- early 20th centuries). *RespublicaLiteraria*. Vol. 3.no. 3. pp. 34-50. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.34-50

Каждая культура обладает собственной исторической памятью, формируя устойчивые представления о значимых для нее событиях и людях. Одной из разновидностей образов прошлого являются исторические образы знаменитых философов. Устойчивые исторические

представления в русской литературе сложились и об одном из самых известных античных философов – Аристотеле. В данной статье, основываясь на упоминаниях, содержащихся в научных, публицистических, философских и художественных работах русских авторов XVIII – начала XX вв. (среди них – писатели, ученые, философы, литературные критики, публицисты, поэты), предпринята попытка реконструкции исторических образов Аристотеля. Как показало это исследование, в русской литературе указанного периода представлено несколько конкретных образов философа, обладающих различным смысловым значением. Каждый из этих образов обладает своими характерными чертами, определенными хронологическими рамками, генеалогией, особыми связями с культурно-историческим контекстом. Нашей целью не является типологизация или систематизация представлений об Аристотеле, наша задача – воссоздать обобщенный образ философа в отечественной культурной парадигме показать, насколько претерпел изменения тот образ великого философа, который успел сложиться в древнерусской литературе.

Если говорить об образе философа в целом (безотносительно к конкретным персоналиям) в русской культуре обозначенного периода, можно отметить, что наиболее распространены были следующие: «мудрец», «софист», «теург», «философ-ученый», «философ-художник», «богослов», «профессор философии». В данной статье, основываясь на упоминаниях Аристотеля, содержащихся в различных произведениях русских авторов XVIII – начала XX вв. (ученых, философов, литературных критиков, публицистов, поэтов, писателей, переводчиков), мы предлагаем реконструкцию исторических образов Аристотеля. Как покажет это исследование, в русской литературе указанного периода представлено несколько конкретных образов философа, обладающих различным смысловым значением. Отметим, что мы не претендуем на полноту обзора всей имеющейся литературы и, следовательно, охвата всех возможных представлений об Аристотеле. Мы лишь предлагаем в первом наброске источниковедческий обзор и интерпретацию тех фактов, которые нам удалось обнаружить, выполняя его; дальнейшие исследования могут как расширить круг источников, так и скорректировать наши выводы.

Важным инструментом, способным показать культурный срез, в котором фигурируют образы Аристотеля, нам представляется полный библиографический перечень проанализированных работ, прилагаемый к данной статье: их авторы, названия и годы издания наглядно демонстрируют читателю среду и контекст, в которых так или иначе обращались к *персоналии* Аристотеля.

Ранее исследователи уже затрагивали вопрос реконструкции образов философов в русской культуре, и Аристотеля, в частности. Так, Н. А. Казакова в своей статье [Казакова, 1961, с. 358-367] подробно проанализировала изображения русской живописи XVI–XVII вв. (в том числе и иконографические изображения античных деятелей), сопоставив их с текстом «Пророчеств еллинских мудрецов». С иконографическими изображениями Аристотеля работал и В. П. Зубов [Зубов, 1963а, с. 319-332; Зубов, 1963b, с. 332-349], прослеживая истоки проникновения текстов античного философа на Русь. Также вопросами рецепции Аристотеля, его наследия в русской письменной культуре и иконографии (преимущественно допетровской эпохи) занимались Т. В. Чумакова [Чумакова, 2004, с. 243-256; Чумакова, 2005, с. 58-69], Н. М. Громов [Громов, 2010], Ю. Н. Звезда [Звезда, 2017, с. 467-476]. Однако эти авторы преимущественно обращаются к более ранним историческим эпохам и иным научным проблемам, зачастую лишь косвенно касаясь вопросов, связанных с рецепцией или формированием исторических образов

Аристотеля. Поскольку период до XVII в. включительно уже находился в поле зрения исследователей, мы в качестве нижней хронологической границы данной работы условно приняли XVIII в. В некоторых случаях мы прослеживаем преемственность, трансформацию и формирование исторических образов Аристотеля, опираясь на данные о русской литературной традиции предшествующей эпохи. В качестве верхней хронологической границы условно указано начало XX вв. как время интеллектуальной деятельности изучаемых авторов, чья карьера началась еще в досоветский период.

Следует отметить фрагментарность и некоторую поверхностность отдельных образов античного философа в исследуемых источниках указанного периода. Однако при ближайшем рассмотрении отдельные упоминания и размышления авторов об Аристотеле достаточно четко группируются в цельные образы, каждый из которых обладает собственной историей существования в контексте русской интеллектуальной культуры XVIII – начала XX века.

Для удобства читателя в данной статье используется двойная система цитирования. Ссылки на исследовательскую литературу даются во внутритекстовых сносках. Ссылки на работы авторов XVIII – начала XX вв. в целях экономии места, чтобы избежать перегруженности основного текста, приводятся в постраничных (подстрочных), а не внутритекстовых сносках; эти работы также воспроизведены в конце статьи в отдельном библиографическом перечне.

Философ-мудрец

«Философ-мудрец» – наиболее универсальный исторический образ Аристотеля в русской литературе. Терминологически в рамках данного образа зачастую такие понятия, как «философ», «мыслитель», реже – «мудрец», в исключительных случаях – «мудролюбец», «любомудрец» по отношению к Аристотелю использовались как синонимичные. Рассмотрим подробно смысловые коннотации данных терминов в изучаемый период.

Известно, что еще со времен Древней Руси греческий термин «философия» переводился на русский язык в таких вариациях, как «любомудрие», «любомудрство», «мудролюбие». Рассматривая многообразие смысловых оттенков термина «философ» в древнерусской литературе, Н. М. Громов указывает, что в данном случае «философами» именовали поклонников Софии, которая в христианской традиции являлась божественной Премудростью, персонифицированной в распространенном в древнерусской культуре образе Софии Премудрости Божией [Громов, 2010, с. 16-17]. В связи с этим в древнерусской книжной традиции «философия» часто воспринималась как «мудрость», и вплоть до второй половины XV в. «философами» называли «мудрецов» – не просто образованных людей, а тех, чьей целью были благочестивая жизнь и нравственное совершенство [Громов, 2010, с. 4-5, 8; Чумакова, 2005, с. 61]. Аристотель здесь не исключение. Достаточно вспомнить, что на Руси было распространено цитирование псевдо-Аристотелевских работ, где содержались нравоучительные рассказы якобы из жизни Аристотеля, проповедовавшие представления о правильном образе жизни [Чумакова, 2005, с. 65]. Так, в «Сказании об эллинском философе, о премудром Аристотеле» передается полумифический образ Аристотеля как древнегреческого мудреца – знатока правильной жизни и воспитателя популярного на Руси

«объединителя Вселенной» Александра Македонского [Чумакова, 2004, с. 254]. А в древнерусском сборнике византийского происхождения «Пчела» содержатся поучительные высказывания и афоризмы Аристотеля, касающиеся морали, наставлений и человеческих взаимоотношений [Зубов, 1963а, с. 330].

В изучаемый нами период упоминания¹ в литературе об Аристотеле как о «мудролюбце» и «любомудре» все еще встречаются, хотя и редко. Значительно чаще в конце XVIII – начале XX вв., преимущественно в философской среде, его именовали более привычно – «мудрецом»². При этом Аристотеля наделяли такими эпитетами, как «прославленный»³, «премудрый»⁴, называли «мудрыми»⁵ его слова и советы. Однако содержательно используемая для характеристики Аристотеля лексика в основном указывала на интеллектуальные качества уже без какой-либо привязки к его моральному облику.

Говоря об образе «Аристотеля-мудреца», также важно отметить, что в контексте православия он был тесно связан с образом «Аристотеля-пророка» (очевидно, по аналогии с ветхозаветными пророками [Звездина, 2017, с. 467]). Как один из «эллинских мудрецов», еще с начала XVI в. Аристотель был поставлен на службу православной церкви, выступая в качестве «пророка» – некоего примерного язычника, предвосхитившего догматы христианской религии⁶ (однако лишь в конце XVI – начале XVII вв. он получил ее официальное одобрение, перестав быть врагом православия, и, как отмечает Т. В. Чумакова, из «лукаво мудрствующего» превратился в «мудреца» [Чумакова, 2005, с. 62]). Отметим, что в литературе XVIII – начала XX вв. упоминания об Аристотеле как о пророке уже почти не фиксируются; единственным известным нам исключением является религиозно-философская мистерия русского философа, дипломата и общественного деятеля В. Н. Муравьева «София и Китоврас», где Аристотель назван в черед «великих пророков древности»⁷.

Не удивительно, что значительно чаще описанных выше для характеристики Аристотеля использовались слова «философ» и «мыслитель». При прочих равных «философ», судя по всему, можно считать стандартным и стилистически более нейтральным способом охарактеризовать Стагирита, а «мыслитель» – более стилистически нагруженным. В то же время, называя Аристотеля «философом»⁸ и «мыслителем»⁹, авторы, судя по всему,

¹ Ивашковский, 1815, с. 5; Херасков, 1794, с. 443.

² Голубинский, 1884, с. 78; Сидонский, 1833, с. 296; Трубецкой Е., 1892, с. 183; Шестов, 1993b, с. 89.

³ Шестов, 1993b, с. 89.

⁴ Опекун профессор, 1788, с. 18.

⁵ Надеждин, 1972е, с. 245; Опекун профессор, 1788, с. 25.

⁶ При этом сами изречения «эллинских мудрецов», используемые церковью для обоснования и защиты догм христианства, извращали наследие античных философов, приписывая последним чуждые им мысли и слова [см.: Громов, 2010, с. 9; Звездина, 2017, с. 472; Казакова, 1961, с. 362-363, 366-367; Чумакова, 2005, с. 62].

⁷ Муравьев, 2011, с. 360–361. Хотя сама работа была написана уже в 1920-х гг., а впервые опубликована лишь в наше время, ее сюжет относится к более ранней исторической эпохе, с чем и может быть связано сохранение уже отжившего образа.

⁸ Алексеев, 1817, III; Брут, 1828, с. 16, 22; Булгарин, 1824, 342; Герцен, 1954, с. 172, 190-191; Гиляров, 2014, с. 189, 277; Гогоцкий, 1857а, с. 53; Голубинский, 1884, с. 39; Грановский, 1900b, с. 258; Грот, 1896а, с. 15; Десницкий, 2010, с. 240; Кашинский, 1817, с. 239; Крылов, 1945, с. 223; Кудрявцев-Платонов, 1892, с. 333; Майков, 1891, с. 567; Муравьев, 2011, с. 229; Настольный словарь, 1863, с. 151; Прокопович, 1784, с. 3; Теплов, 2010, с. 120; Трубецкой Е., 1892, с. 66; Трубецкой Е., 1908, с. 52; Трубецкой С., 1997, с. 399; Хомяков, 1904, с. 289; Челпанов, 1906, с. 83; Чернышевский, 1950b, с. 769; Энциклопедический лексикон, 1835, с. 52.

зачастую вкладывали в данные понятия смысл, схожий с обозначенными выше представлениями о мудреце как о человеке исключительного ума. В частности, об этом, кажется, свидетельствуют следующие устойчивые характеристики Аристотеля, встречающиеся вместе с лексемами «философ» и «мыслитель»: «величайший»¹⁰, («великий»¹¹), «знаменитейший»¹²(«знаменитый»¹³), «передовой»¹⁴, «славный»¹⁵, один из числа «лучших умов человечества»¹⁶ и «мудрецов земли»¹⁷, «титан»¹⁸, «гениальный человек древнего мира»¹⁹ и иные схожие характеристики²⁰. Говоря об интеллектуальных способностях и качествах Аристотеля как профессионального мыслителя, авторы отмечали следующие: «глубокомыслие»²¹, «предприимчивость»²², «проницательность»²³ и «рефлексивность»²⁴ ума, «гениальность»²⁵, «остроумие»²⁶, «обладание умением образовывать понятия»²⁷. «Замечательным»²⁸ называли наследие философа, лишь в исключительных случаях несколько пренебрежительно именуя его труды «фолиантами»²⁹. В качестве заключительного замечания можно добавить, что культурно и темпорально авторы идентифицировали Аристотеля как «древнего»³⁰, «прежнего»³¹, «греческого»³², «стагирского»³³, «языческого»³⁴ философа и мыслителя.

⁹ Грановский, 1900а, с. 583; Грот, 1885, с. 2; Данилевский, 2011, с. 283; Касторский, 1859, I; Кропоткин, 1991, с. 123; Кудрявцев-Платонов, 1894, с. 7; Лавров, 1965b, с. 343; Лопатин, 1995b, с. 96; Муравьев, 2011, с. 462; Надеждин, 1972с, с. 64; Писарев, 1894а, III, с. 501; Розанов, 1899, с. 18; Первов, Розанов, 2006, с. 19; Страхов, 1901, с. 19; Сухово-Кобылин, 1995, с. 54; Толстой, 1983, с. 88; Чернышевский, 1950а, с. 294; Герцен, 1954, с. 172; Данилевский, 2011, с. 283; Касторский, 1859, I; Кашинский, 1817, с. 239; Лавров, 1965b, с. 343; Муравьев, 2011, с. 229; Писарев, 1894а, III, с. 501; Страхов, 1901, с. 19; Толстой, 1983, с. 55, 81, 89; Трубецкой, 1908, с. 52; Шестов, 1993b, с. 194.

¹⁰ Касторский, 1859, I; Настольный словарь, 1863, с. 151.

¹¹ Грановский, 1900а, с. 583; Лавров, 1965b, с. 343; Лопатин, 1995а, с. 158; Он же, 1995b, с. 96; Муравьев, 2011, с. 462; Надеждин, 1972с, с. 64; Писарев, 1894b, III, с. 398; Первов, Розанов, 2006, с. 19; Опекун профессор, 1788, с. 25; Страхов, 1901, с. 19; Чернышевский, 1986, с. 220; Шестов, 1993b, с. 194.

¹² Гогоцкий, 1857а, с. 53; Энциклопедический лексикон, 1835, с. 52.

¹³ Брут, 1828, с. 22.

¹⁴ Толстой, 1983, с. 88.

¹⁵ Аничков, 2010, с. 87; Ломоносов, 2010, с. 289.

¹⁶ Цертелев, 1879, с. 17.

¹⁷ Розанов, 2005, с. 437.

¹⁸ Писарев, 1894а, III, с. 546.

¹⁹ Писарев, 1894а, III, с. 501.

²⁰ Данилевский, 2011, с. 205; Касторский, 1859, I; Розанов, 1899, с. 18; Сеченов, 1952, с. 129.

²¹ Веневитинов, 1934b, с. 224; Кудрявцев-Платонов, 1894, с. 7; Трубецкой, 1908, с. 52.

²² Надеждин, 1972а, с. 297.

²³ Кудрявцев-Платонов, 1894, с. 7.

²⁴ Розанов, 1899, с. 3.

²⁵ Сухово-Кобылин, 1995, с. 54.

²⁶ Теплов, 2010, с. 120.

²⁷ Первов, Розанов, 2006, с. 25.

²⁸ Гогоцкий, 1857а, с. 72.

²⁹ Писарев, 1894, V, с. 429.

³⁰ Герцен, 1954, с. 172; Данилевский, 2011, с. 283; Касторский, 1859, I; Кашинский, 1817, с. 239; Лавров, 1965b, с. 343; Муравьев, 2011, с. 229; Писарев, 1894а, III, с. 501; Страхов, 1901, с. 19; Толстой, 1983, с. 55, 81, 89; Трубецкой, 1908, с. 52; Шестов, 1993b, с. 194.

³¹ Голубинский, 1884, с. 39; Чернышевский, 1950а, с. 294.

Философ-ученый

«Философ-ученый» – следующий широко распространенный в русской литературе изучаемого периода исторический образ Аристотеля. Авторы рассматриваемого периода часто называли Аристотеля основателем, систематизатором, крупным деятелем в области логики³⁵, естествознания³⁶, философии³⁷, реже – психологии³⁸, эстетики³⁹, теории поэзии⁴⁰ и государства⁴¹, а также в нескольких областях сразу⁴². Отметим, что восприятие Аристотеля преимущественно как «логика» в Западной Европе существовало со времен работ Боэция и сохранялось вплоть до появления переводов иных трудов философа [Чумакова, 2005, с. 58]. Схожим образом в древнерусской литературе Аристотель часто преподносился как основоположник логического мышления, а кроме того как видный политический мыслитель [Громов, 2010, с. 9].

В исследуемый период, говоря об Аристотеле как об ученом, авторы часто именовали его «знаменитым»⁴³, «величайшим»⁴⁴ («великим»⁴⁵) «научным гением»⁴⁶, «всеобъемлющим и гениальным»⁴⁷ ученым, имеющим «независимый»⁴⁸, «твердый», «ясный»⁴⁹, «проницательный» и «многосторонний ум»⁵⁰; наделяли такими качествами исследователя, как «трезвость»⁵¹ (т. е. строгость ума, контроль мысли), «осторожность»⁵², «точность»

³² Гогоцкий, 1857а, с. 53; Десницкий, 2010, с. 240; Настольный словарь, 1863, с. 151; Первов, Розанов, 2006, с. 19; Трубецкой Е., 1892, с. 66; Челпанов, 1906, с. 83; Энциклопедический лексикон, 1835, с. 52.

³³ Голубинский, 1884, с. 78; Грановский, 1900b, с. 258.

³⁴ Муравьев, 2011, с. 229; Трубецкой, 1892, с. 183; Писарев, 1894, V, с. 413.

³⁵ Давыдов, 1820, с. 12; Давыдов, 1821, с. 15; Гогоцкий, 1857b, с. 15, 39; Козлов, 1876, с. 130; Крылов, 1945, с. 223; Салтыков-Щедрин, 1965, с. 333; Сухово-Кобылин, 1995, с. 54; Третьяков, 2010, с. 356; Хлебников, 1986, с. 631; Шевырев, 1841, с. 379.

³⁶ Гиляров, 2014, с. 327; Ковнер, 1888, с. 30, 128; Кропоткин, 1991, с. 114; Кудрявцев-Платонов, 1892, с. 344; Настольный словарь, 1863, с. 107, 741; Политковский, 2010, с. 431; Прокопович-Антоновский, 2010, с. 421; Страхов, 1872, с. 153; Страхов, 1901, с. 30; Энциклопедический лексикон, 1835, с. 52.

³⁷ Бакунин, 1917, с. 53; Голубинский, 1884, с. 3; Грановский, 1900а, с. 583-584; Зеленецкий, 1835, с. 20; Касторский, 1859, I; Кистяковский, 1916, с. 195; Ломоносов, 2010, с. 289; Настольный словарь, 1863, с. 181, 741; Шестов 1993а, с. 347.

³⁸ Грот, 1896b, с. 153; Сеченов, 1952, с. 129; Челпанов, 1906, с. 83.

³⁹ Брюсов, 1918, с. 12; Жаков, 1914, с. 36; Иванов, 1979а, с. 178; Кропоткин, 1991, с. 91; Толстой, 1983, с. 89; Чернышевский, 1986, с. 218.

⁴⁰ Брюсов, 1918, с. 12; Булгарин, 1824, с. 341; Менцов, 1843, с. 17; Надеждин, 1972d, с. 292; Он же, 1972а, с. 297; Третьяковский, 2009, с. 7.

⁴¹ Грановский, 1900с, с. 345; Он же, 1900а, с. 583-584; Иванов, 1979b, с. 374; Соловьев, 1989а, с. 551.

⁴² Грановский, 1900а, с. 583-584; Коркунов, 1915, с. 42.

⁴³ Крылов, 1945, с. 223.

⁴⁴ Зеленецкий, 1835, с. 20; Хлебников, 1986, с. 631.

⁴⁵ Грот, 1885, с. 3; Кропоткин, 1991, с. 114; Трубецкой, 1997, с. 437.

⁴⁶ Грот, 1885, с. 3.

⁴⁷ Шестов, 1993b, с. 21.

⁴⁸ Флоренский, 1914, с. 278.

⁴⁹ Хомяков, 1904, с. 403.

⁵⁰ Чернышевский, 1986, с. 231.

⁵¹ Герцен, 1955, 97; Смирнов, 1894, с. 7.

⁵² Шестов, 1993а, с. 425.

и «проницательность» анализа⁵³, «спокойствие» и в то же время «неутомимое стремление к истине»⁵⁴. Н. И. Надеждин в своей критической статье, посвященной роману Ф. Булгарина, сравнивает книжный шкаф со Швейцарией, отводя место «величественных Альп» работам Аристотеля⁵⁵. Примечательно, что примерно с XIX в. с проникновением идей и трудов Аристотеля в русскую культуру, он все чаще начинает восприниматься как автор, «писатель»⁵⁶, имеющий собственное письменное наследие⁵⁷.

Важно отметить, что описанный образ Аристотеля как «философа-ученого» сложился преимущественно в научной среде. При этом лишь некоторые авторы подвергали критике этот устоявшийся положительный образ, оспаривая «ученость» Аристотеля. Первым и наиболее ярким примером подобных критических работ являются публицистические статьи⁵⁸ Д. И. Писарева 1850–1860-х гг.

Универсальный человек (энциклопедист, полимат, эрудит)

Ряд авторов указанного периода особенно отмечает обширность, всеобъемлемость интеллекта Аристотеля⁵⁹, многосторонность научных интересов, перечисляя различные области, в которых философ достиг большого успеха⁶⁰, тем самым положив начало соответствующим современным наукам⁶¹. И. А. Гончаров, рассуждая о судьбах русской литературы, выражает это представление об Аристотеле особенно емко: «В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках, как в Аристотеле крылись семена, зародыши и намеки почти на все последовавшие ветви знания и науки»⁶².

Исторические образы Аристотеля как «универсального человека» и «философа-ученого», разумеется, частично пересекаются между собой. Однако специфический аспект широты научного интереса все же позволяет, на наш взгляд, выделить «универсального человека» в отдельный образ. Кроме того, представления об Аристотеле как об «универсальном человеке» появляются в рассматриваемых нами источниках позже, чем представления о нем как об «ученом», – приблизительно с середины XIX в. Вероятно, причина в том, что примерно в этот период на Западе, как и в России, начали выходить переводы на современные языки (в том числе и на русский) некоторых работ Аристотеля, ранее доступных лишь на латинском и древнегреческом. Это способствовало проникновению идей философа в самые разнообразные сферы науки, искусства и культуры. Он уже не воспринимался сугубо как «логик», «теоретик поэзии» или «политический мыслитель»,

⁵³ Гогоцкий, 1857а, с. 63-64.

⁵⁴ Менцов, 1843, с. 14; Сковорода, 1973, с. 211.

⁵⁵ Надеждин, 1972b, с. 82.

⁵⁶ Брут, 1828, с. 77; Галахов, 1894, с. 179; Менцов, 1843, с. 14; Политковский, 2010, с. 431.

⁵⁷ Алексеев, 1817, с. 31.

⁵⁸ Писарев, 1894а; Он же, 1894b; Он же, 1894с.

⁵⁹ Касторский, 1859, VIII; Новгородцев, 1897, с. 198.

⁶⁰ Грановский, 1900а, с. 583-584; Данилевский, 2011, с. 134.

⁶¹ Ковнер, 1888, с. 28-30; Плеханов, 1928, с. 323; Смирнов, 1894, с. 7.

⁶² Гончаров, 1955, с. 77.

а постепенно начал превращаться в разносторонне одаренного «универсального человека». В целом, как того и следовало ожидать, как образ «ученого», так и образ «универсального человека» более характерны для научной и философской литературы и менее – для публицистической.

Гений

В русской литературе рассматриваемого периода Аристотеля часто именовали одним из величайших⁶³ («великих»⁶⁴) греческих⁶⁵ гениев⁶⁶ древности⁶⁷, называли «гениальным»⁶⁸, «исполином мысли»⁶⁹, «колоссальным, великим представителем древнего мира»⁷⁰ и всей «дохристианской мудрости»⁷¹, «цветом»⁷² и «прекрасным венцом умирающей Эллады»⁷³, а его труды – «гениальными»⁷⁴. Отметим, что при этом авторы зачастую указывали на неотъемлемую принадлежность философа к древнегреческой цивилизации, представляя его человеком, выражающим дух своей эпохи (ведь гений – «творение и творец своего народа»⁷⁵, как пишет А. С. Хомяков в своих «Записках о всемирной истории»).

Часто именно в Сократе, Платоне и Аристотеле авторы видели лучших представителей⁷⁶ древнегреческой философии эпохи ее расцвета⁷⁷, воплощение всей культуры⁷⁸, силы и духа⁷⁹ Древней Греции, отмечали то влияние, которое они оказали вообще на становление древнегреческой цивилизации. Также довольно распространенным топосом в литературе является мысль о том, что влияние аристотелевского гения выходило за пределы древнегреческой культуры, оказав значительное воздействие на дальнейший ход исторического развития⁸⁰. К более экзотическим характеристикам стоит отнести описания Аристотеля как одного из «благодетелей»⁸¹ и «руководителей» общечеловеческой мысли⁸².

⁶³ Ковнер, 1888, с. 29.

⁶⁴ Давыдов, 1820, с. 12.

⁶⁵ Смирнов, 1894, с. 5.

⁶⁶ Герцен, 1954, с. 181, 188, 190; Давыдов, 1820, с. 12; Достоевский, 1995, с. 507; Страхов, 1871, с. 182.

⁶⁷ Давыдов, 1820, с. 12.

⁶⁸ Грот, 1896а, с. 16; Трубецкой Е., 1913, с. 410.

⁶⁹ Герцен, 1954, с. 188.

⁷⁰ Герцен, 1954, с. 212.

⁷¹ Чаадаев, 2014, с. 63.

⁷² Трубецкой Е., 1913, с. 410.

⁷³ Хомяков, 1904, с. 129.

⁷⁴ Катков, 1909, с. 63-64.

⁷⁵ Хомяков, 1900, с. 348.

⁷⁶ Гиляров, 1902, с. 25; Гогоцкий, 1857b, с. 6; Коркунов, 1915, с. 42; Кудрявцев-Платонов, 1894, с. 7; Кудрявцев-Платонов, 1898, с. 16; Лавров, 1965а, с. 97; Хомяков, 1900, с. 348; Шестов, 1993b, с. 67.

⁷⁷ Гиляров, 2014, с. 333; Гогоцкий, 1857b, с. 15.

⁷⁸ Трубецкой Е., 1913, с. 410.

⁷⁹ Веневитинов, 1934а, с. 216; Герцен, 1955, с. 97; Меньшиков, 1902, с. 518.

⁸⁰ Лопатин, 1995b, с. 96; Соловьев, 1989b, с. 404.

⁸¹ Страхов, 1872, с. 111.

⁸² Достоевский, 1995, с. 507.

Характерные особенности данного исторического образа обнаруживаются преимущественно в философских и учебно-методических, реже – в публицистических работах русских авторов, многие из которых в своем большинстве являлись профессиональными философами (среди них – А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Е. Н. Трубецкой, Л. И. Шестов, В. С. Соловьев). Хронологически подобные упоминания наиболее часто приходится на вторую половину XIX в.

Идеальный философ

В литературе рассматриваемого периода существует тенденция идеализации исторического образа Аристотеля, представлений о нем, как о некоем «идеальном», «образцовом» философе, в котором воплощена сама суть данного понятия.

Прежде всего, мы обнаруживаем в русской литературе XVIII – начала XX вв. характерное также и для западной и арабской традиций представление об Аристотеле как о «Философе» с большой буквы, философе *parexcellence*. Перефразируя мысль Ф. Прокоповича⁸³, можно сказать, что в философской среде под безличным нарицательным термином «философ» подразумевался Аристотель, точно так же, как у римлян под безличным словом «Urbs» имелся в виду город Рим.

Другой характерной особенностью, которую нам кажется справедливым связать с данным образом, являются представления об Аристотеле как о «царе философов» (мыслителей), которые обнаруживаются в работах⁸⁴ доктора философии М. И. Касторского и энциклопедиста Ф. Н. Менцова. В эту же категорию укладывается и высказывание П. А. Флоренского, где он именует Аристотеля «царем», который «преемственно наследовал философский престол»⁸⁵ (имеется в виду после Сократа и Платона). Если в приведенных ранее случаях отсутствует привязка Аристотеля к конкретному историческому периоду (скорее он воспринимается как философ «всех времен»), то П. А. Флоренский отчасти меняет интерпретацию, хронологически привязывая его «философское царствование» к конкретной исторической эпохе.

Идеализации непосредственно фигуры Аристотеля сопутствует идеализация связанных с Аристотелем обстоятельств, явлений и мест. Например, в педагогической статье отечественного ученого и хирурга Н. И. Пирогова прослеживаются идеализированные представления о Ликее. В ней автор осуждает сословную направленность и раннюю специализацию в образовании и воспитании молодого поколения, выступая за «общечеловеческое образование». В качестве исторического примера учебных заведений, дающих, по мнению Н. И. Пирогова, необходимое образование, он приводит античные

⁸³ Прокопович, 1812, Л. 23, об.

⁸⁴ Касторский, 1859, VIII.; Менцов, 1843, 1. Для Менцова Аристотель – это «Царь Философов» буквально с заглавной буквы. Отметим, что подобный случай написания слова «Философ» с прописной буквы также содержится в работе русского просветителя XVIII в., автора известного учебника грамматики Н. Г. Курганова, см.: Курганов, 1818, с. 336.

⁸⁵ Флоренский, 1914, с. 283.

философские школы, в том числе и Ликей Аристотеля. При этом общий собирательный исторический образ данных школ подчеркнуто идеализирован: они расположены в живописных местах (с источниками, садами); ими руководит философ; учителя и ученики живут вместе; вход в школы открыт всем любознательным людям⁸⁶.

В заключение укажем на любопытный случай упоминания имени Аристотеля в стихотворном произведении – в басне русского поэта Н. П. Николева «Соловей и скворец» (1798 г.)⁸⁷. Героями указанной басни являются птицы – соловей и скворец, каждая из которых является прототипом двух типов поэтов. «Соловьи» в данном случае – это поэты, обладающие поэтической индивидуальностью, самостоятельно сочиняющие свои произведения, «поющие от сердца». В противоположность им «скворцы» – гордые, завистливые подражатели, мастера «петь чужое», чье искусство заключается лишь в заимствовании у других авторов. При этом «скворцы», мечтая о собственной славе, из зависти порочат «соловьев», всячески принижая их достоинства. Описывая данные типажи, Н. П. Николев использует исторические примеры. В качестве «соловьев» в басне выступают Расин и Гомер, а в качестве «скворцов» – Зоил и Аристотель:

«... Хоть Аристотель век не звал себя скворцом,
Но вижу! горд уже пред соловьем-певцом
Высоким знанием, искусством подражанья ...»⁸⁸.

Таким образом, в басне Аристотель представлен «подражателем» – автором, не имеющим индивидуальности, заимствующим чужие мысли, трепетно относящимся к собственной славе и критикующим соперников. Подобный взгляд на Аристотеля скорее нехарактерен для литературы рассматриваемого периода и мы приводим его здесь в виде интересного исключения.

Библиографический перечень

Алексеев П. Церковный словарь. Часть первая. А–Д. СПб.: Типография Ивана Глазунова, 1817. 279+XV с.

Аничков Д. С. Слово о невещественности души человеческой и из оной происходящем ее бессмертии // Общественная мысль России XVIII века: в 2-х т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1. С. 85-104.

Бакунин М. Бог и государство. Сергиев Посад: Тип. Издательской Комиссии Московского Совета Солд. Деп, 1917. 62 с.

⁸⁶ Пирогов, 1858, с. 17-18.

⁸⁷ Исторически это произведение, вероятнее всего, было критическим ответом автора, направленным против поэта И. И. Дмитриева, который за несколько лет до этого в своем «Гимне восторгу» (1792 г.) оскорбил Н. П. Николева, пародируя одическое парение последнего; см.: [Поэты XVIII века, 1972, с. 2, 503].

⁸⁸ Николев, 1972, с. 101.

Брут А. И. Землеописание известного древним света из разных источников. В 2-х ч. СПб.: Типография медицинского деп. министерства внутренних дел, 1828. Ч. 1. 368+VI+XVI с.

Брюсов В. Я. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. М.: «Геликон», 1918. 200 с.

Булгарин Ф. В. Русская талия. Любителям отечественного театра на 1825 год. СПб.: Типография Н. Греча, 1824. 443 с.

Веневитинов Д. В. Несколько мыслей в план журнала // Д. В. Веневитинов. Полное собрание сочинений / под ред. Л. Б. Каменева. М., Л.: ACADEMIA, 1934a. С. 215-220.

Веневитинов Д. В. Разбор статьи о «Евгении Онегине» // Полное собрание сочинений / под ред. Л. Б. Каменева. М., Л.: ACADEMIA, 1934b. С. 220-227.

Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М.: Издание книжного магазина В. В. Думнова, 1894. Т. I. Отд. 1. 517 с.

Герцен А. И. Письма об изучении природы // А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Академия наук СССР, 1954. Т. 3. С. 89-315.

Герцен А. И. С того берега // А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах. М.: Академия наук СССР, 1955. Т. 6. С. 7-142.

Гиляров А. Н. Философия в ее существе, значении и истории // А. Н. Гиляров. Сочинения в четырех томах. Киев; Мелитополь: НПУ им. М. Драгоманова; МГПУ им. Б. Хмельницкого (Серия «Антология украинской мысли»), 2014. Т. 1(1). 348 с.

Гиляров А. Н. Что нужно читать, чтобы заниматься философией? Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1902. 37 с.

Гогоцкий С. С. Аристотель // Журнал министерства народного просвещения. 1857а. Ч. ХСVI, отд. V. С. 53-84.

Гогоцкий С. С. Аристотель // Гогоцкий С. С. Философский лексикон. Том первый. А, Б, В. Киев: Университетская типография, 1857b. С. 165-195.

Голубинский Ф. А. Лекции философии. М.: Типография Л. Ф. Снегирева, 1884. Вып. 2. 97 с.

Гончаров И. А. Лучше поздно, чем никогда (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит, 1955. Т. 8. С. 64-113.

Грановский Т. Н. Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены // Сочинения Т. Н. Грановского. 4-е изд. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900а. С. 577-586.

Грановский Т. Н. Четыре исторические характеристики // Сочинения Т. Н. Грановского. 4-е изд. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900b. С. 241-287.

Грановский Т. Н. Чтения Нибура о Древней истории // Сочинения Т. Н. Грановского. 4-е изд. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1900 с. С. 328-376.

Грот Н. Я. Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно. Одесса: Типография «Одесского вестника», 1885. 18 с.

Грот Н. Я. Основания экспериментальной психологии. М.: Типо-литогр. И. Н. Кушнерев и К., 1896а. 55 с.

Грот Н. Я. Очерк философии Платона. М.: Типография Вильде, 1896b. 189 с.

Давыдов И. И. Опыт руководства к истории философии. М.: Университетская типография, 1820. 114 с.

- Давыдов И. И. Начальные основания логики. М.: Университетская типография, 1821. 152 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и комм. А. В. Белова, отв. ред. О. А. Платонов. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
- Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Общественная мысль России XVIII века: в 2-х т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 2. С. 201-244.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Январь. Глава вторая. III. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 503-508.
- Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. СПб.: «Электротпечатня», 1914. Ч. 3. Вып. I. 80 с.
- Зеленецкий К. П. Опыт исследования некоторых теоретических вопросов. М.: Университетская Типография, 1835. Кн. 1. 64 с.
- Иванов Вяч. И. Взгляд Скрябина на искусство // Вячеслав Иванов. Собрание сочинений / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979a. Т. 3. С. 171-189.
- Иванов Вяч. И. О кризисе гуманизма // Вячеслав Иванов. Собрание сочинений / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979b. Т. 3. С. 367-382.
- Ивашковский С. Речь о пользе еллинского языка. М.: Университетская типография, 1815. 7 с.
- Касторский М. Н. Категории Аристотеля на греческом и русском языках / пер. и комм. М. Н. Касторский. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1859. 91+XVII с.
- Катков В. Д. Кое что о критике в юриспруденции. Одесса: Техник, 1909. 68 с.
- Кашинский И. Г. Русский лечебный травник. СПб.: Военная типография, 1817. Ч. 1. 661 с.
- Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 704 с.
- Ковнер С. Г. Очерки истории медицины. Вып. 3: Платон. Киев, 1888. С. 28-129.
- Козлов А. А. Философские этюды. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1876. Ч. 1. 140 с.
- Коркунов Н. М. История философии права. 6-е изд. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. 502 с.
- Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды / под ред. Ю. В. Гридчина. М.: Политиздат, 1991. 496 с.
- Крылов И. А. Почта духов // Полное собрание сочинений И. А. Крылова / под ред. Д. Бедного. М.: Гос. изд-во худож. Лит, 1945. Т. 1. С. 11-282.
- Кудрявцев-Платонов В. Д. Из чтений по философии религии (продолжение) // Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова. 2-е изд. Сергиев Посад: 2-я типография А. И. Снегиревой, 1898. Т. 2. Вып. 3. 509 с.
- Кудрявцев-Платонов В. Д. Материалистический атомизм // Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова. Сергиев Посад: 2-я типография А. И. Снегиревой, 1894. Т. 3. Вып. 1. С. 1-49.
- Кудрявцев-Платонов В. Д. Религия и позитивная философия // Сочинения В. Д. Кудрявцева-Платонова. Сергиев Посад: 2-я типография А. И. Снегиревой, 1892. Т. 2. Вып. 1. С. 320-350.

Курганов Н. Письмовник, содержащий в себе науку русского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавнаговещесловия. 9-е изд. СПб.: Типография Ив. Глазунова, 1818. Ч. 1. 312+V с.

Лавров П. Л. Гегелизм // П. Л. Лавров. Философия и социология. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Мысль, 1965а. Т. 1. С. 43-175.

Лавров П. Л. Очерки вопросов практической философии // П. Л. Лавров. Философия и социология. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Мысль, 1965б. Т. 1. С. 339-462.

Ломоносов М. В. [Из «Волфианской экспериментальной физики»] Посвящение // Общественная мысль России XVIII века: в 2-х т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1. С. 288-292.

Лопатин Л. М. Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское мировоззрение // Л. М. Лопатин. Философские характеристики и речи / ред. В. В. Рубцов, сост. А. Д. Червяков. М.: ИЦ «Academia», 1995а. С. 136-199.

Лопатин Л. М. Настоящее и будущее философии // Л. М. Лопатин. Философские характеристики и речи / ред. В. В. Рубцов, сост. А. Д. Червяков. М.: ИЦ «Academia», 1995б. С. 81-107.

Майков В. Общественные науки в России // Валериан Майков. Критические опыты (1845–1847). СПб.: типография Н. А. Лебедева, 1891. С. 547-614.

Менцов Ф. Н. Аристотель // Журнал министерства народного просвещения. 1843. Ч. XXXVII, отд. V. С. 1-30.

Меньшиков М. О. Литературные характеристики. Ф. Ф. Павленковъ // М. О. Меньшиков. Критические очерки. СПб.: Т-ва печатн. издат. дела «Труд», 1902. Т. I. С. 512-520.

Муравьев В. Н. София и Китоврас. Философская мистерия // В. Н. Муравьев. Сочинения: в 2 кн. / сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Кн. 1. С. 55-474.

Надеждин Н. И. «Всеобщее начертание теории изящных искусств» Бахмана // Н. И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972а. С. 296-319.

Надеждин Н. И. «Иван Выжигин», нравственно-сатирический роман (Сочинение Фаддея Булгарина) // Н. И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972б. С. 79-97.

Надеждин Н. И. Литературные опасения за будущий год // Н. И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972с. С. 47-66.

Надеждин Н. И. «Марфа Посадница Новгородская» // Н. И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972d. С. 291-295.

Надеждин Н. И. О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической // Н. И. Надеждин. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972е. С. 124-253.

Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон): в III т./ издание Ф. Толля. Т. I. А–Дви. СПб.: Типография и литография И. Паульсона и Комп., 1863. 800 с.

Николев Н. П. Соловей и скворец. Басня // Поэты XVIII века. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 2. С. 100-102.

Новгородцев П. И. История философии права. М.: Литография Общества распр. полез. Книг, 1897. 269 с.

Опекун профессор // Российский феатр или Полное собрание Российских Феатральных сочинений. СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. Ч. XXIV: Оперы. С. 5-62.

Первов П. Д., Розанов В. В. Предисловие переводчиков // Аристотель. Метафизика. Пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 19-26.

Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Собрание литературных статей Н. И. Пирогова. Одесса: Городская типография, 1858. С. 3-38.

Писарев Д. И. Исторические идеи Огюста Конта // Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в 6 т. СПб.: Общественная польза, 1894а. Т. 5. С. 313-464.

Писарев Д. И. Историческое развитие европейской мысли // Сочинения Д. И. Писарева. Полное собрание в 6 т. СПб.: Типо-хромолитография П. П. Сойкина, 1894б. Т. 3. С. 495-572.

Писарев Д. И. Прогресс в мире животных и растений // СПб.: Типо-хромолитография П. П. Сойкина, 1894с. С. 309-495.

Плеханов Г. В. Философская эволюция Маркса // Г. В. Плеханов. Сочинения / под ред. Д. Рязанова. 2-е изд. М., Л.: Государственное издательство, 1928. Т. XVIII. 323-335.

Политковский Ф. Г. Слово о связи истории натуральной с физикою, химиею и врачебным искусством // Общественная мысль России XVIII века: в 2-х т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1. С. 427-440.

Прокопович Ф. Показание прореченного прежде в словесах Б[о]жих и давно уже явившегося в мире Великого Антихриста. Рукопись. 1812. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.karelia.ru/library/html/prokorovich.html> (дата обращения: 23.11.2021).

Прокопович Ф. Разсуждение о безбожии. М.: Типография И. Лопухина, 1784. 56 с.

Прокопович-Антонский А. А. Слово о начале и успехах наук, и в особенности естественной истории // Общественная мысль России XVIII века: в 2-х т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1. С. 403-424.

Розанов В. В. Место христианства в истории // В. В. Розанов. Религия и культура: сборник статей. СПб.: Типография М. Меркушева, 1899. С. 1-22.

Розанов В. В. Рафаэлевское и рембрандтовское христианство // В. В. Розанов. Собрание сочинений. Загадки русской провокации (Статьи и очерки 1910 г.) / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2005. С. 436-443.

Салтыков-Щедрин М. Е. Логика. Соч. профессора Могилевской семинарии Никифора Зубовского // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. С. 332-334.

Сеченов И. М. Замечания на книгу г. Кавелина «Задачи психологии» // И. М. Сеченов. Избранные произведения / под ред. Х. С. Коштоянц. М.: Академия наук СССР, 1952. Т. 1: Физиология и психология. С. 128-171.

Сидонский Ф. Введение в науку философии. СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1833. 397+VI с.

Сковорода Г. С. Письма. К М. И. Ковалинскому // Григорий Сковорода. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 189-280.

Смирнов А. И. Эстетика, как наука о прекрасном в природе и искусстве. Казань: Типо-литография. Императорского Университета, 1894. 160 с.

Соловьев В. С. Значение государства // В. С. Соловьев. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989а. Т. 2. С. 549-561.

Соловьев В. С. Руководящие мысли «Исторического обозрения» // В. С. Соловьев. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1989б. Т. 2. С. 398-408.

Страхов Н. Н. Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб: Типография Майкова, 1871. С. 108-149.

Страхов Н. Н. Очерк истории философии с древнейших времен философии до настоящего времени. 3-е изд. Харьков: Типо-литография «Печатное дело» кн. К. Н. Гагарина, 1901. 168 с.

Страхов Н. Н. Письма об органической жизни // Н. Страхов. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб.: Типография К. Замысловского, 1872. С. 1-176.

Сухова-Кобылин А. В. Учение Всемир: Инженерно-философские озарения / под. ред. А. А. Карулина, И. В. Мирзалис. М.: С.Е.Т., 1995. 120 с.

Теплов Г. Н. Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут // Общественная мысль России XVIII века: в 2-х т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 2. С. 51-163.

Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15. С. 41-221.

Тредиаковский В. К. К читателю // Василий Тредиаковский. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. С. 7-17.

Третьяков И. А. Слово о происшествии и учреждении университетов в Эвропе // Общественная мысль России XVIII века: в 2-х т. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Т. В. Артемьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1. С. 345-366.

Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1913. Т. II. 415 с.

Трубецкой Е. Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892. Ч. 1. 270+VIII с.

Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М.: Т-воскоропеч. А. А. Левенсон, 1908. 223 с.

Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии / под. ред. М. А. Маслина. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский двор, 1997. 576 с.

Флоренский П. Столп и утверждение истины. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1914. 814 с.

Херасков М. М. Полидор, сын Кадма и Гармонии. М.: Типография И. Зеленникова, 1794. Ч. III. 452 с.

Хлебников В. Наша основа // Велимир Хлебников. Творения / общ. ред. и вступ. ст. М. Я. Полякова; сост., подгот. текста и комм. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М.: Советский писатель, 1986. С. 624-632.

Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Часть вторая // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. 3-е изд. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерева и К., 1904. Т. VI. С. 1-503.

Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Часть первая // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. 3-е изд. М.: Университетская типография, 1900. Т. V. С. 1-534.

Цертелев Д. Н. Границы религии, философии и естествознания. М.: Университетская типография, 1879. 48 с.

Чаадаев П. Я. Философические письма // П. Я. Чаадаев. Апология сумасшедшего: Избранные сочинения. Письма. Воспоминания современников. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. С. 27-190.

Челпанов Г. И. Мозг и душа. Критика материализма и опыт современных учений о душе. 3-е издание. Киев: Книжный магазин В. А. Просяниченко, 1906. 366+XII с.

Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гос.изд-во худож.лит-ры, 1950а. Т. VII. С. 222-295.

Чернышевский Н. Г. Полемические красоты // Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Гос.изд-во худож. лит-ры, 1950б. Т. VII. С. 707-774.

Чернышевский Н. Г. О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевел, изложил и объяснил Б. Ордынский. Москва, 1854 // Чернышевский Н. Г. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 214-244.

Шевырев С. Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. Ч. 3. № 6. С. 378–437.

Шестов Л. И. Афины и Иерусалим // Лев Шестов. Сочинения: в 2-х т. / Сост., подгот. текста и вступ. ст. А. В. Ахутина. М.: Наука, 1993а. Т. 1. С. 317-664.

Шестов Л. И. Potestas clavium (Власть ключей) // Лев Шестов. Сочинения: в 2-х т. / Сост., подгот. текста и вступ. ст. А. В. Ахутина. М.: Наука, 1993б. Т. 1. С. 17-312.

Энциклопедический лексикон. СПб.: Типография А. Плюшара, 1835. Т. 3: АРА-АФО. 550 с.

Список литературы / References

Громов, М. Н. (2010). *Образы философов в Древней Руси*. М.

Gromov, M. N. (2010). *The Images of Philosophers in Old Russia*. Moscow. (In Russ.)

Звездина, Ю. Н. (2017). Образ Аристотеля в России середины XVI и второй половины XVII века. *Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю. Институт философии РАН, 17-19 октября 2016 г.* Под общ.ред. В.В. Петрова. М. С. 467-476.

Zvezdina, Yu. N. (2017). The Image of Aristotle in Russia in the Mid-16th and Second Half of the 17th Centuries. In Petrov, V. V. (ed.) *The Legacies of Aristotle as Constitutive Element of European Rationality. Proceedings of the Moscow International Conference on Aristotle*. RAS Institute of Philosophy, October 17–19, 2016. Moscow. pp. 467-476. (In Russ.)

Зубов, В. П. (1963а). Иконография Аристотеля. В. П. Зубов. *Аристотель*. М. С. 319-332.

Zubov, V. P. (1963а). Iconography of Aristotle. In V. P. Zubov. *Aristotle*. Moscow. pp. 319-332. (In Russ.)

Зубов, В. П. (1963b). К истории аристотелевской традиции на Руси. *В. П. Зубов. Аристотель*. М. С. 332-349.

Zubov, V. P. (1963b). On the History of the Aristotelian Tradition in Russia. In *V. P. Zubov. Aristotle*. Moscow. pp. 332-49. (In Russ.)

Казакова, Н. А. (1961). Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 17. С. 358-367.

Kazakova, N. A. (1961). Prophecies of the Hellenic Wise Men» and Their Images in Russian Painting of the 16th–17th centuries. *Trudy Otdeladrevnerusskoiliteratury / Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 17. pp. 358-367. (In Russ.)

Поэты XVIII века. Т. 2. (1972). Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана. Л.: Сов. писатель.

Makogonenko, G. P., Serman, I. Z. (comp.). (1972). *Poets of the 18th century*. Vol. 2. Leningrad. (In Russ.)

Чумакова, Т. В. (2004). К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. *Вече*. № 16. С. 243-256.

Chumakova, T. V. (2004). On the Question of the Reception of Aristotle in Ancient Russian Culture. *Veche*. no. 16. pp. 243-256. (In Russ.)

Чумакова, Т. В. (2005). Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. *Человек*. № 2. С. 58-69.

Chumakova, T. V. (2005). Receptions of Aristotle in Ancient Russian Culture. *Chelovek / Human*. no. 2. pp. 58-69. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Егорова Оксана Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8, e-mail: oksana12egorova@gmail.com

Egorova Oksana – Junior Research Officer at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: oksana12egorova@gmail.com

УДК 1(091)

ТРАКТАТ ТОЛСТОГО ОБ ИСКУССТВЕ И ПОЗДНИЙ ВИТГЕНШТЕЙН (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГЕНРИ ПИКФОРДА)

К. А. Родин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rodin.kir@gmail.com

Аннотация. В статье изложены основные идеи монографии Генри Пикфорда «Мыслить как Толстой и Витгенштейн. Искусство, эмоции и выражение» (2021). Книга Пикфорда представляет первое конкретное и хорошо аргументированное исследование влияния Толстого на позднего Витгенштейна. В первой части статьи независимо от работы Пикфорда разбираются основные идеи трактата Толстого об искусстве. Потом кратко (и опять независимо от Пикфорда) излагаются скептический парадокс (относительно значения и следования правилу) и преодоление скептического парадокса в текстах Витгенштейна. В заключительной части приводятся многочисленные параллели (подмеченные Пикфордом) между идеями трактата Толстого об искусстве и поздними текстами Витгенштейна.

Ключевые слова: Толстой, Витгенштейн, проблема следования правилу, скептический парадокс, эмоция, искусство.

Для цитирования: Родин, К. А. (2022). Трактат Толстого об искусстве и поздний Витгенштейн (рецензия на книгу Генри Пикфорда). *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 51-58. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.51-58

TOLSTOY'S TREATMENT ON ART AND LATER WITTGENSTEIN

K. A. Rodin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rodin.kir@gmail.com

Abstract. The article outlines the main ideas of the book by Henry W. Pickford *Thinking with Tolstoy and Wittgenstein. Expression, Emotion, and Art*. Pickford's book is the first concrete and well-argued study of Tolstoy's influence on the late Wittgenstein. In the first part of the article, I analyze (independently of Pickford) the main ideas of Tolstoy's treatise on art. Then I briefly present (and again independently of Pickford) the skeptical paradox (regarding the meaning and following the rule) and the overcoming of the skeptical paradox in Wittgenstein's texts. In the final part I put numerous parallels (noted by Pickford) between the ideas of Tolstoy's treatise on art and later Wittgenstein.

Keywords: Tolstoy, Wittgenstein, rule-following problem, skeptical paradox, emotion, art.

For citation: Rodin, K. A. (2022). Tolstoy's Treatment on Art and Later Wittgenstein. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 51-58. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.51-58

Витгенштейн читает не только художественную прозу Толстого. И не только в период Первой мировой войны. Толстой сопровождает Витгенштейна целую жизнь. Витгенштейн признает Толстого чуть ли не единственным религиозным философом Европы на весь XIX в. Однако влияние на Витгенштейна Толстого остается неразгаданным и едва ли поддается

окончательному разгадыванию. Недавно переведенная на русский язык книга Генри Пикфорда по существу представляет пространный комментарий к возможному прочтению Витгенштейном трактата Толстого об искусстве [Толстой, 2020]. Витгенштейн называет «теоретизирование» Толстого над передачей эмоций произведением искусства «пустым» и одновременно говорит о возможности «многому научиться» из такого теоретизирования [см. подробнее: Витгенштейн, 1994, с. 465]. Генри Пикфорд впервые исследует возможные параллели между описанием художественного чувства в трактате Толстого и решением скептического парадокса (относительно значения и следования правилу) поздним Витгенштейном. Книга Пикфорда – наиболее конкретная работа по теме влияния Толстого на Витгенштейна. И Пикфорд предлагает новое вдумчивое прочтение трактата Толстого (далее – трактат).

Отвергнутые в трактате подходы к определению искусства через размытую идею красоты или через эстетическое удовольствие (вместе с работами по эстетике после Баумгартена) перестали играть в современном понимании искусства существенную роль. Толстой предвидел конец эстетического понимания искусства. Однако после публикации в 1897 г. трактат привлек недолгое внимание. К определению искусства Толстого (основанное на «способности людей **заражаться** чувствами других людей» «одно из средств общения людей между собой» [Толстой, 2020, с. 53-54]), многие современники отнеслись снисходительно, а отвержение Толстым всемирно известных писателей, драматургов и музыкантов приняли за безобидное брюзжание старика. В XX в. подход к пониманию или определению искусства через общение стал обычным. Можно вспомнить «сообщаемое либидо» (Лиотар) и «эотику искусства» против герменевтики искусства (Зонтаг).

Необычная метафора «заражения» в определении искусства Толстым предполагает своего рода единовременное и непосредственное понимание без необходимости интерпретации. **Непосредственность** действия и понимания произведения искусства составляет главную загадку и одну из основных идей трактата («Хорошее искусство понятно всем» [Там же, с. 108]). В таком определении (непосредственность действия) нужно видеть и предвестие политического подхода к пониманию искусства.

Переведенная на русский язык в 2021 г. книга Генри Пикфорда «Thinking with Tolstoy and Wittgenstein» (2016) (в русском переводе «Мыслить как Толстой и Витгенштейн») вносит неопределимый вклад в понимание основной идеи трактата Толстого и впервые прослеживает конкретные содержательные параллели между эстетическими взглядами Толстого и философией позднего Витгенштейна. Пикфорд указал на проблему непосредственного понимания (непосредственной передачи чувств) произведением искусства как на ключевую для понимания замысла трактата и впервые связал непосредственность эстетического понимания в трактате Толстого с не-интерпретирующим пониманием значения и проблемой не интерпретирующего следования правилу позднего Витгенштейна.

Толстой называет институт литературной и художественной критики лишним. Передаваемые художником чувства не могут быть переданы истолкованием или отличным от избранных художником средств способом. Литературоведение замкнуто на собственные институциональные интересы и не может заменить непосредственного понимания. Радикализм Толстого не связан с недобрым отношением к обществу ценителей словесности.

Трудность – в не гарантированности и контингентности понимания. Понимающее отношение читателя (зрителя) к произведению интимно и неизбежно уничтожается внешним вмешательством. Критики объявляются бесчувственными и «лишенными способности заражаться искусством». Бесчувственность и производное от бесчувственности непонимание «невозможности толкования художественных произведений» заставляет критиков выставить за художественные образцы рассудочные выдуманые произведения [Там же, с. 129].

Выпады Толстого против критиков, некоторых авторов, композиторов или отдельных произведений искусства – не следствие идеологической пристрастности или (внешнего) нравственного требования. В трактате используются два критерия и два подхода: формальный и (условно) содержательный. Формальное определение настаивает на непосредственной передаче чувства: «... на этой-то способности людей заражаться чувствами других людей и основана деятельность искусства». Согласно (условно) содержательному критерию искусство должно способствовать единению людей и принимается за «одно из условий человеческой жизни». Формальное определение допускает передачу художником недобрых чувств. В соответствии с содержательным определением дурные чувства способствуют разделению и должны быть исключены. Но удивительно вот что: примеры плохого искусства почти всегда приводятся в перспективе **формального** определения искусства!

Про «одну из самых обыкновенных новейших опер» Толстой пишет: «Так речитативом не говорят и квартетом, ставши в определенном расстоянии, махая руками, не выражают чувств» [Там же, с. 12].

Про пьесу «Ганнеле»: «... автор хочет передать публике сострадание замученной девочке ... Он заставляет девочку умирать на сцене ... Девочка корчится, пищит, стонет, падает. Являются ангелы и уносят ее. Публика, испытывая некоторое волнение, вполне уверена, что это-то и есть эстетическое чувство. Но в волнении этом нет ничего эстетического, потому что нет заражения одним человеком другого ...» [Там же, с. 120].

Пьеса приводится в качестве примера поразительности. Список общих приемов производства подобий искусства следующий:

- заимствование;
- подражательность;
- поразительность;
- занимательность.

Дополнительно Толстой требует от искусства искренности [Там же, с. 125] и новизны чувств («Истинное произведение искусства ... передает чувства новые, не испытанные людьми» [Там же, с. 80]). Пример заимствования – набор типичных поэтических предметов: «... поэтичными лицами и предметами считаются девы, воины, пастухи, пустынные, ангелы, дьяволы во всех видах, лунный свет, грозы, горы, море, пропасти, цветы, длинные волосы, львы, ягненок, голубь, соловей ...» [Там же, с. 114]. Подражательность сводится к неуместной передаче подробностей. Поразительность направлена на раздражение внешних чувств. Занимательность стимулирует умственный интерес к разгадыванию ребусов, загадок, сюжетного замысла.

Приведенные четыре приема подделки под искусство (вместе с неискренностью) нужно рассматривать как нарушение формального критерия искусства. Нарушение формального критерия сводится к отказу от **внутреннего** отношения между чувством художника и художественным произведением или между художественным произведением (и выражаемым в произведении чувством) и читателем (слушателем, зрителем). Поэтому художественные приемы не имеют самостоятельного значения. И когда приемы превращаются в средство удержания внимания читателя – возникает внешнее пространство толкований. Между художником и публикой встают поразительность, занимательность, подражательность, и художник уже не стремится передать собственное искреннее чувство и может довольствоваться произведенным эффектом и общественным признанием. Прием начинает играть ключевое значение – и никакая искренность художника невозможна (как невозможно и непосредственное общение между художником и читателем). Нападает скука и разочарование: «... но мне все время досадно было на авторов, как бывает досадно на человека, который считает вас столь наивным, что не скрывает даже того приема обмана, на который он хочет поймать вас» [Там же, с. 155]. Критики выходят на сцену ради толкования внешних по формальному критерию приемов поразительности, занимательности, подражательности, ради анализа скрытых цитат и контекстов.

Итак. Понимание произведения искусства требует непосредственного сочувствия и непосредственной передачи чувства художником. Толстой отрицает:

– внешнюю связь между чувством и произведением: нельзя пересказать или истолковать, или заместить хоть что-то без разрушения внутренней связи чувства и выражающего чувство произведения искусства (любое произведение искусства как бы единственно и необходимо);

– внешнюю связь между выраженным в произведении искусства чувством и сочувствием читателя: сочувствие незаменимо ничем.

В некоторых параграфах «Философских исследований» Витгенштейна Сол Крипке увидел скептический парадокс. Суть данного парадокса заключается в принципиальной недоопределенности правила. Предположим для примера: кто-то производит операцию сложения по правилу «плюс 2» и на основе операции строит последовательность 2 4 6 8 10 12 ... Правило никогда не применялось ко всем возможным случаям (равносильно утверждению потенциальной бесконечности приведенной последовательности) и поэтому можно предположить случай совершенно нового (не опирающегося на уже когда-то сделанные операции сложения n -ого члена последовательности) вычисления n -ого члена последовательности (возьмем для примера элементы последовательности большие 1000). При отсутствии заранее заданного результата применения правила мы получаем вариант скептического затруднения: на каком основании применение правила «плюс 2» должно давать в результате 1002 после 1000 ..., а не 100 или что угодно еще ... Ведь может существовать непривычная для нас интерпретация правила «плюс 2». Пусть такая интерпретация требует после определенного члена n нашей последовательности получать в результате 100. Между правилом и применением правила открывается странная скептическая бездна: всегда остается возможным множество различных интерпретаций правила. Скептическая проблема легко переносится и на обсуждение значения: невозможно до конца быть уверенными в единственности интерпретации значения слова на всем потенциально бесконечном множестве контекстов употребления.

Прочтение позднего Витгенштейна со стороны Крипке обычно расценивается как ошибка. Витгенштейн формулирует позицию скептика лишь как пример нелепого следствия внешнего разделения между правилом и конкретными примерами применения правила: после признания отдельного пространства интерпретации (ментального или по типу отдельного мира идей) мы неизбежно приходим к нелепому утверждению недоопределенности правила и значения. Но Витгенштейн исходный феномен видит в **следовании** правилу (или в деятельности в соответствии с правилом). Скептическая проблема согласования (посредством внешней по отношению к практике следования правилу интерпретации) правила и применений правила может быть поставлена только ретроспективно. Фактически такой проблемы в реальном применении различных правил и в реальном языковом употреблении различных слов не возникает. Следование правилу непосредственно. В реальной практике применения правила, мы никогда не обращаемся к интерпретации (исключение составляют вторичные зависимые феномены обучения или неверного следования правилу).

Книга Пикфорда начинается обзором различных формулировок скептического парадокса. Пикфорд принимает скептический парадокс за следствие картезианского дуализма (за какой-то вариант различения ментальной и физической сферы: отдельного пространства значений и интерпретаций и отдельного пространства фактического применения интерпретаций или воплощения значений, чувств и пр.) Скептический парадокс в работах Витгенштейна разрешается признанием необходимости **внутреннего** (не опосредованного интерпретацией и пр.) отношением между правилом (значением) и следованием правилу (употреблением слова). Остается только последовательно отказаться от различных альтернатив непосредственному внутреннему отношению между правилом (или значением) и фактическим употреблением. Задача была решена до Пикфорда сторонниками и исследователями Витгенштейна. Пикфорд впервые накладывает решение скептической проблемы на теорию искусства Толстого.

Толстой в трактате не часто подчеркивает непосредственность и прямое отношение между чувством художника и произведением (между выраженным в произведении чувством и заражением читателя). Потому в первых главах книги Пикфорд прослеживает отдельные предвосхищения формального определения искусства в трактате в художественных произведениях Толстого. Наряду с другими произведениями «Анна Каренина» прочитывается как фрагмент предварительного этапа размышлений Толстого об искусстве. «Декартово разделение между внутренней интенциональностью и внешним поведением преодолевается в романе посредством подспудно сравниваемых изображений внутренней душевной жизни персонажей и их внешнего социального поведения, понимаемого как привычки, коды, нормы, роли, правила» [Пикфорд, 2021, с. 55]. Так «внешнее, публичное поведение не соответствует внутренней, личной мотивации и приводит к скептическому вопросу интерпретации...» [Там же, с. 58]. Пикфорд приводит хорошо знакомые русскоязычному читателю «примеры или акты непосредственного ... понимания одного персонажа другим» [Там же, с. 70]. С отсылкой к афоризму 6.51 «Логико-философского трактата» Витгенштейна Пикфорд прочитывает смысловые сомнения Левина: «... первый витгенштейновский ответ (заложенный в терапевтическом решении Левина) состоит в неспособности персонажа даже представить **смысл** скептического вопроса».

Мысль Толстого «предвосхищает труды Витгенштейна» [см. подробнее: Там же, с. 80-88]. Приведенные сравнения свидетельствуют в пользу понимания трактата Толстого через тексты Витгенштейна. Мы не останавливаемся на пересказе прочтений Пикфордом ряда художественных текстов Толстого и не затрагиваем разбора места музыки в понимании формального критерия.

Большая часть книги Пикфорда направлена на демонстрацию возможности понимать определение искусства Толстого по аналогии с текстами Витгенштейна (относительно правил и скептицизма). Пикфорд разбирает некоторые современные философские теории эмоций ради прояснения непосредственности внутреннего (не интерпретирующего) характера отношения между чувством и восприятием чувства. Интерес представляют последние три главы с общим подзаголовком «Реконструкция Толстого». Сначала Пикфорд рассматривает «противоречие между каузальными и интенциональными отношениями». Без интенциональности (при редукции интенциональности) эмоции – просто внутренние «восприятия телесных каузально-диспозиционных эффектов» или воспринимаемые физиологические изменения (родоначальником таких теорий признается Уильям Джеймс) [Там же, с. 192]. Далее Пикфорд обосновывает нередуцируемость интенционального содержания эмоции. И помимо формального объекта, (на который направлена эмоция), интенциональное отношение обеспечивает «условия правильности или оправданности эмоции» (т. е. служит нормативным отношением). Даже музыкальные эмоции для каждого слушателя могут иметь собственный формальный объект в виду особенностей биографии или музыкальной культуры слушателя. Пикфорд пишет: «Надежного каузального отношения недостаточно для значения или интенциональности ... поскольку значение как интенциональность – нормативное отношение» [Там же, с. 205]. Эмоции обычно значимы. Смещение или отождествление каузальных и нормативных отношений (равно как и абсолютное разделение каузальных и нормативных отношений) неоправданно: «... по крайней мере главные эмоции, такие как страх, гнев, чувство вины, гордость и т. д. должны рассматриваться как единственные в своем роде состояния, в которых неразрывно сплетены когнитивное измерение (которое включает интенциональность и отношение нормативности), конативное измерение (которое включает конкретные желания и отталкивания), зачастую – характерная феноменология, тенденции готовности к действию и характерные физиологические изменения (мимика, изменения в вегетативной системе)» [Там же, с. 218]. Основная задача Пикфорда в данной главе – закрепить различие между инференциальностью (выводимостью из телесных каузально-диспозиционных эффектов) и непосредственностью эмоции. Непосредственность отлична от инференциальности и учитывает интенциональность и нормативность эмоций. Непосредственный характер эмоций подразумевает внутренний характер отношения с интенциональностью и исключает необходимость внешнего согласующего эмоцию с интенциональным объектом посредника (интерпретацию).

Отметим одну из важных тем последней главы книги Пикфорда. Среди теоретиков искусства принято описывать выразительные характеристики или же выразительные качества произведения. Слово произведение искусства не выражает эмоции, но **демонстрирует** выражение эмоций. Различие между выражением и демонстрацией эмоции закономерно. Эмоции художника никак логически не зависят от эмоционального фона произведения: «... произведения искусства могут демонстрировать выражение эмоций

без выражения эмоциональных состояний создателей». Внешняя выразительность и внутреннее психологическое состояние кажутся независимыми. Однако «имитация эмоционального состояния паразитирует на логически первичном подлинном выражении эмоций» [Там же, с. 264 и 266]. Другой аргумент в защиту внутренней связи эмоции и выражения: допустим эмоцию можно отделить от «природы произведения искусства». Произведение искусства – лишь средство. Тогда должны существовать аналогичные (под конкретную эмоцию) средства: наркотики, гипноз, другое произведение искусства и пр. Третий аргумент – выражение эмоций в произведении искусства кажется неестественным. Но и в обычной жизни выражение эмоций бывает условным. Неестественность не означает неподлинность. Философское различие между выражением и демонстрацией выражения эмоции «еще один вариант картезианства». При отделении внешнего проявления эмоция относится к «независимой и исключительно интроспективной внутренней сфере» [Там же, с. 269]. По Витгенштейну демонстрация эмоции неотделима от эмоции (как правило неотделимо от применения правила). По Толстому критерий подлинного искусства – ненужность и невозможность никакого опосредования между выражением эмоции и эмпатическим восприятием эмоции.

Итак, Пикфорд демонстрирует внутренний характер отношения между:

- инференциальностью и интенциональностью (вместе с готовностью к действию и конативностью);
- демонстрацией эмоции и непосредственным переживанием эмоции (так что демонстрация и приемы демонстрации перестают иметь существенное значение);
- выражением эмоции и эмпатическим восприятием эмоции в художественном произведении.

Образцом рассуждений Пикфорда выступает преодоление скептического сомнения (как следствия декартова дуализма) в текстах Витгенштейна (в различных философских контекстах и вариациях).

Даже учитывая скромную задачу обоснования теории искусства Толстого в контексте современных эстетических теорий или философских разговоров об искусстве, книгу Генри Пикфорда следует признать наиболее конкретной и ясной по теме влияния Толстого на Витгенштейна.

Список литературы / References

Витгенштейн, Л. (1994). *Философские работы. Часть 1*. М. Гнозис.

Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical works. Part 1*. Moscow.

Пикфорд, Г. (2021). *Мыслить как Толстой и Витгенштейн. Искусство, эмоции и выражение*. СПб. Academic Studies Press / Библиороссика.

Pickford, H. (2021). *Thinking with Tolstoy and Wittgenstein. Expression, Emotion and Art*. St. Petersburg.

Толстой, Л. Н. (2020). *Что такое искусство*. СПб. Азбука.

Tolstoy, L. N. (2020). *What is Art*. St. Petersburg.

Информация об авторе / Information about the author

Родин Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2022

После доработки: 25.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Rodin Kirill – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: rodin.kir@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6582-8939>

The paper was submitted: 15.08.2022

Received after reworking: 25.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7 + 021

THE EFFECTS OF COVID-19 ON LIBRARIES OF MONGOLIA

Tseren Ganbaatar, Narantuya Otgondoo, Naigalmaa Sergei, Zolboo Mashbat,

Naranjargal Purev-Ochir, Badamkhand Batjargal

National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

tseren@num.edu.mn; narantuya_o@num.edu.mn; naigalmaa@num.edu.mn; zolboom@num.edu.mn;

naranjargalp@num.edu.mn; bkhandaa@num.edu.mn

Abstract. The Covid-19 pandemic has greatly affected higher education and cultural sector, including libraries. The majority of the libraries in Mongolia were physically closed for patrons. Librarians were suddenly tasked moving from in-person service into online and the Covid-19 pandemic affects policies, strategies, activities, behaviors itself and the library's future development strategy was not taking into account the effect of Covid-19. The aim of this paper is to explore how Mongolian libraries satisfy the need of their patrons in unexpected situation, such as Covid-19-induced transition to adapt to keep afloat, to identify the main issues that have arisen and make recommendations for the betterment of libraries' role in such situations. To be more specific, we address the following research questions: To what extent the Covid-19 affected the library daily activities? Do the library service style, perspectives, strategies, patrons and librarian attitudes change in the future? To address the research questions a quantitative and qualitative content analysis approach was used on a dataset created from questionnaire survey and interviews from librarians and patrons. We studied whether the library could response patrons' needs, the staff is fully paid or not, printed and e-book usage, internal and external online databases, positive and negative impacts of Covid-19 and other library services during pandemic period and compared them to the indicators with pre-Covid-19 period.

Keywords: Covid-19, pandemic, library, library service, patron, librarians, internal and external online databases, Mongolia.

For citation: Ganbaatar, T., Otgondoo, N., Sergei, N., Mashbat, Z., Purev-Ochir, N., Batjargal, B. (2022). The Effects of Covid-19 on Libraries of Mongolia. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 59-76. DOI: 10.47850/RL.2021.3.3.59-76

БИБЛИОТЕКИ МОНГОЛИИ: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Цэрэн Ганбаатар, Нарантуя Отгондоо, Найгалмаа Сергей, Золбоо Машбат,

Наранжаргал Пурэв-Очир, Бадамханд Батжаргал

Монгольский государственный университет (г. Улан-Батор, Монголия)

tseren@num.edu.mn; narantuya_o@num.edu.mn; naigalmaa@num.edu.mn; zolboom@num.edu.mn;

naranjargalp@num.edu.mn; bkhandaa@num.edu.mn

Аннотация. Пандемия Covid-19 оказала значительное влияние на учреждения сферы культуры и высшего образования, включая библиотеки. Большинство библиотек Монголии были закрыты для очного посещения. Перед библиотекарями была поставлена сложная задача: перейти от очного обслуживания к обслуживанию онлайн.

Отметим, что пандемия Covid-19 внесла кардинальные перемены в повседневную жизнь людей, что, несомненно, отразилось на направлениях деятельности библиотек. Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать, как монгольские библиотеки удовлетворяют потребности своих посетителей в непредвиденных ситуациях, таких как переход к онлайн-обслуживанию, вызванный Covid-19. В процессе своего исследования мы попытались ответить на следующие вопросы: в какой степени Covid-19 повлиял на повседневную деятельность библиотек? Изменяется ли в будущем стиль библиотечного обслуживания, перспективы и стратегии развития библиотек, посетители и отношение к ним библиотекарей? Для получения ответов на данные вопросы были использованы методы количественного и качественного контент-анализа, результаты анкетного опроса и интервью с библиотекарями и посетителями. Мы изучили, каким образом библиотеки удовлетворяют запросы посетителей, как используются печатные и электронные издания, внутренние и внешние онлайн-базы данных, каково положительное и отрицательное влияние Covid-19, как различаются библиотечные услуги в период пандемии и до Covid-19.

Ключевые слова: Covid-19, пандемия, библиотека, библиотечное обслуживание, меценат, библиотекари, внутренние и внешние онлайн-базы данных, Монголия.

Для цитирования: Ганбаатар, Ц., Отгондоо, Н., Сергеи, Н., Машбат, З., Пурэв-Очир, Н., Батжаргал, Б. (2022). Библиотеки Монголии: влияние пандемии Covid-19. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 59-76. DOI: 10.47850/RL.2021.3.3.59-76

Introduction

The year 2020 and 2021 will be remembered as the years of the coronavirus and around the world, hundreds of thousands of people died from the disease, every organization changed in ways large and small, and libraries were no exception. In Mongolia, all academic institutions and libraries were closed from January 27th, 2020 therefore the educational institutions forced to work online to avoid risk of losing an academic year [The Mongolian Special Commission News, 2020]. The majority of the libraries in Mongolia were physically closed for patrons but the libraries required to meet the needs of their readers. Librarians have arisen many needs, such as working with patrons remotely, introducing electronic systems, learning to work with techniques and technologies, digitizing printed books, and obtaining copyrights and patents and etc. This pandemic, on the other hand, has given a powerful impetus to the rapid transformation of traditional libraries to meet the needs of modern readers [Holland, 2021]. In many parts of the world, libraries have faced a variety of challenges due to their social development, exploring opportunities to meet the information needs of their patrons remotely, and opening up new library services (IFLA, 2020). Due to the Covid-19 pandemic, physical services to libraries around the world have been disrupted, making it a sudden obstacle for patrons to access library resources in a timely manner. In Mongolia, there is an urgent need to identify and analyze the challenges that library readers face in meeting and accessing information during the Covid-19 period, and to make recommendations on how to improve library services to suit their current and future circumstances.

The modern libraries established in Mongolia in 1921 and generally have been divided into public, research and special libraries. Public libraries enrich their collection with all kinds of scientific books and provide services to a variety of professionals of all ages from child to adulthood,

and try to meet the needs and requests of them. Research libraries are for people doing research and include itself the research institutes, universities, and colleges. Research libraries dedicated to specific readers and build their holdings to suit the needs of their patrons. Special libraries generally include secondary school and institutional libraries. The Covid-19 has exacerbated the problem of Mongolian libraries and accelerated their digital transition. Librarians are being asked digitizing printed materials, increasing the number of e-books, starting online library trainings, conferences, and community activities, preparing and posting contents, brochures for e-learning students in Mongolia.

Literature Review

Few opinion papers comparing how the libraries work, meet their patrons during Covid-19 were published, but we did not find empirical studies on the phenomenon. Library associations have also responded to the pandemic with researches and best practices. The International Federation of Library Association has been compiling and updating its website regarding the situation of libraries around the world since the outspread of Covid-19. The American Library Association has created webpage to compile information about the possible implications of Covid-19 pandemic [Rafiq et al., 2021]. A comparative study of the three university library services reveals that the Covid-19 pandemic had a significant impact on American higher education, including libraries [Connell et al., 2021]. Almost all libraries closed and restricted from accessing buildings, therefore the use of digital content, e-learning, and virtual software has increased in the USA [Survey: Libraries examine phased building re-opening, prepare summer, 2020]. The quarantine of Covid-19 has led to increase digital libraries, focus on building with an electronic sources and secure library infrastructure in India [Parikh et al., 2020]. According to the study in West Bengal, India, “During the quarantine period, students used smartphones for e-learning and they faced a variety of problems, including depression, slow internet speeds, a poor home learning environment, and the students in remote areas had the most difficulties to learn” [Kapasia et al., 2020]. During the pandemic, Pakistani library staffs worked home and there was a sense of over burden because of 24/7 connectivity and without any formal working policy addressing to new working routines. University librarians felt lack of digital literacy skills, and slow internet speed were the major barriers in their transition from physical to online mode and libraries need to focus on improving their digital services in Pakistan [Rafiq et al., 2021]. Although libraries began the transition to e-library before the Covid-19, they preferred providing traditional services, and the transition to digital services were too slow but the pandemic tasked with making electronic advances and opened up new possibilities [Huwiler, 2016]. Students' reading habits are changing, and many people are seeking to access information using digital technology and it creates a need for libraries to adapt to these changes [Tait et al., 2016]. Libraries in the United States and other developed countries have less difficulty accessing e-services during the pandemic than less developed countries and they are working to introduce cloud technology based services in order to make the library services easier [Connell et al., 2021]. The study about the impact of Covid-19 pandemic

on Chinese students, their access to information was done in 2021, and according to the research result they found that the patrons lacked the understanding of digital libraries and desired library support for them [Shi, Li, Luo, 2021]. Prior to the pandemic, the transition to e-libraries in most Asian countries was slow, but the studies on “Library Services in the Digital Age” was conducted in 2012 and on “Adolescent Library Service Habits and Future Trends” in 2013. 80 % of the respondents preferred library home delivery service and 77 % of the respondents answered that they need the internet service access on library computers [Zickuhr et al., 2013].

Method

Design

In this study, while we accept the suggestion that the most library management related studies were developed in the absence of pandemic context and they might not be suitable for applying to today’s condition, we address the proposal that Covid-19 is the main influencing factor behind all libraries’ sudden change practices and behavior. The aim of this paper is to explore how Mongolian libraries satisfy the need of their patrons in unexpected situation, such as Covid-19-induced transition to adapt to keep afloat, to identify the main issues that have arisen and make recommendations for the betterment of libraries’ role in such situations. To be more specific, we address the following research questions:

To what extent the Covid-19 affected the library daily activities?

Do the library service styles, perspectives, strategies, patrons and librarian attitudes change in the future?

To address the research questions, a qualitative content analysis approach was used on a dataset with questions with optional answers and open-ended questions created from librarians and patrons from various backgrounds with special consideration to context, in order to identify the main influences of Covid-19 on future concepts and daily activities of Mongolian libraries. A qualitative content analysis approach was used on a dataset with created from interviews with librarians and patrons from various backgrounds. These approaches were chosen a method of inquiry because it is consistent with our research goal: during the data analysis, we sought to identify the main concepts from the interviewees’ narratives which relate to our research questions and make a comparison between questionnaire survey results, the finding our empirical results. The interviews were conducted by different interviewers in their office or library, we agreed on preliminary guidelines that the interviewers should follow. First, the interview questions should be same as questionnaire survey sample and the sequence of the questions should not be changed. Second, the interviewer could support the interviewee with further explanations about the question if something was not clear to the participants. Third, the interview questions should not be shared with the participant prior the interview, since this could influence the actual interview situation. We required that the interview invitation letter was sent to all participants beforehand to schedule in their free time.

Data Collection Tools

The data collection method involved conducting personal, semi-structured interviews and optional and open-ended questions with librarians and patrons from various backgrounds. For the analysis, the questionnaire survey and interview were divided into main three groups: University, Secondary school and Public libraries. The criteria for University library group included main representatives of the State Universities and representatives of big and small sized private university libraries. The main purpose of dividing into three categories was to provide a basis for comparison in differences to the responses of each categories. We included 47 libraries, from them 16 – University libraries, 16 – Secondary school libraries and 15 – Public libraries. For all of our participants, we employed the following criteria: they should be working in Mongolian libraries or having one of active patrons of its. We developed two different questionnaire surveys with optional answers and open-ended questions for librarians and readers and each type included itself 15 questions. Our final first type of questionnaire survey sample included 1102 readers, 177 of the participants were researchers and teachers, 42 graduate, 613 undergraduate and 213 secondary school students and 57 readers were not circled where they belong. In the control group we interviewed 12 active patrons with same content of questions within three groups libraries. The second type of questionnaire survey sample included 47 librarians from each participated libraries and made control interview with 15 librarians within main three groups libraries including same content of questions. Since our goal was to ensure a comfortable atmosphere and let participants freely express themselves, we arranged the interviews in participants' office. SPSS software was used to integrate the survey. Comparing the issuance of printed books during normal and pandemic period was mathematically tested to determine whether they were affected by Covid-19 using the Chi-square test.

Research Process

Both interview questionnaire from librarians and patrons were same as survey questionnaire and divided into two parts. The purpose of the first part of both survey questionnaire and interview was to collect patrons' and libraries' statistical information during Covid-19. The second part of our analysis from the patrons was the effect of Covid-19 in patrons' study process and knowledge. We assessed the problems raised during Covid-19, the implemented new things its period and future desired service after pandemic from the librarians. To achieve the objectives of the study, the survey was conducted using the questions in Tables 1 and 2.

Table 1

Summarizes the questionnaire survey and interview structure from patrons

Category	Questions
1. Personal information of using library	<i>What is your level of study? Which library do you go mostly? Which service do you take mostly? How about your frequency of library use before Covid-19? Did you use the digital library before the pandemic period?</i>
2. Effect of Covid-19 on study process	<i>Could you take your desired service during Covid-19, if not why? How often do you use the digital library during the pandemic period, if don't why? How often did you have the necessity of taking the library service the during pandemic period? Did the libraries' electronic databases provide your desired necessities during the Covid-19? How the Covid-19 effect on your taking knowledge and skill process? Could you take your required information during the Covid-19? Did the limited library service effect on your taking knowledge process badly or vice versa during the pandemic period? Did librarian support you during the Covid-19? If the pandemic gets to continue what kind of service do you want to take mostly?</i>

Table 2

Summarizes the questionnaire survey and interview structure from librarians

Category	Questions
1. Libraries' statistical information	<i>Which library do you work? How many printed and online materials were in circulation for patrons during the Covid-19? How did your library work during the Covid-19?</i>
2. Effect of Covid-19 on library activity	<i>How the Covid-19 influenced to your library's normal activity? What kind of difficulties have you had to work online suddenly due to the Covid-19? Did your library have an electronic database and give a service to patrons from them? Did your service indicators with electronic databases increase during the Covid-19? If the pandemic gets worse how the library should improve their service? Did the Covid-19 have any positive impact on your library activities? Please write what kind innovated service did your library implement during the Covid-19? What kind of serious problems does your library have due to the pandemic situation? How does your library should improve its service?</i>

Analysis of Data

We analyzed by comparing the related questions and the survey was conducted from 1,102 people, but some of the questions were not filled. The doubtful answers or not filled questionnaires were clarified during the interview with the librarians or patrons, and the results obtained from the interviews used for the final analysis. The results are presented in the table 3 and table 4.

Findings

Table 3

Analysis of the questionnaire survey and interview from patrons

Question	University libraries' patrons		Public libraries' patrons		Secondary school libraries' patrons		Not known		Total Number (#)		
	A1	A2	A1	A2	A1	A2	A1	A2			
(A1): Could you take your desired library service during the Covid-19?											
- yes	102		139		74		6		321		
- no	217		340		122		47		726		
(A1): How often do you use the digital library during the pandemic period? (A2): How often did you have the necessity of taking the library service during the pandemic period?											
- very much	117	179	38	91	16	17	2	6	173	293	
- some	216	162	116	111	44	58	8	12	384	343	
- not a lot	119	139	134	118	105	122	27	35	385	414	
- few	28	0	34	0	32	0	17	1	111	1	
(A1): Did the libraries' electronic databases provide your desired necessities during the Covid-19? (A2): Did the limited library service effect on your taking knowledge process badly?											
- yes	58	271	-	167	-	79	-	17	58	534	
- in some ways	288	95	-	58	-	47	-	17	288	217	
- no	100	100	-	87	-	64	-	17	100	268	
(A1): How did the Covid-19 effect on your taking knowledge and skill process? (A2): Could you take your required information during the Covid-19?											
- improved technological knowledge	- enough	101	57	81	42	35	20	7	6	224	125
- increased ability to search and use information online	in some ways	208	353	98	222	78	141	23	40	407	756
- the opportunity to visit and gain knowledge and information in person was limited	- no	124	57	97	47	51	30	15	6	287	140
- not affected		31		34		20		6		91	
(A1): Did librarian support you during the Covid-19?											
- provided inquiries and information on the required topic		117		102		54		8		281	
- provided information about the new book		33		45		44		7		129	
- provided advice on how to read the e-books		142		68		46		11		267	
- other		115		71		40		15		241	

(A1): If the pandemic gets to continue what kind of service do you want to take mostly?

- internal electronic and external online databases service	223	111	66	14	414
- inquiry and information service	38	21	24	6	89
- book delivery service	148	129	68	13	358
- advices for E-learning	44	39	25	10	118
- home delivery service	5	6	5	2	18

According to the survey result 62 % of those surveyed answered that they did not receive library services during the Covid-19, and public patrons answered with highest rate with 71 % on this question. We compared the frequency of library use prior to the Covid-19 with the needs which raised during the pandemic. The results of the survey showed that the total number of the patrons who wanted to receive a library services during the Covid-19 were more than the number of services during ordinary period without pandemic. 50,5 % of the respondents answered that they used the library a lot prior to the pandemic but 57,7 % of them answered that they wanted to use the library during the Covid-19 more than normal period. The patrons had more willing to use library services and develop themselves during the pandemic, but the most Mongolian libraries closed and did not give any services to the patrons, and the home delivery service stopped as well in many libraries. We compared the results of two questions which are whether the library's internal electronic and external online database services met the needs of patrons to the question of "Did the limited library services affect their ability to develop themselves during the Covid-19?". When asked whether the library's internal electronic and external online database services fully met the needs of customers during the pandemic, the university patrons responded that 22,4 % of them did not meet their needs at all and 64,5 % of them partially satisfied. The answers of the public, secondary school libraries patrons to the question of whether the electronic and external online database services met their needs were doubtful, so we tried to confirm during the interview study those questionable things and revealed that these libraries do not currently serve readers with internal electronic and external databases. According to the survey result the National Library has some internal databases with rare materials which were excluded from the analysis because we found that they did not provide any services to patrons with those databases. The secondary school libraries responded that they do not have any internal electronic and external databases. 48,4 % of the surveyed patrons said that the limited library services during the Covid-19 had a negative impact on their self-development opportunities and for the university patrons had it with highest rate as 58,1 %. The ability to search and use information in the online environment has increased for 36,9 %, the knowledge of technology for 20,3 %, but 26 % of the respondents answered that they had limited access to knowledge and information in person. 68,6 % of the surveyed patrons said that they could not get some information while 12,7 % of the respondents could not get any information at all during the pandemic. The survey concludes that the Covid-19 situation has had a positive effect on increasing patrons' technical knowledge and ability to work online, but the service of libraries had not fully met the information needs of their most users as 81,3 %. When asked what kind of support the librarian provided during the pandemic, 25,4 % of respondents said that they received inquiries on the topic,

11,7 % information about new books, and 24,2 % advice on reading e-books. 37,5 % of the respondents wanted the use the internal electronic and external online databases if the Covid-19 continues, which was the highest number for university patrons as 48,6 %. 32,4 % of the respondents wanted the book delivery service, which was the most desired service of the public library patrons as 42,1 %.

Table 4

Analysis of the questionnaire survey and interview from librarians

Question	University libraries' patrons		Public libraries' patrons		Secondary school libraries' patrons		Total Number (#)	
	Yes	No	Yes	No	Yes	No	Yes	No
<i>A1. What kind of negative impacts had on your library activities due to the Covid-19?</i>								
<i>– the planned work of the library interrupted</i>	13	1	14	3	15	1	42	5
<i>– the number of the book collection decreased</i>	9	5	5	12	4	12	18	29
<i>– the library staff salaries decreased</i>	4	10	0	17	1	15	5	42
<i>the library service performance decreased</i>	10	4	14	3	8	8	32	15
<i>A2. Did the Covid-19 have any positive impact on your library activities?</i>								
<i>– increased the electronic databases</i>	10	4	6	11	3	13	19	28
<i>– improved the technique and technology</i>	4	10	1	16	4	12	9	38
<i>– improved the opportunity working in online environment</i>	10	4	15	2	12	4	37	10
<i>– the management started to support the library activities more</i>	3	11	0	17	3	13	6	41
<i>A3. What kind of difficulties have you had to work online suddenly due to the Covid-19?</i>								
<i>– lack of techniques</i>	10	4	16	1	10	6	36	11
<i>– problems with internet</i>	4	10	9	8	8	8	21	26
<i>– lack of knowledge working in online environment</i>	3	11	6	11	3	13	12	35
<i>– lack of knowledge working in computer</i>	3	11	1	16	0	16	4	43
<i>A4. If the pandemic gets worse how the library should improve their service?</i>								
<i>– arise the internal database</i>	5	-	7	-	11	-	23	-
<i>– increase the internal online databases</i>	11	-	14	-	6	-	21	-
<i>– increase the external online databases</i>	8	-	6	-	5	-	19	-
<i>– start co-ownership of the electronic databases between libraries</i>	6	-	8	-	7	-	21	-

A total of 47 libraries in three groups were surveyed, including 16 universities, 15 public and 16 secondary school libraries, each group's questions with the same content. 90 % of surveyed librarians said that the planned library activities had decreased and 68% of them responded that service performance decreased as well during the Covid-19. Public library salaries were not reduced, but 28 % of university and 6,2 % of secondary school librarians said that their salaries were reduced. In a study of the positive effects of the pandemic on the library, 67,8% of the respondents said that e-resources had increased and 78,7 % answered that their ability to work in an online environment had improved. 19 % of the librarians answered that the technology had improved, while only 12,7 % said that the management support had increased in the library. It is noteworthy that no one gave positive answer from the public library to the question of management support, and only one person answered that the technology had improved. When we asked what problems librarians faced when working online, 76,5 % of surveyed said that they lacked the equipment, 44,6 % had problems with the Internet, 25,5 % lacked the skills to work online and 8,5% said that they had some poor computer skills. Libraries defined their needs differently depending on the needs of their patrons. Librarians from secondary school responded that there is a great need for internal e-databases, while public and university libraries needed to increase their internal e-databases. For the purpose of monitoring, the main major libraries were selected and 15 librarians totally were interviewed, of them 11 from university, 3 from public and 1 from secondary school libraries. Due to uncertain responses to the use of online libraries, printed books and internal and external electronic databases, we clarified from interviewed librarians during the interview survey. In order to create a comfortable atmosphere and allow participants to express themselves freely, the interviews were conducted in the library where the participants are located.

The results of our surveys and interviews showed that Covid-19 has influenced the normal functioning of all organizations around the world, including the libraries. In our study, we used the Chi-square test method in order to double-check our result of Covid-19. The number used in the test are shown in yellow.

We found that the pandemic affected the National, Ulaanbaatar City and Central Children's Library through comparing the printed books usage during Covid-19 to the pre-Covid-19 period using Chi-square test method. According to our study “the chi-square value = 5,132”, “the critical value of the chi-square = 5.99 / $\alpha=0.05$, degree of freedom = 2 /” (Table 5). We also found that the pandemic affected the Libraries of the National University of Mongolia, Mongolian University of Science and Technology, Mongolian State University of Education and University of Finance and Economics through comparing the printed books usage during Covid-19 to the pre-Covid-19 period using Chi-square test method. According to our study “the chi-square value = 28,039”, “the critical value of the chi-square = 7.81 / $\alpha=0.05$, degree of freedom = 3 /” (Table 5).

Table 5

A comparative study of printed books usage during Covid-19 and pre-Covid-19 period

Library category	2019.02.01- 2019.05.31 Normal period	2020.02.01- 2020.05.31 Covid-19 period		2020.02.01- 2020.05.31 Covid-19 period	2021.02.01- 2021.05.31 Covid-19 period	
National Library	51,315	8,869	82,7% ↓	8869	3427	61,4% ↓
Ulaanbaatar city public library	126,129	16,709	86,8% ↓	16709	9488	43,2% ↓
Central Children's Library	27,508	9,895	64,1% ↓	9895	-	-
CHI-SQUARE						5,132
Critical Value of Chi-square (=CHISQ.INV.RT(0.05, 2))						5.99
Library of the National University of Mongolia	477,695	44,098	90,8% ↓	44098	48100	8,3% ↑
Library of Mongolian University of Science and Technology	90,487	2,515	97,3% ↓	2515	889	64,6% ↓
Library of Mongolian State University of Education	333,552	19,213	94,2% ↓	19213	4895	74,5% ↓
Library of University of Finance and Economics	37,134	1,309	96,5% ↓	1309	1154	11,8% ↓
CHI-SQUARE						28,039
Critical Value of Chi-square (=CHISQ.INV.RT(0.05, 3))						7.81

We compared two periods usage of printed materials such as Covid-19 beginning indicator to the exactly same period after a one year of time. In the beginning of Covid-19 the usage of printed books decreased in all libraries from 64,1 till 97,35% but the situation is improved in a year later of time. This phenomenon is explained by the fact that the libraries have found ways to improve the services over time during the pandemic. The library of the National University of Mongolia was the only one with growth result in 2021 and it was explained that during pandemic period the library gave some service such as home delivery and one reading hall was open. In the table 5, there is no indicator in 2021 in Central Children's Library and it explained that they closed the door and did not give any service during this survey period.

Table 6

**A comparative study of internal online databases usage
 during Covid-19 and pre-Covid-19 period**

Library category	2019.02.01- 2019.05.31 Normal period	2020.02.01- 2020.05.31 Covid-19 period		2020.02.01- 2020.05.31 Covid-19 period	2021.02.01- 2021.05.31 Covid-19 period	
National Library	-	-	-	-	-	-
Ulaanbaatar city public library	-	-	-	-	-	-
Central Children's Library	-	-	-	-	-	-
Library of the National University of Mongolia	326411	320485	1,8% ↓	320485	680352	52,8% ↑
Library of Mongolian University of Science and Technology	-	-		-	-	
Library of Mongolian State University of Education	8216	12405	33,7% ↑	12405	32285	61,5% ↑
Library of University of Finance and Economics	8024	29920	73,1% ↑	29920	52476	42,9% ↑
CHI-SQUARE						12,036
Critical Value of Chi-square (=CHISQ.INV.RT(0.05, 2))						5.99

We found that the pandemic affected the main representatives of university libraries through comparing usage of the internal and external online databases during Covid-19 to the pre-Covid-19 period using Chi-square test method. According to our study for internal online database the chi-square value = 12,036, for external online database the chi-square value = 26,947; Critical Value of chi-square for both databases = 5.99; / $\alpha=0.05$, degree of freedom = 2 /" (Table 6, 7). During the pandemic time, it was assumed that staying at home would result increase the external and internal online database services, but the decline in most libraries was a major concern, we clarified the reason in our interview survey. In the case of the Library of the National University of Mongolia, the internal e-database has declined slightly since the beginning of the Covid-19 due to the fact that people often approached material from school library and did not know how to access it from home. As soon as the library was closed, the library of Mongolian State University of Education and the Institute of Finance and Economics focused on improving their internal electronic databases, and providing access from home, which influenced in the growth of their library's access. The library of National University of Mongolia had a higher number access of external online databases than other representative universities due to providing possibility of access from home. The library of the Mongolian University of Science and Technology refused to provide information on electronic

databases as a matter of school privacy that's why we did not include to our analysis. According to the study, the usage of printed books fell sharply in the first year of the Covid-19. The high number access rate of patrons to the library's internal electronic database indicates the needs of libraries to digitalize their holdings. Prior to Covid-19, the use of external databases at most surveyed universities were high, but the indicators declined since the pandemic started. This was related to the fact that the access to the universities' external databases were limited by external IP addresses, and patrons were generally less likely to use external databases as well.

Table 7

A comparative study of external online databases usage during Covid-19 and pre-Covid-19 period

Library category	2019.02.01-2019.05.31 Normal period	2020.02.01-2020.05.31 Covid-19 period		2020.02.01-2020.05.31 Covid-19 period	2021.02.01-2021.05.31 Covid-19 period	
National Library	-	-	-	-	-	
Ulaanbaatar city public library	-	-	-	-	-	
Central Children's Library	-	-	-	-	-	
Library of the National University of Mongolia	13509	26388	48,8% ↑	26388	39494	33,1% ↑
Library of Mongolian University of Science and Technology	-	-	-	-	-	
Library of Mongolian State University of Education	15350	7556	50,7% ↓	7556	6710	11,1% ↓
Library of University of Finance and Economics	1012436	698044	31,1% ↓	698044	663464	4,9% ↓
CHI-SQUARE						26,947
Critical Value of Chi-square(=CHISQ.INV.RT(0.05, 2))						5.99

Results, Discussion and Recommendations

While comparing activity of the public, university and secondary school libraries the history path was generally similar, but the results were different depending on the nature of the activity and the technological development. At the beginning of the pandemic, all libraries were closed according to the decision of the state emergency commission. But the students of all level started to study online and it was almost new thing in Mongolia. The libraries were faced with the problem of how to provide with necessary materials for those who wanted to use for their online study.

We found that the libraries operated differently during Covid-19, some libraries had been doing their internal work for almost two years without serving patrons even with online materials, while others have provided services such as home delivery, partly reading room open service for patrons and service with electronic databases. The results of the survey are summarized in the table 8.

Table 8

A comparison of key changes in the surveyed libraries during the Covid-19

Library changes	Changed things	Public Libraries	University Libraries	Secondary school libraries
		<i>If yes (+)</i>	<i>If no (-)</i>	
Positive change	Electronic databases added	+	+	+
	Technique and technology has improved	+	-	+
	Increased opportunities to work online	+	+	+
	Management started to support more library activities	-	+	+
	Librarians are more interested in self-improvement	+	+	+
	The digitalization of libraries has intensified	+	+	-
Negative change	The planned work of the library was interrupted	+	+	+
	The book purchase has decreased	+	+	-
	The salaries of library staff have decreased		+	
	Service performance decreased	+	+	+
	Limited services have negatively affected on patrons' learning	+	+	-

Although the issue of digitalization in Mongolian libraries has been discussed for some years and started in various ways but the librarians are still with lack of knowledge about the digital world. Covid-19 strongly warned libraries to speed up their digitalization as a matter of urgency, and the study found that despite the end of the pandemic, there is no longer possibility of providing adequate satisfied services by simply delivering printed materials to patrons. The research results show that the libraries need to be a tool that plays a key role in distance learning. Research has shown that Mongolian libraries had been unable to meet the needs of their patrons by closing their doors in the event of an emergency like Covid-19, and librarians had been very busy starting many activities during the pandemic, but patrons had not been able to know their activities. The main library users responded that they did not receive any library services during the pandemic and it indicates that the most Mongolian libraries were not ready at all in the case of an emergency. The results of the survey show that the public, university, and secondary school libraries differ in the nature of their activities and they have different kind of task urgency. In the table 9 we showed the first three tasks by priority that should be done not depending on whether the Covid-19 continue or not.

Table 9

The three most important tasks by prioritization that need to be implemented systematically in the libraries

Library category	The three most important tasks by prioritization
Public Libraries	<ol style="list-style-type: none"> 1. Create an internal electronic database, deliver to patrons and increase them basing on their needs 2. Improve technology and internet speed 3. Provide patrons the opportunity to work online
University Libraries	<ol style="list-style-type: none"> 1. Increase the access to external online databases without location restrictions 2. Increase the number of the internal electronic databases 3. Open opportunities for universities to share electronic materials with each other
Secondary school libraries	<ol style="list-style-type: none"> 1. Improve technique, technology and internet speed 2. Develop an integrated plan and improve the overall understanding of what is the internal electronic databases and how to have it 3. Systematize activities that support the learning process of the student

Conclusion

The issue of digitalization in Mongolian libraries had been discussed for some years but still their main service has been traditional physical services. The study found that university libraries were more prepared to deal with sudden technological and organizational challenges than public libraries, and that the university libraries did not completely stop library services while closed the door. University libraries provided electronic and home delivering book service. Although university libraries provided online services, the survey found that the patrons were unable to access the materials they wanted due to lack of materials, which influenced their learning and development according to their thoughts. Libraries have a common Internet problem, but the internet problem of the public and secondary school libraries is worse than university libraries. The librarians' lack of skills obstructed to the students for learning at a distance. Although libraries are beginning to realize the need to intensify their digital work but behind the digital work there are many issues as copyright, financial, technological and software related, which slow the process. The pandemic has accelerated the digitalization of electronic content, courses, exhibitions and other digital events, and libraries have begun to focus on improving internet speeds, technique and technological communication skills in addition to adding online content. The patrons could not find necessary online materials for them which indicate that the libraries need to focus on digitalization systematically. According to the survey the patrons found their necessary materials through searching the Internet and it was one sign of the poor digital libraries.

Finally, the research has shown that Mongolian libraries do not meet the needs of their patrons, have poor internet connections, do not have enough electronic materials, infrastructure is not developed, and librarians have poor communication skills with technique and technology.

The results of the survey showed that the total number of patrons who participated in the survey wanted to receive library services more often than before, or that the demand for library services was higher during the quarantine than usual period. The patrons were more willing to use library services and self-improvement during the pandemic, but the Mongolian libraries' reading room service were stopped in almost all libraries, and the home delivery service was discontinued in most libraries, leaving patrons unable to take the services they needed. Therefore, regardless of whether the Covid-19 continues or not, libraries need to systematically improve their internal and external online databases, as well as home book delivery services.

Список литературы / References

Connell, R. S., Wallis, L. C., Comeaux, D. (2021). The Impact of Covid-19 on the Use of Academic Library Resources. *Information Technology and Libraries*. Vol. 40. no. 2. pp. 1-20. DOI: 10.6017/ital.v40i2.12629

Holland, B. (ed.). (2021). *Handbook of research on library response to the COVID-19. Pandemic*. USA. IGI Global.

Huwiler, A. G. (2016). Library Services for Distance Students: Opportunities and Challenges. *Journal of Library & Information Services in Distance Learning*. no. 9(4). pp. 275-288. DOI: 10.1080/1533290X.2015.1111283

Kapasia N., Paul, P., Roy, A., Saha, J., Zaveri, A., Mallick, R., Barman, B., Das, P., Chouhan, P. (2020). Impact of lockdown on learning status of undergraduate and postgraduate students during COVID-19 pandemic in West Bengal, India. *Children and Youth Services Review*. Vol. 116. no. 1. pp. 4. DOI: 10.1016/j.chilyouth.2020.105194

Parikh, K., Vyas, P., Parikh, S. Sh. (2020). A Survey on Reading Habit of Library Users during COVID-19 Lockdown. *Library Philosophy and Practice (e-journal)*. [Online]. Available at: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/4216/> (Accessed: 12 October 2022).

Rafiq, M., Batool, S. H., Ali, A. F., Ullah, M. (2021). University libraries response to COVID-19 pandemic: A developing country perspective. *The Journal of Academic Librarianship*. Vol. 47. no. 1. pp. 9. DOI: 10.1016/j.acalib.2020.102280

Shi, Ya., Li, Ch., Luo, L. (2021). Impact of the COVID-19 Pandemic on Chinese College Students' Information Behavior and Library Needs: A Qualitative Study. *Library Quarterly*. Vol. 91. no. 2. pp. 150. DOI: 10.1086/713051

Survey: Libraries examine phased building re-opening, prepare summer. (2020). [Online]. Available at: <https://www.ala.org/news/press-releases/2020/06/survey-libraries-examine-phased-building-re-opening-prepare-summer-programs> (Accessed: 12 October 2022).

Tait, E., Martzoukou, K., Reid, P. (2016). Libraries for the future: the role of IT utilities in the transformation of academic libraries. *Palgrave Communications*. Vol. 2. no. 1. pp. 1-9. DOI: 10.1057/palcomms.2016.70

Zickuhr, K., Rainie, L., Purcell, K. (2013). *Younger Americans' Library Habits and Expectations*. [Online]. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/06/25/younger-americans-library-services/> (Accessed: 12 October 2022).

Information about the authors / Сведения об авторах

Tseren Ganbaatar – PhD, Associate Professor, Library Dean, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: tseren@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0003-4563-750X>

Narantuya Otgondoo – Library's Senior Specialist, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: narantuya_o@num.edu.mn

Naigalmaa Sergei – Library's bibliographer, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: naigalmaa@num.edu.mn

Zolboo Mashbat – Librarian, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: zolboom@num.edu.mn

Naranjargal Purev-Ochir – Librarian, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: naranjargalp@num.edu.mn

Badamkhand Batjargal – Librarian, National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar, Ikh Surguuli St., 1, e-mail: bkhandaa@num.edu.mn

The paper was submitted: 15.08.2022

Received after reworking: 30.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

Цэрэн Ганбаатар – PhD, доцент, заведующая библиотекой Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: tseren@num.edu.mn, <https://orcid.org/0000-0003-4563-750X>

Нарантуя Отгондоо – главный специалист библиотеки Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: narantuya_o@num.edu.mn

Найгалмаа Сергей – библиограф библиотеки Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: naigalmaa@num.edu.mn

Золбоо Машбат – библиотекарь Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: zolboom@num.edu.mn

Наранжаргал Пурэв-Очир – библиотекарь Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: naranjargalp@num.edu.mn

Бадамханд Батжаргал – библиотекарь Монгольского государственного университета, Монголия, г. Улан-Батор, ул. Университетская, 1, e-mail: bkhandaa@num.edu.mn

Статья поступила в редакцию: 15.08.2022

После доработки: 30.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

УДК 304

**МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ:
ОРИЕНТИРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКЕ
(на примере первого Конгресса молодых ученых в Сочи, 2021 г.)**

Е. М. Лбова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
kate.lbova@gmail.com

Аннотация. С 8 по 10 декабря 2021 г. в Сочи состоялся первый Конгресс молодых ученых, объединивший талантливых молодых исследователей, представителей бизнеса и Правительства Российской Федерации. Мероприятие имело несколько задач: продемонстрировать достижения российской науки за последние 20 лет; обозначить перспективы дальнейшего научного развития; предоставить площадку для диалога и взаимодействия между молодыми учеными и чиновниками. Но, невзирая на многочисленные усилия, направленные на реализацию последней задачи, на наш взгляд, конструктивный диалог так и не состоялся. Несмотря на это, рассматриваемые на Конгрессе молодых ученых темы позволяют выявить основные актуальные направления формирования российской научной политики в отношении молодых исследователей.

Ключевые слова: наука, научные кадры, научная политика, молодежь, Конгресс молодых ученых

Для цитирования: Лбова, Е. М. (2022). Молодые исследователи: ориентиры и ограничения в научной политике (на примере первого Конгресса молодых ученых в Сочи, 2021 г.). *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 77-86. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.77-86

**YOUNG RESEARCHERS:
GUIDELINES AND LIMITATIONS IN THE RUSSIAN SCIENTIFIC POLICY
(on the example of the first Congress of young scientists in Sochi, 2021)**

E. M. Lbova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
kate.lbova@gmail.com

Abstract. The first Congress of Young Scientists was held on December 8–10, 2021, in Sochi, and bringing together talented young researchers, representatives of business and the Government of the Russian Federation. The event had several objectives: to demonstrate the achievements of Russian science over the past 20 years; outline the prospects for further scientific development; provide a platform for dialogue and interaction between young scientists and officials. Despite numerous efforts aimed at the implementation of the latter task, a constructive dialogue did not take place. However, the topics discussed at the Congress of Young Scientists make it possible to consider the main current directions in the formation of Russian scientific policy towards young researchers.

Keywords: science, scientific personnel, science policy, youth, the Congress of Young Scientists

For citation: Lbova, E. M. (2022). Young Researchers: Guidelines and Limitations in the Russian Scientific Policy (on the example of the first Congress of Young Scientists in Sochi, 2021). *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 77-86. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.77-86

Кадровый вопрос – один из ключевых вопросов научной политики. Ведь для непрерывного развития наука постоянно нуждается в притоке молодых и талантливых специалистов, что особенно важно в современных условиях стремления к технологическому суверенитету Российской Федерации (РФ). Привлечение молодежи в науку осуществляется с помощью различных грантовых и социальных мер поддержки, результат которых неоднозначен. С одной стороны, статистические данные подтверждают успешность проводимой в отношении молодых исследователей научной политики, с другой стороны, при личном общении с молодыми учеными оказывается, что позитивные перемены затронули далеко не всех. На примере анализа акцентов, расставленных в ходе первого Конгресса молодых ученых в Сочи 2021 г., мы попытаемся определить ведущие тенденции формирования политики в отношении вовлечения молодежи России в науку и дать ситуации оценку с гуманитарной точки зрения.

Современная научная политика в отношении участия в ней молодежи затрагивает следующие направления: популяризация науки и научного волонтерства; создание условий для закрепления молодежи в науке; грантовая и социальная поддержка молодых ученых; регулирование деятельности советов научной молодежи (СНМ), включая студенческие научные сообщества (СНО). Вопросами молодежной научной политики занимается Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Президенте РФ по науке и образованию (КС). Созданный в 2007 г. Совет является консультативным органом при Совете по науке и образованию, а также обеспечивает коммуникацию между СНМ, СНО и органами государственной власти¹. Деятельность КС направлена на поддержку научно-исследовательской работы студентов, аспирантов и молодых ученых, представляющих современную российскую молодежную науку.

Ярче всего иллюстрирует актуальное состояние российской молодежной научной политики, а также тенденции в этой области, прошедший в Сочи с 8 по 10 декабря 2021 г. первый Конгресс молодых ученых, в программной подготовке которого КС принимал активное участие. Площадкой проведения Конгресса был выбран парк науки и искусства «Сириус» в Адлере (г. Сочи), на территории которого уже на протяжении нескольких лет проходят фестивали науки и творчества. Конгресс молодых ученых позиционировался как самое яркое событие, завершающее торжественное мероприятие, посвященное теме 2021 г. «Наука, технологии и инновации». В Конгрессе участвовали выдающиеся молодые ученые (лауреаты образовательных и научных программ и конкурсов, представители региональных советов научной молодежи и др.), а также представители Правительства Российской Федерации, инновационных и государственных компаний. На мероприятии, помимо демонстрации актуальных научных достижений, проходили сессии, посвященные современной молодежной научной политике, результатам научного сотрудничества с бизнесом и крупными государственными корпорациями, а также инструментам взаимодействия между молодыми учеными, Российским научным фондом (РНФ) и органами государственной власти. Основными организаторами выступили Министерство образования и науки России, Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию и социально-ориентированный нефинансовый институт развития Фонд Росконгресс. Отчасти тематическую наполненность программы Конгресса определило участие различных

¹ О Координационном совете [Электронный ресурс]. URL: <http://youngscience.gov.ru/sovets/about/> (дата обращения: 10.09.2022).

государственных корпораций и концернов, таких как государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», группа «Россети», Трубная металлургическая компания, Фонд инфраструктурных и образовательных программ, ПАО «Газпром», ОАО «РЖД», ПАО «Сбербанк», государственная корпорация «Ростех», научно-образовательный энциклопедический портал «Знания», концерн ВКО «Алмаз – Антей», Центральный аэрогидродинамический институт им. Н. Е. Жуковского и др.

Согласно официальным данным, Конгресс, на организацию которого была выделена значительная сумма в 298700 тыс. рублей [Правительство профинансирует ..., 2021], посетили 3100 участников из 280 вузов и 125 подразделений РАН. Организаторы стремились к преобладанию молодежи на мероприятии, поэтому средний возраст участников не превысил 30 лет. Всего в выступлениях были задействованы 489 спикеров, из которых 81 выступил онлайн [Конгресс молодых ученых..., 2021]. Примечательно, что, несмотря на достаточно молодую аудиторию, спикерами мероприятия преимущественно были не успешные молодые исследователи, а представители госкорпораций, бизнес-компаний и академических институтов, средний возраст которых, очевидно, превышал не то, что 30, а возможно и много больше, лет. По всей видимости, организаторы стремились создать условия для диалога между старшим и младшим поколениями. Причем этот диалог должен был состояться не только между представителями академической науки и госкорпораций, но и университетами. Для этого, параллельно с основной программой, проходила VIII Ежегодная национальная выставка «ВУЗПРОМЭКСПО». Но удалось ли организаторам достичь своей цели?

Чтобы облегчить поиск тем для возможной беседы, каждому из участников была выдана специально выпущенная к началу Конгресса книга «Год науки и технологий в России», на страницах которой подводились промежуточные итоги системной научной политики, реализуемой с 2000-х гг. Информация, представленная в издании, призвана была подчеркнуть достоинства и нивелировать недостатки проводимой научной политики. Особый акцент был сделан на увеличении в России в последнее десятилетие числа исследователей моложе 40 лет. Согласно данным, в 2020 г. в этой категории числилось 44,3 % российских исследователей [Год науки и технологий в России, 2021, с. 8]. Эта цифра подтверждается данными, опубликованными в статистическом сборнике ВШЭ «Индикаторы науки: 2022», откуда скорее всего этот факт и был заимствован. Оттуда же были взяты сведения о среднем возрасте исследователей, составляющем по последним данным 46 лет [Гохберг, Дитковский и др., 2022].

На сессиях, затрагивающих кадровые вопросы, к приведенной в сборнике информации часто обращались спикеры, считая это основным индикатором преодоления острой проблемы постсоветской науки, когда в 1990-х гг. доля научной молодежи в общей численности исследователей исчислялась всего 7,7 %. [Аллахвердян, 2021, с. 511]. Рост доли молодежи в научной среде отмечают и социологи. Причем акцент делается не только на увеличении количества молодых исследователей, но и на изменении мотивации к занятию наукой. По мнению А. Г. Аллахвердяна, до 2010-х гг. рост количества молодых ученых был связан как с желанием части молодежи избежать призыва в армию, так и с необходимостью добиться ученой степени для работы в зарубежной научной организации [Аллахвердян, Агамова, 2005, с. 53]. Затем, в результате целенаправленной государственной политики, ориентированной на закрепление молодежи в науке, основной мотивацией при

выборе научной профессии стал интерес к исследовательской деятельности. Именно смена мотивации привела к закреплению научных кадров в отрасли, подтверждением чему служат статистические данные, согласно которым более старшая возрастная группа исследователей (30–39 лет) численно увеличилась до 24 %, в то время как в 2010 г. она составляла лишь 16,2 % от общего числа российских исследователей [Аллахвердян, 2019, с. 554].

Однако общее количество исследователей едва ли можно назвать достаточным с учетом современной повестки. Например, за период с 1990 г. по 2020 г. численность исследователей сократилась с 1119 тыс. до 346,5 тыс., т. е. в 3,2 раза [Аллахвердян, 2021, с. 511]. Причем наибольшие потери коснулись наук, востребованных в условиях необходимости достижения технологического суверенитета РФ, а именно технических наук. Отдельного внимания заслуживает и вопрос смены мотивации. Постсоветское преобразование науки привело к трансформации образа ученого от «мыслителя-исследователя» к «эффективному исполнителю» [Абрамова, 2022]. В результате научная профессия стала ассоциироваться с работой чиновника. Ученый, подобно бюрократу, вынужден следовать формальным критериям при выборе и исследовании научной темы, что исключает в большинстве случаев личную заинтересованность в изучаемой проблеме и тормозит дальнейшие успехи в развитии научного знания в целом. Ориентация на внешние параметры оценки функционирования науки, такие как наличие грантов, количество публикаций в рейтинговых журналах и др., лишь усиливает формализм среди молодых ученых и приводит к фрустрации при переходе в категорию исследователя среднего возраста, поскольку большинство грантовых программ поддержки рассчитаны именно на молодежь в возрасте до 40 лет. Ориентация в мотивации молодых ученых на внешние стимулы, а не на внутренние, такие как поиск научной истины, неминуемо приводят к демотивации в будущем.

В условиях рыночной экономики внешняя мотивация преобладает над внутренней. Следуя этому утверждению, за прошедшее десятилетие многое было сделано для привлечения и закрепления молодежи в науке. Причем поиск будущих исследователей начинался среди школьников. В 2015 г. указом Президента РФ была создана общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников» (РДШ). Основной фокус деятельности РДШ – взаимодействие с ведущими российскими инновационными компаниями и университетами [Год науки и технологий в России, 2021, с. 16].

Для молодых ученых также существуют различные грантовые и социальные меры поддержки. В 2016 г. в рамках Президентской программы исследовательских проектов РФ был запущен целый ряд конкурсов, обеспечивающий закрепление молодых специалистов в научно-образовательной сфере. В качестве социальной меры поддержки в 2014 г. была начата программа выдачи государственных жилищных сертификатов, позволяющая молодым кандидатам и докторам наук частично компенсировать расходы на покупку жилья. И это не считая целого ряда конкурсов и премий, также ориентированных на молодежь.

На первый взгляд, эти меры делают профессию ученого более привлекательной. Да и цифры, приведенные составителями сборника «Год науки и технологий в России», а также информация о мерах поддержки исследователей подобраны таким образом, чтобы у читающего не было никаких сомнений в успешности проводимой сегодня государственной научной политики. Однако такой взгляд не представляется нам объективным и требует более подробного рассмотрения.

На первых страницах сборника опубликованы статистика и цифры, демонстрирующие достижения российской науки за последние двадцать лет. Значительный акцент сделан на увеличении финансирования научной отрасли. Но о какой науке идет речь? Здесь упоминается поддержка не только университетов, академических институтов, но и госкорпораций и крупного бизнеса. Еще сомнительнее выглядят внушительные показатели РНФ. Ситуация с получением грантовой поддержки в науке не столь радужная. После закрытия Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в России остался всего один научный фонд, ориентированный, прежде всего, на уже действующие мегапроекты. Небольшие исследования, и тем более в гуманитарной сфере, имеют меньше шансов на получение поддержки от РНФ. И совершенно не финансируются отдельными грантовыми программами организация научных академических конференций. Отныне гранты на проведение мероприятий можно получить только по специальным программам, рассчитанным на некоммерческие организации (НКО) или на вузовские студенческие научные общества (СНО). Хотя процедура слияния фондов предусматривала, что средства из РФФИ будут перенаправлены в РНФ с условием продолжения линеек грантов РФФИ [Васильева, 2021].

Отметим, что к вышеуказанным проблемам можно добавить и перегиб в сторону поддержки молодых ученых в ущерб уже состоявшимся исследователям, что препятствует удержанию в науке исследователей среднего возраста, без которых дальнейшее развитие науки в стране не представляется возможным [Абрамова, 2022].

Что касается программы государственных жилищных сертификатов (ГЖС), то более подробное рассмотрение ее условий обнаруживает ряд недостатков, делающих участие в ней малодоступным большинству молодых исследователей. Для получения сертификата необходимо соответствовать массе требований и одно из самых проблематичных – статус нуждающегося [Кто имеет право..., 2021]. Невозможно получить сертификат и тем, кто уже приобрел квартиру по ипотеке, хотя сумма, выделенная по сертификату, могла бы существенно помочь в погашении кредита. Также в оформлении документов бывает сложно разобраться самостоятельно, поэтому нередко бывают отказы из-за бюрократических придинок. Сужает круг возможных претендентов на участие в программе ГЖС и условие, при котором на сертификат могут претендовать только молодые кандидаты наук в возрасте до 35 лет и доктора наук до 40 лет, проработавшие в научной организации не менее пяти лет на момент подачи заявки.

Во время Конгресса на территории парка науки и искусства «Сириус» проходила выставка, призванная продемонстрировать современное состояние российской научной отрасли. Площадки госкорпораций и вузов встречались чаще, чем стенды, посвященные деятельности институтов Российской академии наук. Эта диспропорция вызывает, по меньшей мере, недоумение, поскольку исследования и разработки, а также многие прорывные проекты, как и прежде реализуются именно в академических институтах. Согласно статистике ВШЭ из 4175 учреждений, связанных с научными исследованиями, большая часть – 1633 – научные институты РАН [Гохберг, Дитковский и др., 2022, с. 34].

Практически не было мероприятий, связанных с гуманитарными науками. Лишь несколько сессий, на которых беседовали об истории науки и научно-технической политики, а также о способах конвергенции естественного и гуманитарного знания. Стендов, посвященных деятельности гуманитарных институтов, не было и вовсе. А как же достижения

в области истории, археологии, филологии и философии? Создалось впечатление, что эти науки сегодня ушли на задний план. И действительно, если посмотреть на актуальные приоритеты научно-технологического развития, то гуманитариев может косвенно касаться лишь пятая задача, заключающаяся в противодействии техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства. Причем даже в этом случае непонятна роль институтов, занимающихся гуманитарными исследованиями. Преимущественно, как это ни странно, вопросы гуманитарных наук на Конгрессе затрагивались в выступлениях представителей НИЦ «Курчатовский институт», основная деятельность которого связана с ядерными технологиями.

Представляется спорным и формат проведения заседаний. В деловой программе Конгресса можно выделить несколько типов сессий: пленарные заседания, дискуссии, public talk и научные лекции. Между выступающими и слушателями – молодыми учеными, ради которых затевалось мероприятие, – постоянно сохранялась дистанция. Модератор и участники дискуссии вели свою беседу на сцене, создавая у присутствовавших, ощущение театрального представления, к которому они не имеют отношения. Все это затрудняло диалог между экспертами и публикой. Пленарные заседания вовсе не подразумевали общение с аудиторией. Дискуссии и public talk оставляли для вопросов всего несколько минут. Причем большинство заседаний, связанных с популярными научными направлениями, были ориентированы на бизнес и крупные госкорпорации. Так, экспертами по вопросам искусственного интеллекта и больших данных часто выступали сотрудники компании «Яндекс» и ПАО «Сбербанк». Эксперты из компаний «Газпром» и «Роснано» участвовали в заседаниях, связанных с новыми производственными технологиями и материалами.

Форма организации Конгресса подтвердила уже действующий тренд в современной российской научной политике, заключающийся в приоритетной поддержке университетов. Это является следствием попытки трансформации российской системы высшего образования на западный манер, когда университет является не только учреждением, дающим возможность получить профессиональные знания, но и становится научным центром [Петров, 2020, с. 143]. Именно поэтому параллельно с Конгрессом в парке науки и искусства «Сириус» проходила VIII Ежегодная национальная выставка «ВУЗПРОМЭКСПО». С одной стороны, это объясняет диспропорцию в количестве участников вузов и академических институтов в Конгрессе, с другой стороны, подтверждает тенденцию приоритетной поддержки университетов в ущерб научным институтам. При этом проблемы аспирантуры на мероприятии игнорировались, хотя аспиранты более мотивированы, чем студенты, на продолжение научной карьеры. Согласно социологическим исследованиям, аспиранты в большинстве своем при выборе научной профессии отводят решающую роль познанию, стремлению к творчеству. Вопрос личной выгоды для будущих молодых ученых второстепенен [Аблажей, 2021, с. 60]. Возможно, недостаток мероприятий на Конгрессе, связанных с системой подготовки научных кадров, говорит об отсутствии понимания важности данного института. При этом со стороны молодых ученых в регионах постоянно звучит запрос на разработку специальных финансовых и социальных мер поддержки аспирантов, поскольку, несмотря на обширный перечень программ для молодых ученых, аспиранты находятся в самом уязвимом положении среди различных

категорий исследователей [Позднякова, 2022]. Это отражается и на оценке аспирантами российской науки в целом. Исследование отношения аспирантов к современному состоянию академической науки, проведенное А. М. Аблажеем в 2018 г., показывает, что большинство респондентов проявили осторожный оптимизм, охарактеризовав состояние российской науки как «нестабильное, с неясными перспективами». Также большинство опрошенных согласилось с тем, что государство недооценивает науку и практически бросило ее на произвол судьбы. [Аблажей, 2021, с. 59]. Это иллюстрирует отсутствие системной работы с институтом аспирантуры, когда молодые люди, решившие посвятить свою жизнь науке, сталкиваются на самом первом этапе с ситуацией личной неопределенности, как карьерной, так и финансовой. Также попытки реформирования аспирантуры последних лет привели к сокращению численности аспирантов, а соответственно и к снижению числа защит диссертаций.

Конгресс молодых ученых в Сочи в декабре 2021 г. позиционировался как масштабное событие, призванное объединить талантливых молодых исследователей, представителей бизнеса и Правительства Российской Федерации, создав условия для конструктивного диалога. На деле же диалога не состоялось. Об отсутствии заинтересованности в диалоге между молодыми учеными и экспертами свидетельствует и игнорирование проблемы современной аспирантуры. Возможно, это явилось результатом малой вовлеченности специалистов социогуманитарного профиля в процесс организации мероприятия и его проведения. Очевидно, что в современных условиях назрела необходимость налаживания коммуникации между Министерством науки и высшего образования РФ и учеными. Конгресс был первой попыткой в этом направлении. Однако пафос мероприятия состоял не в предоставлении молодым ученым площадки для взаимодействия, а в выполнении определенной политической повестки, направленной на фиксацию самого факта осуществления научной политики в отношении молодежи. Также одной из целей Конгресса, имеющей политико-экономический подтекст, была демонстрация необходимости слияния науки с госкорпорациями. Именно поэтому среди спикеров и участников дискуссии было много представителей бизнеса, и практически не поднималась тема развития науки в институтах РАН. Таким образом, прошедшее мероприятие скорее стало очередным свидетельством о призыве правительства к молодым ученым включаться в реализацию стратегических задач, осуществляемых госкорпорациями, но не подтверждением существования комплексного подхода к развитию науки как таковой, в том числе и ее молодежного состава.

Список литературы / References

Абрамова, М. А. (2022) Проблемы профессиональной самореализации молодого ученого в условиях трансформации институтов образования и науки. *Профессиональное образование в современном мире*. 2022. №3.

Abramova, M. A. (2022). Problems of professional self-realization of a scientist in the conditions of transformation of institutes of education and science. *Professional education in the modern world*. 2022. № 3. (In Russ.)

Аблажей, А. М. (2021) Сравнительная оценка состояния академической аспирантуры (середина 2000-х – конец 2010-х годов). *Сибирский философский журнал*. Т. 19. № 3. С. 55-67. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-3-55-67.

Ablazhey, A. M. (2021) Comparative Evaluation of the Condition of Academic Graduate School (Middle 2000s – Late 2010s). *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 19. no. 3. pp. 55-67. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-3-55-67. (In Russ.)

Аллахвердян, А. Г. (2021). Динамика спада российской науки (1990-2020). XXVII годовичная научная международная конференция Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (Москва – Санкт-Петербург, 17-21 мая 2021 г.). М. С. 511-512.

Allahverdyan, A. G. (2021). Dynamics of the decline in Russian science (1990- 2020). In *XXVII Annual Scientific International Conference of the S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS* (Moscow – St. Petersburg, May 17-21, 2021). Moscow. pp. 511-512. (In Russ.)

Аллахвердян, А. Г., Малахов, В. А. (2019). Динамика численности научной молодежи в советской и российской науке: сопоставительный анализ. *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция*. Саратов. Амирит. С. 554-555.

Allahverdyan, A. G., Malakhov, V. A. (2019). Dynamics of the number of scientific youth in Soviet and Russian science: a comparative analysis. In *S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. Annual scientific conference*. Saratov. pp. 554-555. (In Russ.)

Аллахвердян, А. Г., Агамова, Н. С. (2005). Российская наука в постсоветский период: от кадрового обвала к численной стабилизации. *Наука та наукознавство*. № 1. С. 51-62.

Allahverdyan, A. G., Agamova, N. S. (2005). Russian science in the post-Soviet period: from personnel collapse to numerical stabilization. *Science is science*. no. 1. pp. 51-62. (In Russ.)

Васильева, А. (2021) В России сливают гранты. Научные фонды обещают объединить без потери финансирования. *Коммерсантъ*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4722910> (дата обращения: 25.08.2022).

Vasilyeva, A. (2021) Grants are drained in Russia. Science foundations promise to merge without loss of funding. *Kommersant*. [Online]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4722910> <https://www.kommersant.ru/doc/4722910> (Accessed: 25 August 2022). (In Russ.)

Год науки и технологий в России (2021). АНО «Национальные приоритеты». 280 с.

Year of Science and Technology in Russia (2021). ANO “National Priorities”. 280 p. (In Russ.)

Гохберг, Л. М., Дитковский, К. А., Коцемир, М. Н. и др. *Индикаторы науки: 2022: статистический сборник*. (2022). Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. НИУ ВШЭ. 400 с.

Gokhberg, L. M., Ditkovsky, K. A., Kotsemir, M. N. et al. *Indicators of Science: 2022: Statistical Compendium*. (2022). National research University "Higher School of Economics". Moscow. 400 p. (In Russ.)

Конгресс молодых ученых: более 3000 ученых, 280 высших учебных заведений и 125 подразделений РАН (2021). *Ведомости*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2021/12/13/kongress-molodih-uchenih-bolee-3000-uchenih-280-visshih-uchebnih-zavedenii-i-125-podrazdelenii-ran (дата обращения: 15.07.2022).

Congress of Young Scientists: more than 3000 scientists, 280 higher educational institutions and 125 subdivisions of the Russian Academy of Sciences (2021). *Vedomosti*. [Online]. Available at: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2021/12/13/kongress-molodih-uchenih-bolee-3000-uchenih-280-visshih-uchebnih-zavedenii-i-125-podrazdelenii-ran (Accessed: 15 July 2022). (In Russ.)

Кто имеет право на жилищный сертификат. (2021). *Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/52712/> (дата обращения: 15.08.2022).

Who is eligible for a housing certificate. (2021). *State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. [Online]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/52712/> (Accessed: 15 August 2022). (In Russ.)

Петров, В. В. (2020). Специфика формирования регионального научно-образовательного потенциала: вектор оттока. *Философия образования*. Т. 20. № 3. С. 141-152. DOI: 10.15372/PHE20200308.

Petrov, V. V. Specificity of formation of regional scientific and educational potential: outflow vector. *Philosophy of Education*. Vol. 20. no. 3. pp. 141-152. DOI: 10.15372/PHE20200308 (In Russ.)

Правительство профинансирует проведение Конгресса молодых ученых в рамках Года науки и технологий. (2021). *Правительство Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/43463/> (дата обращения: 24.08.2022).

The government will finance the Congress of Young Scientists as part of the Year of Science and Technology (2021). *Government of the Russian Federation*. [Online]. Available at: <http://government.ru/docs/43463/> (Accessed: 24 August 2022). (In Russ.)

Позднякова, Ю. (2022). На Технопроме обсудили вопросы, волнующие молодых ученых. *Наука в Сибири*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sbras.info/articles/organizaciya-nauki/na-tekhnoprome-obsudili-voprosy-volnuyschie-molodykh-uchenikh> (дата обращения: 01.09.2022).

Pozdnyakova, Y. (2022). Issues of concern to young scientists were discussed at Technoprom. [Online]. *Science in Siberia*. [Online]. Available at: <https://www.sbras.info/articles/organizaciya-nauki/na-tekhnoprome-obsudili-voprosy-volnuyschie-molodykh-uchenikh> (Accessed: 01 September 2022). (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Лбова Екатерина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8. e-mail: kate.lbova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-8748-5095>.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2022

После доработки: 20.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Lbova Ekaterina – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: kate.lbova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-8748-5095>.

The paper was submitted: 15.08.2022

Received after reworking: 20.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

ПРАВО

УДК 347.626.6

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ: КОЛЛИЗИЯ КОРПОРАТИВНОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА

А. Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
artemova-an-1991@yandex.ru

Аннотация. Возможность ведения бизнеса посредством конструкции коммерческой корпорации (как правило, общества с ограниченной ответственностью) широко используется многими предпринимателями. Вместе с тем приобретение лицом, состоящим в браке, доли в уставном капитале, как в результате учреждения юридического лица, так и по гражданско-правовым сделкам, влечет соответствующие правовые последствия. В отсутствие брачного договора доля в уставном капитале корпорации представляет собой общее имущество супругов, на которое распространяется режим совместной собственности. Данное обстоятельство предопределяет возникновение коллизии семейного и корпоративного права, которую необходимо разрешать судам при рассмотрении споров о разделе доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В статье предпринята попытка анализа правовой природы доли в уставном капитале с целью разрешения данной коллизии.

Ключевые слова: доля в уставном капитале; общество с ограниченной ответственностью; имущественное право на долю в уставном капитале; корпоративные права, обусловленные владением долей в уставном капитале; раздел общего имущества супругов.

Для цитирования: Артемова, А. Н. (2022). Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: коллизия корпоративного и семейного права. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 87-95. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.87-95

LEGAL NATURE OF A SHARE IN THE AUTHORIZED CAPITAL OF A LIMITED LIABILITY COMPANY: A CONFLICT OF CORPORATE AND FAMILY LAW

A. N. Artemova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
artemova-an-1991@yandex.ru

Abstract. The possibility of doing business through the design of a commercial corporation (usually a limited liability company) is widely used by many entrepreneurs. At the same time, the acquisition by a married person of a share in the authorized capital, both as a result of the establishment of a legal entity and through civil law transactions, entails relevant legal consequences. In the absence of a marriage contract, the share in the charter capital of the corporation is the joint property of the spouses, which is subject to the joint ownership regime. This circumstance predetermines the occurrence of conflicts of family and corporate law, which must be resolved by the courts when resolving disputes on the division of a share in the authorized capital of a limited liability company. The article attempts to analyze the legal nature of the share in the authorized capital in order to resolve this conflict.

Keywords: share in the authorized capital; limited liability company; property right to a share in the authorized capital; corporate rights due to the ownership of shares in the authorized capital; division of the common property of the spouses.

For citation: Artemova, A. N. (2022). Legal Nature of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company: A Conflict of Corporate and Family Law. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 87-95. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.87-95

Ситуация коллизии (от лат. *collisio* – столкновение) семейного и корпоративного права возникает в правоприменительной практике по делам о разделе совместно нажитого имущества супругов, в состав которого входит доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО). В силу пункта 2 статьи 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) общим имуществом супругов признаются приобретенные за счет общих доходов супругов доли в капитале, внесенные в коммерческие организации, независимо от того, на имя кого из супругов они приобретены или кем из супругов внесены денежные средства. Поскольку по общему правилу при разделе общего имущества доли супругов признаются равными (п. 1 ст. 39 СК РФ), результатом раздела доли в уставном капитале юридического лица в судебном порядке станет присуждение 50 % доли бывшему супругу и, как следствие, вхождение его в состав участников компании.

Однако такое решение едва ли соответствует интересам самой компании, для которой стабильность состава ее участников играет важное значение. Вхождение в состав участников и наделение правом на участие в управлении делами корпорации лица, не имеющего интереса в ее деятельности, может не только существенно осложнить функционирование корпорации, но и вовсе парализовать ее деятельность, сделать невозможным эффективное взаимодействие в вопросе совместного принятия решений. Это, в свою очередь, негативным образом отразится на стабильности гражданского оборота в целом. Учитывая то, что на этапе раздела имущества супруги зачастую находятся в конфликтных отношениях, не предполагающих эффективное взаимовыгодное сотрудничество, включение бывшего супруга в число участников корпорации открывает возможности для захвата компании, которыми могут воспользоваться конкуренты.

Иллюстрацией того, что вхождение в состав корпорации бывшего супруга, не имеющего отношения к ее деятельности, не отвечает интересам корпорации, может служить раздел имущества супругов Грудининых. Решением Видновского районного суда от 23.04.2019 по делу № 2-1679/2019 за И. И. Грудининой было признано право собственности на 1948780 акций ЗАО «Совхоз имени Ленина», акционером и руководителем которого являлся ее бывший супруг П. Н. Грудинин. В декабре 2019 г. И. И. Грудинина произвела отчуждение принадлежащих ей акций третьему лицу, обойдя правило о преимущественном праве покупки акций другими участниками компании: внесла акции в уставный капитал другого юридического лица (ООО), приобретая в нем долю, а затем продала свою долю уже в ООО третьему лицу. В результате таких действий третье лицо, не являющееся участником ЗАО «Совхоз имени Ленина», приобрело в нем долю вопреки желанию его участников. Попытки признать сделки недействительными не увенчались успехом: акционеры ЗАО «Совхоз имени Ленина» не смогли доказать, что имела место притворная сделка, прикрывающая сделку по купле-продаже акций третьему лицу в обход преимущественного права покупки акций участниками юридического лица. Суд констатировал, что «ни закон,

ни устав общества не содержит запрета на отчуждение акций в результате внесения их в уставной капитал иного общества без соблюдения преимущественного права приобретения акций»¹. Решение Арбитражного суда Московской области было оставлено в силе вышестоящими инстанциями.

Представляется, что при разрешении вопроса о разделе такого имущества, как доля в уставном капитале юридического лица, необходимо учитывать специфику организационно-правовой формы общества с ограниченной ответственностью. Будучи непубличной корпорацией, общество с ограниченной ответственностью имеет стабильный состав участников, принимающих участие в управлении, действующих для достижения целей, ради которых корпорация была учреждена. В силу п. 3 ст. 7 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон об ООО) число участников ООО не должно превышать 50. Как указал Конституционный суд РФ, «это требование обусловлено тем, что в обществах с ограниченной ответственностью сочетаются личностный и материальный элементы, в связи с чем нормативно-правовое регулирование их организации и деятельности, в отличие от норм акционерного законодательства, предоставляет участникам таких хозяйственных обществ значительно более широкий выбор при определении их организационной структуры, формировании уставного капитала, установлении внутренних правил и процедур и решении других вопросов»².

Как справедливо отмечает А. Н. Левушкин, «роль участников не может сводиться лишь к пассивному внесению вклада в уставный капитал и ожиданию прибыли» [Левушкин, 2016, с. 53]. Необходимость непосредственного участия в деятельности общества делает личность каждого участника принципиально важной для функционирования общества. Эта особенность находит отражение в корпоративном законодательстве: участники общества, пользуются преимущественным правом покупки доли в уставном капитале (п. 4 ст. 21 Закона об ООО), вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который существенно затрудняет или делает невозможной деятельность общества (ст. 10 Закона об ООО) и др. Данные законоположения позволяют поддерживать стабильный состав общества, участники которого объединены общей целью и заинтересованы в эффективной организации деятельности общества. Этой же задаче подчинена и закреплена в ст. 21 Закона возможность участников общества предусмотреть в уставе необходимость получения согласия всех участников общества на переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьему лицу.

В этой связи заслуживает безусловной поддержки позиция ряда ученых, состоящая в том, что раздел общего имущества супругов, обеспечиваемый положениями семейного законодательства, должен осуществляться с учетом положений специального законодательства о подлежащих разделу объектах, в частности, с учетом норм корпоративного законодательства [Чернусь, Войтович, Воронина, 2017, с. 86].

¹ Решение Арбитражного суда Московской области от 27.07.2020 по делу № А41-14903/2020 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/09627a1a-d4b3-4528-8a82-4146ef7370ce/190878e6-eb25-4666-9f11-c667b77b4a3d/A41-14903-2020_20200727_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.08.2022).

² Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»» [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision168184.pdf> (дата обращения: 14.08.2022).

С одной стороны, отказ в удовлетворении требования о признании права собственности на $\frac{1}{2}$ доли, находящейся в совместной собственности супругов, нарушил бы нормы семейного законодательства, квалифицирующие долю в уставном капитале супруга-участника ООО в качестве общего имущества супругов, в котором доля второго супруга по умолчанию составляет 50 %. С другой стороны, удовлетворение требования супруга, не являющегося участником ООО, о разделе доли в уставном капитале и признании за ним права собственности на $\frac{1}{2}$ доли ставит вопрос о том, достаточно ли признания судом права собственности супруга на часть доли для возникновения корпоративных отношений участия и, соответственно, наделения супруга статусом участника ООО.

Для ответа на данный вопрос необходимо понимать, что доля в уставном капитале ООО представляет собой имущественное право (требования) участника к юридическому лицу. Будучи самостоятельным объектом гражданских прав, доля в уставном капитале имеет денежную оценку, может быть предметом оборота (п. 2 ст. 21 Закона об ООО).

В то же время существование права требования возможно только в рамках правоотношения. Приобретение доли в уставном капитале в результате учреждения корпорации или совершения сделки является юридическим фактом, порождающим корпоративное правоотношение. В силу п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) такое корпоративное правоотношение квалифицируется как отношение, связанное с участием в корпоративной организации. Содержанием отношения участия является совокупность корпоративных прав и обязанностей в отношении юридического лица (п. 2 ст. 65.1 ГК РФ). Так, участник общества с ограниченной ответственностью имеет право участвовать в управлении, распределении прибыли, получать информацию о деятельности общества, выйти из общества путем отчуждения обществу своей доли, получить часть имущества общества в случае его ликвидации и др. (ст. 8 Закона об ООО). При этом участник общества с ограниченной ответственностью обязан оплатить долю в уставном капитале, не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности общества, нести другие обязанности, предусмотренные законом (ст. 9 Закона об ООО).

Как отмечают ученые, «по существу право “участия” в корпорации характеризует часть корпоративного отношения, охватывающую правовую связь “учредитель – юридическое лицо”, основу которой составляет трансформированное право собственности» [Егорова, 2015, с. 81]. Право собственности трансформируется в право на управление: «... при внесении имущества в состав уставного (складочного) капитала учредитель лишается права собственности на соответствующее имущество, однако приобретает право контроля за деятельностью организации путем участия в деятельности ее органов управления» [Харитоновна, 2011, с. 163]. По этой причине доля участника общества с ограниченной ответственностью предоставляет право голоса только в пределах оплаченной части принадлежащей ему доли (п. 3 ст. 16 Закона об ООО), а объем управленческих правомочий зависит от размера доли в уставном капитале общества (п. 1 ст. 66 ГК РФ).

Среди всех прав участника ООО следует выделить право на управление, которое является важнейшим корпоративным правом. Его роль обусловлена организационно-управленческой природой корпоративных отношений. Объектом корпоративных отношений является организация деятельности корпорации, которая, с одной стороны, выступает самостоятельным субъектом права, а с другой стороны, будучи фикцией, лишена собственной воли. Целью участников корпорации выступает управление делами корпорации (формирование ее воли) таким образом, чтобы получать удовлетворение тех интересов, ради которых корпорация была ими учреждена.

Таким образом, как следует из характера правоотношений между корпорацией и ее участниками, супруг, не являющийся участником корпорации, а, следовательно, и субъектом корпоративного отношения, не может осуществлять какие-либо корпоративные права в отношении нее, в частности, право на управление. Вместе с тем в случае, если лицо приобретает долю в уставном капитале в период брака, презюмируется, что формирование имущества корпорации происходит за счет общего имущества супругов. Соответственно доля в уставном капитале, будучи имущественным правом, также становится общим имуществом супругов, на которое распространяются правила Семейного кодекса РФ, регулирующие владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов (ст. 35 СК РФ), а также раздел общего имущества супругов (ст. 38 СК РФ). Владение, пользование и распоряжение долей в уставном капитале осуществляются по обоюдному согласию супругов. Супруг может оспорить сделку по распоряжению долей в уставном капитале, совершенную без его согласия, если докажет, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о его несогласии на совершение данной сделки (ст. 35 СК РФ). К подобным сделкам относятся не только те, что связаны с отчуждением принадлежащей супругу-участнику общества доли третьему лицу, но и сделки, связанные с увеличением уставного капитала общества с ограниченной ответственностью за счет вкладов третьих лиц, поскольку результатом действий является уменьшение размера доли супруга-участника. Следовательно, такими действиями затрагиваются права супруга, не являющегося участником общества, но имеющего имущественный интерес в сохранении общего имущества супругов.

Поскольку доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью является, с одной стороны, самостоятельным объектом гражданских прав, а с другой стороны, обладание долей в уставном капитале предоставляет ее обладателю корпоративные права, служит основанием возникновения корпоративного правоотношения, то «в отношении доли в уставном капитале можно выделить право на долю и права из доли» [Филиппова, 2016, с. 24]. В случае приобретения доли ООО лицом, состоящим в браке, доля как объект гражданских прав поступает в общую совместную собственность супругов (при отсутствии брачного договора), права на долю имеют оба супруга в равной мере. Однако права из доли приобретает только один супруг – тот, на чье имя оформлена доля, именно он становится участником общества с ограниченной ответственностью. Участие в корпоративных отношениях только одного супруга соответствует природе корпоративных отношений, предполагающих личное участие в управлении. Предполагается, что второй супруг дал свое согласие на распоряжение общим имуществом путем внесения другим супругом вклада в уставный капитал ООО и тем самым согласился с положениями устава, которые могут, в том числе, содержать положение о необходимости получения согласия других участников общества на отчуждение участником общества своей доли (части доли) в уставном капитале общества третьим лицам³.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 N 1564-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision168184.pdf> (дата обращения: 14.08.2022).

Супруг участника общества, являющийся собственником доли ООО в силу ст. 34 СК РФ, выступает по отношению к обществу третьим лицом. Вопросы, связанные с переходом доли (части доли) к третьим лицам, изменением субъектного состава участников общества с ограниченной ответственностью, подпадают под регулирование ст. 21 Закона об ООО.

В соответствии с п. 1 данной статьи переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьим лицам осуществляется на основании сделки, в порядке правопреемства или на ином законном основании. Несмотря на то, что до раздела имущества супруг, не являющийся участником ООО, обладал имущественным правом на долю в уставном капитале, в результате раздела общего имущества супругов суд признает за каждым супругом право собственности на конкретную часть доли. Более того, в результате признания за каждым из супругов права собственности на $\frac{1}{2}$ доли, доля в уставном капитале супруга-участника общества, предоставляющая ему корпоративные права, уменьшается. Таким образом, приобретение части доли в долевую собственность в результате раздела имущества супругом, не являющимся участником общества, следует рассматривать как переход части доли в уставном капитале общества к третьему лицу.

Закон предусматривает возможность участников общества установить в уставе ООО запрет на отчуждение доли (части доли) на основании сделки третьим лицам (абз. 2 п. 2 ст. 21 Закона об ООО), а также необходимость получения согласия участников общества на переход доли (части доли) в порядке правопреемства (п. 8 ст. 21 Закона об ООО). Из буквального толкования нормы ст. 21 Закона следует, что возможность перехода права на долю в уставном капитале от участников общества к третьим лицам в связи с разделом общего имущества супругов не предполагает получения согласия других участников общества.

Вместе с тем из положения, предусмотренного п. 10 ст. 21 Закона об ООО следует, что уставом общества может быть предусмотрена необходимость получить согласие участников общества на переход доли или части доли в уставном капитале общества к третьему лицу. Данная диспозитивная норма позволяет участникам общества предусмотреть в уставе необходимость получения согласия участников общества на переход части доли в уставном капитале к супругу (супруге) гражданина, являвшегося участником общества, в результате раздела между ними совместно нажитого имущества.

Кроме того, как следует из разъяснений, данных в абз. 3 пп. «б» п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.1999 № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”» уставом общества может быть предусмотрена необходимость получения согласия общества или остальных его участников на уступку доли (части доли) участника общества третьим лицам иным образом, чем продажа, например, в результате раздела общего имущества супругов.

В отсутствие предусмотренных уставом ООО требований к порядку перехода доли в уставном капитале общества к супругу участника ООО в случае раздела общего имущества супругов (в частности, необходимости получения согласия других участников на включение такого супруга в состав участников ООО) суд признает супруга (бывшего супруга) участником ООО со всеми корпоративными правами и обязанностями, предусмотренными законодательством и уставом общества. Данная позиция находит поддержку в судебной практике (Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области

от 24.12.2008 по делу № А56-9328/2008, Решение Арбитражного суда республики Татарстан от 02.07.2009 по делу № А65-7620/2009, Решение Арбитражного суда Удмуртской республики от 17.10.2012 по делу № А71-8620/2012, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.09.2020 по делу № А75-21069/2019, Определение Верховного суда РФ от 27.08.2018 по делу № А33-8124/2017).

Так, в деле № А33-8124/2017 Арбитражный суд Красноярского края отказал участнику ООО в признании незаконными действий Федеральной налоговой службы по внесению в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) сведений о бывшей супруге участника ООО, получившей 50 % доли своего супруга в результате раздела совместно нажитого имущества по решению суда. Исследовав редакцию устава, суд констатировал отсутствие требования об обязательном получении согласия всех участников на переход доли (части доли) к третьим лицам в результате раздела совместно нажитого имущества и отказал истцу в удовлетворении заявленных требований⁴. Данное решение было поддержано вышестоящими инстанциями.

Таким образом, коллизия семейного и корпоративного права в делах о разделе общего имущества супругов разрешается следующим образом: раздел имущественного права на долю в уставном капитале ООО, в том числе определение доли каждого из супругов, регулируется нормами семейного законодательства; приобретение корпоративных прав, обусловленных обладанием долей в уставном капитале ООО, регулируется корпоративным законодательством. Признание судом права собственности супруга (бывшего супруга) на ½ доли в результате раздела общего имущества супругов не влечет автоматически приобретение таким супругом статуса участника общества, поскольку последнее обусловлено наличием/отсутствием положений устава общества с ограниченной ответственностью, позволяющих третьему лицу приобрести статус участника.

В случае присуждения супругу (бывшему супругу) в порядке раздела совместно нажитого имущества доли в уставном капитале общества, устав которого требует получения согласия остальных участников на переход доли, такой супруг получает право обратиться к обществу с требованием о вхождении в состав участников общества, а в случае отказа других участников в переходе к нему прав на долю (часть доли) – получить действительную стоимость доли (п. 1 ст. 6 ГК РФ, п. 5 ст. 21 Закона об обществах)⁵.

Установление законодателем возможности предусмотреть в уставе необходимость получения согласия других участников общества на переход доли (части доли) к третьим лицам обеспечивает баланс интересов, как самого общества, так и его участников, соответствует диспозитивному правовому регулированию деятельности обществ с ограниченной ответственностью, защищает интересы участников общества в части предоставления им возможности ведения дел с теми партнерами, к которым они испытывают доверие и желание сотрудничества.

⁴ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 14.07.2017 по делу № А33-8124/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5f32cb34-b5b1-4383-9146-d30595109d76/1cab29ac-e56c-4c80-9a78-b1a7a193da58/A33-8124-2017_20170714_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.08.2022).

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. по делу № 308-ЭС20-11834 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cd519d35-251e-496f-b3ff-fedf3d2f77cc/2f8912e7-d636-4bbb-bcdc-2e2189750978/A22-6414-2017_20201215_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.08.2022).

Такой подход, с одной стороны, обеспечивает соблюдение прав супруга, вытекающих из семейного законодательства, а с другой – учитывает интересы общества с ограниченной ответственностью, для которого состав участников имеет принципиальное значение, не допускает произвольного вмешательства третьих лиц в управление делами общества.

Стоит отметить, что коллизия семейного и корпоративного права могла бы быть решена и путем закрепления в семейном законодательстве указания на недопустимость дробления прав участия в корпорации в результате раздела общего имущества в судебном порядке. Такое предложение содержалось в исходной редакции проекта Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности, предлагалось дополнить п. 3 ст. 38 Семейного кодекса РФ положением, в соответствии с которым права участия в хозяйственном обществе в размере не менее чем 10 процентов от уставного капитала признаются принадлежащими одному из супругов в счет стоимости его доли в общем имуществе. Право на передачу прав участия в корпорации имел бы тот супруг, который единолично осуществлял корпоративные права, если другой супруг не доказал наличие своего существенного интереса в использовании указанных прав. В то же время другой супруг имел бы право на денежную компенсацию⁶. Данная новелла заслуживала безусловной поддержки, однако ей не суждено было увидеть свет: при подготовке к рассмотрению во втором чтении она была исключена из текста законопроекта.

Подводя итог проведенному исследованию правовой природы доли в уставном капитале ООО, можно дать следующие практические рекомендации, следование которым позволит избежать нежелательных для корпорации последствий в случае раздела имущества при разводе одним из участников общества. Лучшим вариантом является заключение брачного договора, по условиям которого доля в уставном капитале компании супруга, ведущего посредством нее предпринимательскую деятельность, является его личным имуществом и не подлежит разделу в случае развода.

В случае невозможности по каким-либо причинам заключить брачный договор следует предусмотреть в уставе общества требование о необходимости получения согласия участников общества на переход доли (части доли) в уставном капитале к супругу (бывшему супругу) участника общества в результате раздела между ними совместно нажитого имущества. В этом случае в результате присуждения супругу (бывшему супругу) половины доли в уставном капитале юридического лица такому лицу необходимо будет обратиться к обществу с заявлением о вхождении в состав участников, а в случае отказа у него возникнет право получить действительную стоимость его доли.

Список литературы / References

Егорова, М. А. (2015). *Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве*. М. Юстицинформ.

Egorova, M. A. (2015). *Coordination of Economic Activity in Russian Legal Space*. Moscow. (In Russ.)

⁶ Ст. 4 проекта Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. 14.11.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 14.08.2022)

Левушкин, А. Н. (2016). Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица. *Журнал российского права*. № 3 (231). С. 47-55. DOI 10.12737/18026

Levushkin, A. N. (2016). Realisation of the Rights of Spouses During Realisation of Activity of the Legal Person. *Journal of Russian Law*. no. 3 (231). pp. 47-55. DOI 10.12737/18026 (In Russ.)

Филиппова, С. Ю. (2016). Договор продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. *Хозяйство и право*. № 2 (469). С. 23-40.

Filippova, S. Yu. (2016). Agreement for the Sale of a Share in the Authorized Capital of a Limited Liability Company. *Economy and Law*. no. 2 (469). pp. 23-40. (In Russ.)

Харитоновна, Ю. С. (2011). *Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики*. М. Норма: Инфра-М.

Kharitonova, Yu. S. (2011). *Management in Civil Law: Problems of Theory and Practice*. Moscow. (In Russ.)

Чернусь, Н. Ю., Войтович, Е. П., Воронина, С. В. (2017). Особенности раздела отдельных видов супружеского имущества. *Известия Алтайского государственного университета*. № 6 (98). С. 83-87. DOI 10.14258/izvasu(2017)6-15

Chernus, N. Yu., Voitovich, E. P., Voronina, S. V. (2017). Features of the Division of Certain Types of Marital Property. *Izvestiya of Altai State University Journal*. no. 6 (98). pp. 83-87. DOI 10.14258/izvasu(2017)6-15 (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Артемова Анастасия Николаевна – кандидат юридических наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2022

После доработки: 22.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Artemova Anastasiia – Candidate of Juridical Sciences, Junior Research Assistant of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: artemova-an-1991@yandex.ru.

The paper was submitted: 15.08.2022

Received after reworking: 22.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 141.2 + 327.5

ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ В ЦИКЛАХ СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ

А. А. Изгарская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема миросистемной динамики центров политической гегемонии. Показана возможность синтеза концепции миросистемного подхода И. Валлерстайна, Дж. Арриги, концепции долгих циклов глобального могущества Дж. Модельски и теории геополитической динамики Р. Коллинза. В результате синтеза теорий предложена модель системного цикла подъема и упадка гегемона. Интерпретация исторического материала позволила обнаружить, что современная миросистема находится на переходе к этапу появления предложений новых форм мирового порядка.

Ключевые слова: миросистема, гегемон, системная экспансия, центры геополитического могущества, челленджер.

Для цитирования: Изгарская, А. А. (2022). Динамика политической гегемонии в циклах современной миросистемы. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 96-105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105

DYNAMICS OF POLITICAL HEGEMONY IN THE CYCLES OF THE MODERN WORLD-SYSTEM

A. A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
aizgarskaya@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of the world-system dynamics of the centers of political hegemony. The author shows the possibility of synthesizing the concept of the world-system approach (I. Wallerstein, J. Arrighi), the concept of long cycles of global power by J. Modelski and the theory of geopolitical dynamics by R. Collins. The model of the systemic cycle of rise and fall of the hegemon is built as a result of synthesis. The interpretation of the historical material made it possible to discover that the modern world system is in the transition to the stage of the emergence of proposals for new forms of the world order.

Keywords: world system, hegemon, systemic expansion, centers of geopolitical power, challenger.

For citation: Izgarskaya, A. A. (2022). Dynamics of Political Hegemony in the Cycles of the Modern World-system. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 96-105. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.96-105

Распад Варшавского блока и Советского Союза снял остроту сформировавшихся в международной политике противоречий и дал народам надежду на мир. Однако отсутствие противоречий было временным явлением, а ожидания мира оказались наивными. Многие

ученые были убеждены, что распад СССР повлечет за собой и исчезновение Североатлантического альянса. Видный представитель неореалистского направления теории международных отношений К. Уолтц в 1993 г. предсказывал распад НАТО [цит. по: Greenberg, 2003, р. 23]. Основоположник миросистемного подхода И. Валлерстайн в 1997 г. указывал, что все появившиеся в период холодной войны институты противостояния двух сверхдержав, включая НАТО, стали архаичными и постепенно исчезнут [Wallerstein, 1997, р. 229]. Он отмечал, что потеря противника, цементирующего военно-политические стратегии стран Запада на фоне общемирового спада производства и финансовых трудностей, приведет НАТО к распаду и возникновению в мировой системе новых экономических, финансовых и силовых центров [Валлерстайн, 2004, с. 65-66]. Однако НАТО не только не распалось, но упрочилось, его территория влияния расширяется, уровень напряженности в мире растет. В связи с этим возникает ряд вопросов. Почему сделанные учеными с мировыми именами предсказания оказались неуспешными? Какие объективные процессы определяют современную повестку международной политической системы? Можно ли ожидать, что существующие центры геополитического могущества смогут бросить вызов гегемону системы и этот вызов для них будет успешен?

Ответ на первый вопрос требует обращения к анализу методологий, которые послужили основаниями прогнозов. В реалистской парадигме теории международных отношений (Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер, К. Уолтц и др.) утверждается, что жажда власти является неотъемлемым свойством человеческой природы и это проявляется в сущности государства. В мировой политике государства борются за влияние и действуют как рациональные субъекты, но сама мировая политика, являясь сферой войн и конфликтов, носит анархичный характер. Существующие на международном уровне организации значительной роли не играют. При этом сторонники этой парадигмы, к которой принадлежит представитель неореализма К. Уолтц [Waltz, 1988], считают, что для успешного предсказания развития процессов в международной политике нет необходимости в изучении протекающих внутри государств процессов и в анализе их внутренней и внешней политики. Однако именно распад СССР сделал очевидным тот факт, что невозможно успешно предсказывать развитие международной системы без анализа внутренних факторов динамики включенных в нее обществ. И для того, чтобы предсказывать распад НАТО, необходим был анализ внутреннего состояния стран в него входящих, и в первую очередь США, но такая задача не могла быть поставлена в рамках данной парадигмы.

Миросистемный подход является экономоцентрированным. И. Валлерстайн считал, что для лидера миросистемы – государства-гегемона – *экономический критерий могущества*, а именно концентрация аграрно-производственных, торговых, финансовых преимуществ государства, является первоочередным. Поэтому НАТО в сложных экономических условиях становится невостребованным и финансово неоправданным мероприятием. Однако, как показало время, существование НАТО не связано напрямую с финансовой и экономической выгодой. Недооценка геополитического фактора территориального расширения не позволила И. Валлерстайну увидеть причины сохранения и упрочения НАТО.

Поиск ответов на второй и третий вопросы требует построения теоретической конструкции, которая может послужить основанием для объяснения сложившейся ситуации. Для этого дополним миросистемную концепцию мировой гегемонии (И. Валлерстайн [Валлерстайн, 2004], Дж. Арриги [Арриги, 2006]) геополитическими идеями долгих циклов мировой политики Дж. Модельски [Модельски, 2003] и теорией роста и распада государства Р. Коллинза [Коллинз, 2000].

Современная миросистема – это система разделения труда глобального производства и распределения капитала. Миросистема иерархична и имеет структуру «ядро – полупериферия – периферия». Станы ядра – наиболее высокоразвитые экономики мира, способные осуществлять при помощи различных инструментов эксплуатацию ресурсов стран полупериферии и периферии. Периферийные страны, как правило, играют в системе производства роль поставщика природных ресурсов и рабочей силы. Полупериферийные страны занимают промежуточное положение. Миросистема претерпевает циклическое развитие, где каждый цикл равен примерно столетию. Направление развития миросистемы определяет особый центр геополитического могущества – гегемон. Опираясь на идеи представителей указанных направлений, дадим общее определение понятия «гегемон». Под *гегемоном* будем понимать окраинное государство ядра, которое обладает экономическим и финансовым превосходством, служит для государств и обществ миросистемы образцом развития, способно длительное время поддерживать финансовую и территориальную экспансии на глобальном уровне [Изгарская, 2012, с. 155]. В истории последних пятисот лет, от цикла к циклу, происходило усиление военно-политического могущества стран-гегемонов, и увеличивалась контролируемая ими территория. В миросистемном подходе нет полного согласия, но чаще всего выделяют три гегемонии центров геополитического могущества, которые сменяли друг друга на протяжении последних четырехсот лет. Нидерланды выступали в качестве интегрирующей миросистему силы на протяжении XVII в., Великобритания осуществляла господство в двух циклах, а именно в XVIII и XIX вв. После Второй мировой войны и на современном этапе государством, определяющим развитие миросистемы, являются США.

Цикл миросистемы, в соответствии с концепцией И. Валлерстайна, состоит из трех этапов, а именно: конкуренции между элитами разных стран; восхождения гегемона и распространения технологического, делового и военного опыта в системе; утраты гегемонии в результате формирования новых конкурирующих центров и роста стоимости рабочей силы на территории гегемона, а, следовательно, снижения конкурентоспособности его предприятий. Необходимо отметить, что в концепции И. Валлерстайна сделан акцент на воспроизводство миросистемы, трансформация системы в ней находит отражение в меньшей мере. Акцент на трансформацию присутствует в статьях Дж. Модельски. Гегемон вносит инновацию в систему, и это изменяет ее содержание. Дж. Модельски отмечает: «Португалия делала это с помощью инициатив в открытии новых земель, Нидерланды посредством формирования протестантской этики, образования мировой системы и развития капитализма, Британия – промышленной революцией и изобретением либерального государства, США – информационной революцией» [Modelski, 1990, p. 12]. Модель этапов циклов миросистемы И. Валлерстайна и модель инноваций в долгих циклах глобальной системы Дж. Модельски имеют различия, которые позволяют увидеть их взаимодополняемость. Геополитические переменные этапов развития мировой системы

могут быть заимствованы в работах Р. Коллинза. Он описывает два механизма распада государств, способных осуществлять экспансию и контроль над обширной территорией. Первый механизм включается в результате чрезмерного расширения территории влияния и формирования «чрезмерного груза контроля», когда «ножницы» между скоростью расширения территории и скоростью активизации с этих территорий ресурсов столь велики, что экономическая система общества не выдерживает нагрузки. Ресурсов становится недостаточно для того, чтобы поддерживать на территории декларируемый порядок, и общество ввергается в хаос социальных конфликтов. Именно этот механизм проявился в распаде СССР. Второй механизм распада предполагает гибель государства в результате войн. В мировой системе образуются несколько конкурирующих центров, которые постепенно объединяются в два противоборствующих блока, и начинается этап «решающих войн».

Синтез моделей позволил усилить теоретическую конструкцию И. Валлерстайна (см. рис. 1). В общей модели присутствует четыре этапа в системном цикле. Рассмотрим их подробнее.

Первый этап миросистемного цикла – этап формирования благоприятного баланса сил для восхождения гегемонии. Новая гегемония появляется в ситуации, когда сформировавшееся между главными силами миросистемы равновесие нарушается и начинается открытое военное противоборство, которое большинство участвующих субъектов ведет к истощению. Восхождение Нидерландов в XVII в. происходило на фоне угроз суверенитету государств Европы со стороны Испании. Нидерланды играли роль финансового и торгового посредника для всех европейских стран. Превращению Великобритании в мирового гегемона способствовала Семилетняя война 1756–1763 гг. и Наполеоновские войны. Так, например, в Семилетней войне, будучи союзником Пруссии, сковавшей силы европейских государств, Великобритания успешно присоединяла к себе их колонии в Новом Свете и смогла захватить большую территорию Индии. США задолго до обретения статуса гегемона в миросистеме смогли аккумулировать огромную прилегающую территорию, которая стала «базовой» для последующей глобальной экспансии, чего не происходило в предыдущих случаях. В XX в. США становится гегемоном в результате того, что все индустриальные страны Европы в разной степени тяжести были разрушены Второй мировой войной и не могли удерживать власть над восставшими народами в своих колониях. В результате Соединенные Штаты получили возможность проникнуть на ранее недоступные им рынки и потеснить своих бывших союзников и конкурентов.

Обращает на себя внимание то, что после войны статус гегемона обретает окраинное государство с передовой экономикой, способной обеспечить ресурсную базу для контроля над растущей территорией влияния и консолидировать усилия политической и экономической элит в процессах экспансии.

Второй этап миросистемного цикла – этап системной реорганизации. Данный этап предполагает процесс выстраивания новой мировой системы разделения труда. После войны гегемон предлагает некоторую форму порядка, которая распространяется в системе внутри стран ядра и, в зависимости от потребностей ядра, в странах, включенных в систему на уровне полупериферии и периферии. Гегемон на этом этапе показывает путь к экономическому успеху, он обладает высоким уровнем международного престижа и является образцом для подражания. В результате вместе с финансовой экспансией

распространяется передовой технологический, деловой и военный опыт, формируются сети неравного обмена. В системе получают распространение «глобальный либерализм» и религиозная терпимость. Например, население Нидерландов в XVII в. составляло только два миллиона человек, однако страна достигла высочайшего для того времени уровня в сфере финансов, производства и сельского хозяйства, в морской торговле, в захвате новых территорий. Успех Нидерландов указал европейским государствам на приоритетные пути в развитии после того, как они устранили опасность со стороны Испании. Идеологическим основанием господства Нидерландов служил либерализм, выраженный в тезисе Гуго Гроция «Свободное море» и направленный против Испании, которая проводила в жизнь противоположную политику – политику «Закрытого моря» [Барг, 1994, с. 97]. Великобритания в XVIII в. была «мастерской мира», в XIX в. она становится огромной, интегрированной системой механизированного транспорта империей и образцом для подражания государств всего мира. Инструментом неформального господства Англии стал баланс сил, установленный после Наполеоновских войн в Венской системе международных отношений. Представители миросистемного подхода в этом плане отметили, что, будучи центром мировой торговли, Англия использовала рычаг баланса сил с целью достижения мира, который снижал шанс того, что какое-либо государство сделает с Англией то же, что она сделала с Голландией после Вестфальского мира, а именно демонтировала ее торговую систему [Arrighi et al., 1999, pp. 60-62]. В современном мире в качестве защитника основанного на демократии и либерализме мирового порядка выступают США. В послевоенное время Белый дом выстраивал в миросистеме отношения, используя доктрину Трумэна и «План Маршалла», в результате чего сложились системы глобального производства и безопасности. Усиливало осуществляемую США трансформацию противостояние двух систем. Развитые государства Запада начинают заниматься проблемами социального обеспечения и перераспределения доходов. Это, с одной стороны, снижало накал их внутренних противоречий, а с другой стороны, делало привлекательным «западный» образ жизни для граждан многих стран, включая их политические и экономические элиты.

Третий этап миросистемного цикла – этап укрепления новых центров и конфигураций силы. Расширение системы порождает противоречия, которые подрывают силы гегемона и единоклассники элит стран ядра. Финансовая экспансия, распространение технологий, делового и военного опыта, формирование сетей неравного обмена с перифериями расширяет межгосударственную конкуренцию. Появляются государства, которые, укрепив свои позиции как центра геополитического могущества, бросают гегемону системы вызов. В результате в системе начинаются «уравнивающие» войны и государство-гегемон оказывается первым среди равных. Так падению гегемонии Нидерландов способствовали три англо-голландских войны. Конкурирующие с Великобританией как гегемоном миросистемы центры формировались в процессе «индустриализации войны» (в терминах У. Мак-Нила) [Мак-Нил, 2008]. Страны мира подхватили процесс начатый Великобританией, что привело к образованию новых мощных центров силы – Франции, России, Германии, США. На современном этапе гегемония США испытывает экономическую конкуренцию со стороны Восточной Азии, в первую очередь, со стороны Китая и стран

Европейского Союза. Однако ситуация «уравнивающих войн» отсутствует. Обращает на себя внимание и то, что все очаги текущих военных конфликтов расположены далеко от «базовой» территории гегемона. Иными словами, США, являясь территориально обширным государством, одновременно обладают гораздо более выгодным окраинным стратегическим положением по сравнению с его предшественниками государствами-гегемонами. Следует также отметить, что конкурирующие с современным гегемоном центры значительно уступают ему в военном могуществе, а их стратегическое положение должно быть оценено как «центральное», поскольку их границы расположены вблизи очагов военных угроз и гораздо ближе к границам потенциальных противников.

Четвертый этап миросистемного цикла – этап предложения новых форм миропорядка и разрыв сетей неравного обмена. В процессе расширения миросистемы в ядре и в полупериферии появляются центры силы, которые способны не только к экономической и финансовой конкуренции с гегемоном, но и могут оспаривать установленный им порядок. Могущественное государство, бросающее вызов системе и предлагающие «новый порядок», Дж. Модельски называет «челленджером». Наличие государств, оспаривающих мировой порядок, приводит к *ситуации системного хаоса, когда государства постепенно втягиваются в глобальный конфликт.* Финансовая гегемония Голландии окончательно была разрушена не только потому, что перестала оказывать влияние на захватившую богатства Индии и не нуждавшуюся больше в голландских деньгах финансовую систему Великобритании. Утрата Голландией статуса гегемона связана с финансовым разорением Франции, поддержавшей на голландские деньги борьбу за независимость Америки. В Америке только происходило формирование нового порядка, он еще не был предложен миру, а созданный революционной Францией антисистемный порядок государствами Европы был отвергнут. Утрата Великобританией статуса гегемона сопровождалась появлением новых силовых центров. Германия, Япония, США и послереволюционная советская Россия предлагали миру иные формы порядка.

Следует обратить особое внимание на то, что судьба челленджера всегда трагична. Такие государства не становятся во главе системы, они, как правило, разоряются, претерпевают социальные революции, проигрывают войны и т. д. Челленджеры, если использовать неоднократно перефразированную басню Ж. Лафонтена, «таскают каштаны из огня» не для себя. Так Франция ввергается в революцию 1789 г. и Наполеоновские войны, но перед этим помогла Америке получить независимость, а разорив Голландию, она укрепила могущество своего противника – Англии. Дважды брошенные в первой половине XX в. вызовы миросистеме приводят Германию к Нюрнбергскому процессу, гегемоном становятся США, СССР укрепляет свои позиции и длительное время играет роль челленджера в глобальной системе. Противостояние системе приводит СССР к распаду, но этот процесс сопровождается объединением Германии, формированием Европейского Союза, финансовой экспансией европейского капитала в бывшие советские республики Восточной Европы и расширением НАТО, играющим для европейского капитала роль «военного зонтика».

Роль челленджера сегодня играет российское государство, что не может не вызывать тревоги. Анализ геополитико-миросистемного состояния России в условиях текущей военной спецоперации требует отдельного исследования, здесь ограничимся лишь кратким

замечанием. Советский строй возник и утвердился на четвертом этапе цикла миросистемы, когда силы ядра были еще заняты Первой мировой войной, послевоенным восстановлением и борьбой с Великой экономической депрессией. Ядро миросистемы не смогло мобилизовать достаточно сил для того, чтобы устранить опасность со стороны революционной России, провозгласившей идею нового некапиталистического мирового порядка. Результаты Второй мировой войны, расколовшей Европу и мир, способствовали росту кумулятивных возможностей советской системы, проявившихся в создании блока стран Варшавского договора, расширении территории влияния и укреплении международных позиций СССР. Помимо этого, следует помнить, что СССР выступал в коалиции с ведущими державами миросистемы. Роль челленджера играла Германия в союзе с Италией и Японией. В качестве челленджера СССР начинает восприниматься системой с начала «холодной войны» и гонки вооружений. Временем отсчета может служить Фултонская речь У. Черчилля (5 марта 1946 г.). Сегодня ситуация в ядре миросистемы иная. Сегодня страны ядра способны мобилизовать достаточно сил для поддержания в системе глобального порядка, обеспечившего миросистеме рост в недавнем прошлом. Так, после распада СССР мы могли наблюдать успешную системную экспансию миросистемы и кумулятивные процессы вокруг ее центров, иными словами, происходило расширение миросистемы посредством встраивания бывших социалистических стран и республик Советского Союза, включая Россию, в мировую капиталистическую систему разделения труда. Встраивая экономику страны в мировую экономику на уровне поставщика ресурсов, российское государство смогло накопить достаточно средств и сил для осуществления территориальной экспансии. В результате геополитические претензии российского государства вошли в противоречие с экономической стратегией развития страны. Санкции 2014 г., предпринятые со стороны миросистемы, и российские «контрсанкции» были началом разрыва сетей неравного обмена. Однако ситуации «системного хаоса» не было. Не имеющие четких формулировок идеи «нового миропорядка» использовались в политической риторике лидеров таких стран, как Венесуэла, Россия, Китай, которые серьезно уступают ядру системы в ресурсах, а ее гегемону в окраинном стратегическом положении. Однако российская военная операция на Украине не расколола мир, наоборот, она способствовала сглаживанию формирующихся в ядре противоречий и мобилизации просистемных сил. Наблюдаемые кумулятивные процессы, ведущие к образованию коалиций и военных союзов, имеют односторонний характер. Уже сегодня видно, что сложившаяся ситуация не приведет к смене мирового порядка, гораздо более вероятным выглядят перспективы еще одного витка расширения миросистемы.

В заключении следует подчеркнуть, что полученная модель требует дальнейшей проверки и развития, но она работает и может быть использована для интерпретации исторических макропроцессов, а также для анализа современного состояния миросистемы. В качестве перспективной области видится исследование механизмов появления челленджеров в миросистеме и сравнительный анализ уже имевших случаев.

Рис. 1. Системный цикл подъема и упадка гегемона
 (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Дж. Модельски, Р. Коллинз)
 (—> - положительная связь; - -> - отрицательная связь)

Список литературы / References

Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени*. М. Территория будущего.

Arrighi, J. (2006). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time*. Moscow. (In Russ.)

Барг, М. А. (1994). Социальная структура европейской экономики второй половины XVII века. *История Европы. В 8 т. Т. 4*. М. Наука. С. 95-111.

Barg, M. A. (1994). The Social Structure of the European Economy in the Second Half of the 17th Century. *History of Europe. In 8 volumes. Vol. 4*. Moscow. pp. 95-111. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (2004). *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. М. Логос.

Wallerstein, I. (2004). *The End of the World as We know It. Sociology of the 21st Century*. Moscow. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2012). *Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях. Внешние и внутренние факторы динамики современной России*. Новосибирск. НГПУ.

Izgarskaya, A. A. (2012). *The Space of Social Relations in the Geopolitical and World-system Dimensions. External and Internal Factors of the Dynamics of modern Russia*. Novosibirsk. (In Russ.)

Коллинз, Р. (2000). Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса. *Время мира: альманах современных исследований. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке*. Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск. Изд-во НГУ. С. 234-278.

Collins, R. (2000). Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse. In Rozov, N. S. (ed.). *Time of the World: An Almanac of Modern Research. Issue 1: Historical Macrosociology in the XX Century*. Novosibirsk. pp. 234-278. (In Russ.)

Мак-Нил, У. (2008). *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках*. М. Территория будущего.

McNeil, W. (2008). *In Pursuit of Power. Technology, Military Force and Society in the XI-XX Centuries*. Moscow. (In Russ.)

Модельски, Дж. (2003). Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. *Время мира: альманах современных исследований. Вып. 3: Война и геополитика*. Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск. Изд-во НГУ. С. 455-485.

Modelski, G. (2003). Explanation of Long Cycles in World Politics: Basic Concepts. In Rozov, N. S. (ed.). *Time of the World: An Almanac of Modern Research. Issue 3: War and Geopolitics*. Novosibirsk. pp. 455-485. (In Russ.)

Arrighi, G., Po-keung, H., Krishnendu, R., Reifer, T. E. (1999). Geopolitics and High Finance. In Arrighi G., Silver, B. J. et al. (eds.). *Chaos and Governance in the Modern World System. Contradictions of Modernity*. Minneapolis. London. University of Minnesota Press.

Greenberg, J. (2003). Does Power Trump Law? *Stanford Law Review*. Vol. 55. no. 5. pp. 1789-1831. [Online]. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1229564> (Accessed: 10.08.2022).

Modelski, G. (1990). Is World Politics Evolutionary Learning? *International organization*. Vol. 44. pp. 1-24.

Wallerstein, I. (1997). The Global Possibilities, 1990-2025. In Wallerstein, I., Hopkins, T. K., Casparis, J. et al. *The Age of Transition: Trajectory of the World-system, 1945-2025*. London, UK. New Jersey, USA. Pluto Press, Australia. pp. 226-243.

Waltz, K. N. (1988). The Origins of War in Neorealist Theory. In Rotberg, R., Rabb, T. (eds.) *The Origin and Prevention of Major Wars*. Cambridge. Cambridge Univ. Press. pp. 42-43.

Информация об авторе / Information about the author

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2022

После доработки: 20.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

The paper was submitted: 12.08.2022

Received after reworking: 20.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

УДК 001.3

РОССИЙСКАЯ НАУКА В ПЕРИОД САНКЦИЙ

Ф. С. Фомкин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
iamfomkin@mail.ru

Аннотация. После объявления правительства РФ о начале специальной военной операции на территории Украины 24 февраля, Россия столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением, что не могло не отразиться на сфере науки и образования. В данной работе затронуты проблемы и внезапные изменения, оказавшие влияние на российскую науку, такие как: нехватка оборудования и комплектующих, разрыв международного сотрудничества и «утечка мозгов». На основе обобщения заявлений и высказываний ученых, политиков, министров и чиновников, представляющих российскую и зарубежную науку, проанализировано влияние санкций на отечественную науку и рассмотрены потенциальные варианты развития событий.

Ключевые слова: наука, санкции, научное сотрудничество, технологический суверенитет.

Для цитирования: Фомкин, Ф. С. (2022). Российская наука в период санкций. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 106-117. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.106-117

RUSSIAN SCIENCE DURING THE SANCTIONS

F. S. Fomkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
iamfomkin@mail.ru

Abstract. After the Russian government announced a special military operation in Ukraine on February 24, Russia faced unprecedented sanctions pressure, which could not but affect the sphere of science and education. This paper touches on the problems and sudden changes that have affected Russian science, such as: shortages of equipment and components, the breakdown of international cooperation, and the "brain drain. Based on a summary of statements and statements by scientists, politicians, ministers, and officials representing Russian and foreign science, the impact of sanctions on domestic science is analyzed and potential options for developments are considered.

Keywords: science, sanctions, scientific collaboration, technological sovereignty.

For citation: Fomkin, F. S. (2022). Russian Science During the Sanctions. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 106-117. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.106-117

Спустя две недели после 24 февраля, когда Россия начала специальную военную операцию на территории Украины, против страны были инициированы масштабные санкции. Они в немалой степени затронули сферу науки и образования: Минобрнауки РФ заявило, что научно-образовательная отрасль столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны «недружественных» стран [МК – Расприглашение российской науки ..., 2022]. Хотя чиновники отметили, что, несмотря на подобное давление, ряд недружественных стран,

которые отказываются сотрудничать с Россией в данный момент, могут в будущем пересмотреть свою позицию: «... пройдет время, и ситуация изменится» [Санкции влияют на систему ..., 2022], уже осуществляемое давление международных санкций, обусловленное разрывом официальных контактов с иностранными научными организациями и институтами, введением эмбарго на поставки иностранного специализированного оборудования и другими трудностями, которые ощутили на себе представители отечественной науки, в долгосрочной перспективе может оказать довольно сильное влияние на облик и положение науки в России. Задачами данной статьи являются анализ и обобщение проблем, с которыми столкнулась отечественная наука, сопоставление ситуации с опытом Ирана, а также рассмотрение возможной перспективы для преодоления сложившихся трудностей.

Для того, чтобы понимать, о каких санкциях идет речь, следует разобраться в том, какие именно ограничения недружественные организации и страны ввели в отношении российской науки.

Самой первой страной, введшей санкции против России, стала Германия. Министр образования и научных исследований Германии Беттина Штарк-Ватцингер сообщила, что двустороннее сотрудничество в сфере науки между Россией и Германией заморожено на неопределенный срок [Germany sets out ..., 2022]. Позднее немецкая сторона отметила, что в первую очередь это затронет все научные проекты, связанные с передачей технологий и инноваций. Начатые исследования, не касающиеся передачи технологий и инноваций, продолжают финансироваться, но новые подобные исследования с представителями российских государственных структур, или финансируемые российским государством, рассматриваться и получать поддержку не будут. Также служба академических обменов Германии (DAAD) заявила о прекращении выдачи стипендий и грантов для российских исследователей, сотни из которых каждый год получали поддержку своих научных проектов.

Потеря сотрудничества с Германией может оказаться довольно ощутимой, т. к. эта страна, наряду с США, являлась крупнейшим партнером России в сфере образования и науки. Так, за последние 3 года Германия профинансировала совместные проекты больше чем на 10 млн. евро, а среди иностранных студентов 5 место по численности занимают граждане России [The future of research ..., 2022].

Представители Еврокомиссии заявили, что приостановили действие совместных научных программ с российскими исследователями в области проектов Horizon Europe, Horizon 2020 и Euratom, финансируемых Европейским союзом [EU commissioner announces ..., 2022].

Под санкции также попали и другие программы поддержки ученых. Программа стипендий Марии Склодовской-Кюри (MSCA) отменяет сотрудничество с российскими государственными организациями. Это означает, что финансирование совместных проектов с государственными организациями из России на данный момент полностью приостановлено, но лично ученые могут подавать свои заявки, которые будут проверяться строже. Аналогично ситуация обстоит и с другими стипендиальными программами, финансируемыми через следующие организации: Европейский корпус солидарности (ESC) и Европейский исследовательский совет (ERC) [Там же].

О приостановлении прямого сотрудничества с Россией также заявила Европейская ассоциация университетов, в которую входят 850 университетов по всей Европе.

В отличие от Германии, которая не только приостановила программы финансирования, но и призвала свои университеты отказаться от сотрудничества с Россией, Великобритания ограничила только действия организаций, финансирующих исследования, и заявила, что не будет препятствовать частному сотрудничеству с представителями российской науки [Research and innovation sanctions ..., 2022]. Британская сторона сообщила, что на данный момент всякое финансирование приостановлено до тех пор, пока она не изучит подробнее все совместные проекты. Исследования, которые не затрагивают военно-промышленный комплекс РФ или не используют технологии двойного назначения, а несут вклад в развитие мировой науки, вероятнее всего, продолжат финансироваться.

Правительство США поначалу не выдвигало никаких санкций, что, впрочем, вряд ли свидетельствовало о каком-либо расколе в единстве Европы и США, как об этом заявляли некоторые СМИ, но могло скорее говорить об отсутствующем на тот момент централизованном плане американской стороны в отношении российской науки. Несмотря на отсутствие подобных мер, некоторые университеты в частном порядке разрывали сотрудничество. Так, например, знаменитый Массачусетский технологический институт прекратил взаимодействие с Инновационным центром Сколково, продлившееся 11 лет.

Однако спустя три месяца правительство США присоединилось к действиям стран Европы и Великобритании. Оно заявило о прекращении рассмотрения ранее запланированных совместных проектов, продолжая поддерживать проекты, находящиеся в работе. Американские власти также обратились к работникам университетов с просьбой сократить свои контакты с представителями российской науки [US to 'wind down' research collaboration ..., 2022].

Факт того, что представители США, в отличие от других западных коллег, на протяжении трех месяцев не выступали с заявлениями относительно академических санкций, возможно, говорит о том, что администрация США консультировалась с представителями американской науки о возможных сценариях развития этих ограничений. Также это свидетельствует о характерной для США, в отличие от европейских держав, слабой централизованности науки относительно государства. Когда европейские научные и образовательные ассоциации разрывают связи с Россией, в США только часть университетов прекращает сотрудничество, а некоторые озвучивают позицию, что ученые не несут ответственность за действия правительства. В конце концов, несмотря на призывы разорвать сотрудничество с российской наукой, немало ученых Европы и США выступили за сохранение контактов с российскими коллегами, считая, что для развития науки необходимо иметь перманентный обмен данными со всем миром [Anti-war Russian scientists..., 2022]. Важно помнить, что, изолируя российскую науку, власти США и Европы могут политизировать отношения и настроить против себя ученых из России по примеру того, как даже либерально настроенные сербские ученые не смогли простить западу изоляцию, в которой оказалась Сербия в 1990-х гг. [Against academic sanctions, 2022].

Ситуация с изоляцией российской науки не могла не повлиять на уменьшение иностранного финансирования. Его часть Министерству образования и науки России удалось восстановить благодаря совместной с Министерством науки Китая программе поддержки российско-китайских исследовательских групп. Но, даже учитывая инвестиции

со стороны Китая, этого все равно недостаточно, чтобы восполнить потерянное финансирование крупнейших иностранных спонсоров российской науки – Германии, США и Франции, ведь совместные проекты с данными странами приносили больше инвестиций в отечественную науку, чем совместные проекты с Китаем на нынешнем этапе [Россия и Китай финансово поддержат ..., 2022; The future of research ..., 2022].

Отдельной проблемой также стало то, что в условиях нынешних санкций, исследователи из России испытывают большие трудности с участием в международных конференциях, поскольку оплата организационных взносов стала невозможной, т. к. иностранные платежные сервисы перестали принимать российские банковские карты [Anti-war Russian scientists ..., 2022].

Говоря о разрушительном эффекте санкций, важно отметить более чувствительные для некоторых отраслей российской науки возникшие проблемы поставок в области технологий, начиная от современных процессоров и программного обеспечения (как простого пользовательского, так и профессионального узконаправленного) и заканчивая специализированным научным оборудованием и реагентами.

Многие крупные компании, поставлявшие научное оборудование в Россию, приостановили свою деятельность. Компания «Thermo Fisher Scientific», сделав заявление о прекращении поставок, между тем сохранила доставку оборудования, связанного с медициной, чтобы не подвергать риску жизни людей. Японский инструментальный производитель «Shimadzu», прекратив свои поставки в РФ, заверил, что постарается как можно скорее решить все трудности с поставками медицинского оборудования. Аналогичное заявление сделал и производитель оптики из Германии «Zeiss», продолживший свои поставки в медицинской сфере, но ограничив их в иных областях до дальнейшего разрешения проблем, связанных с санкциями. Известная на потребительском рынке своими фотоаппаратами и являющаяся одним из главных производителей профессиональных микроскопов компания «Nikon» вслед за вводом санкций также приостановила свои поставки в Россию [Russian labs run out ..., 2022].

Есть и исследовательские институты, попавшие под прямые санкции США и Евросоюза, как, например, организации, занимающиеся разработками в отраслях гражданских телекоммуникаций и сетевого оборудования, что означает для них полный запрет на поставки технологий и оборудования из США, стран Евросоюза и их партнеров. Данная проблема также осложнена тем, что в условиях подобных санкций крайне тяжело найти поставщиков из третьих стран, используя параллельный импорт, поскольку для таких поставщиков велик риск попасть под вторичные санкции со стороны США и Евросоюза.

Так, ректор МФТИ Дмитрий Ливанов считает, что в сложившихся условиях иностранные поставщики не смогут поставлять оборудование, программное обеспечение и услуги: «... впредь придется пересмотреть политику в области прикладных исследований и разработок, ИТ-политику и многие другие аспекты работы института» [Там же]. Другой представитель МФТИ, старший научный сотрудник Александр Нозик, со ссылкой на коллективное мнение коллег отметил, что в сложившихся условиях, «у российской науки в изоляции нет будущего», и если он и его коллеги еще способны завершить текущие проекты, то начать новые они не смогут [Там же].

Заведующий лабораторией системной биологии и вычислительной генетики Всероссийского института генетических ресурсов растений имени Н. И. Вавилова Всеволод Макеев заявил, что они испытывают проблемы с поставками оборудования и реагентов. Многие компании либо отклоняют запросы на заказы, либо отвечают, что поставки приостановлены. Иностранские компании отказывают в поставке, поскольку страны Евросоюза ввели запрет на экспорт некоторых товаров – таких приборов, как, например, масс-спектрометры и осциллографы. Также свои корректировки внесла приостановка работы международных транспортных компаний: большое количество лабораторий и научных центров пользовались их услугами для обмена, отправки и получения образцов для своих исследований. Заведующий лабораторией высказался о крайней сложности получения семян растений и штаммов бактерий в нынешней ситуации, поскольку ранее подобные образцы доставляла компания DHL [Там же].

Другой представитель Института общей генетики имени Вавилова, заведующий лабораторией эпигенетики Сергей Киселев считает, что зависимость отечественных естественных наук от западных реагентов составляет «если не 100%, то 90% точно» [МК - Расприглашение российской науки ..., 2022].

Особым ударом для российской науки, экономики и страны в целом является то, что США и их государства-партнеры, такие как, например, Тайвань, запретили экспорт полупроводников, микропроцессоров, лазеров, сенсоров и т. д., поскольку многие технологии и оборудование заместить либо очень сложно, либо невозможно в принципе [Russian labs run out ..., 2022].

Пять из мощнейших суперкомпьютеров России выполнены на базе процессоров AMD, и, в любом случае, в процессе эксплуатации они требуют обслуживания и замену комплектующих, что на данный момент остается под вопросом, как и в целом исследования, связанные с анализом больших массивов данных, т. к. в том или ином виде они все равно используют оборудование, на которое наложены санкции.

Логичным выходом из ситуации на данный момент может быть идея замещения оборудования и технологий при помощи поставок из Китая, но если часть таких продуктов действительно возможно восполнить при помощи китайского рынка, то открытым остается вопрос, что делать в тех случаях, когда Китай сам использует иностранную продукцию из-за отсутствия аналогов или все еще слабой их конкурентоспособности. В некоторых отраслях Китай также импортирует подавляющее большинство исследовательского оборудования из-за рубежа [Там же]. Не будем забывать и тот факт, что те или иные товары Китай может отказаться поставлять, чтобы не попасть под санкции США и их партнеров, а также то, что и самому Китаю США ограничили в поставке некоторое оборудование, определяя его как «оборудование двойного назначения».

Наконец, можно перейти к следующей очень важной проблеме, с которой столкнется российская наука – это отток высококвалифицированных кадров, иначе говоря, «утечка мозгов». В момент, когда условия работы на Родине осложнятся увеличивающимся количеством издержек, все более привлекательной будет выглядеть возможность эмиграции. Трагичность данной ситуации в том, что в первую очередь об этом задумаются наиболее квалифицированные и конкурентоспособные – те, кто, скорее всего, будут менее подвержены

рискам, связанным с эмиграцией. Для решения сложившейся ситуации логичным, но довольно затратным мог бы стать вариант увеличения расходов на науку и содержание ученых, чтобы сделать научную деятельность в России привлекательней и конкурентоспособней по сравнению с иностранными вакансиями.

Но даже если убрать в сторону все проблемы, связанные с финансированием кадров, и предположить, что российские власти сделают все возможное, чтобы поднять заработную плату ученым, и, несмотря на трудности, приложат все усилия для обеспечения приемлемого уровня жизни, то все еще остается вопрос, как решить проблему нехватки оборудования, технологий и расходных материалов? В данной ситуации проблема заключается даже не в деньгах и благах, которые смогут позволить себе российские исследователи, а в снижении возможностей для самореализации. Далеко не все будут готовы терпеть усложняющиеся условия работы, и в потоке все новых трудностей один только патриотизм вряд ли сможет удержать людей от поиска перспективной работы за рубежом.

Пока непонятно, как долго санкции будут сохранять подобные масштабы, отменят ли какое-то их количество после завершения специальной военной операции или введут иные еще более разрушительные до ее окончания, но точно можно сказать то, что новые потрясения явно не пойдут на пользу российской науке. Нынешняя неопределенность вряд ли внушает оптимизм ученым, и если у изолированной от запада российской науки и есть будущее, то выглядит оно весьма туманным.

Довольно показательным моментом в контексте отдаления российской науки от западной, является прошедший в конце августа 2022 г. форум «Технопром-2022». Если в 2021 г. в форуме «Технопром-2021» принимали участие представители Германии, Франции и Южной Кореи, то в 2022 г. представителей от данных стран официально не было [Международный форум «Технопром-2021» ..., 2021]. В этом году на форум приехало такое же количество иностранных представителей, но список, как уже говорилось выше, отличался. Так, самыми многочисленными были делегациями из Нигерии и Мьянмы [Форум «Технопром-2022» собрал ..., 2022]. Ожидается, что главной темой форума стал вопрос технологического суверенитета. Поскольку Россия сильна в собственных ИТ-разработках, было представлено немало проектов инженерного программного обеспечения, направленного на решение проблем технологического импортозамещения, вызванных тем, что разработчики многих иностранных аналогов подобного инженерного ПО более не предоставляют свою поддержку организациям из России. Аналогичным образом были продемонстрированы разработки в области сетевых технологий, направленных как на потребительский, так и на профессиональный сектор [Форум «Технопром» в Новосибирске ..., 2022]. Однако в целом, вопреки заявленной теме, форум «Технопром-22» скорее демонстрировал достижения отечественной науки, нежели достижения в области импортозамещения. Было представлено большое количество проектов российских ученых, но о проблемах нехватки исследовательского оборудования и его импортозамещении не было сказано, как и о проблеме эмбарго на импорт полупроводников и т. д. Показательно тут и то, что, обсуждая итоги форума, организаторы заострили внимание не на перспективных разработках и заключенных соглашениях, направленных на решение проблем импортозамещения, а исключительно на организационных моментах форума:

сколько человек посетило мероприятие и сколько высокопоставленных лиц на нем выступило. Иначе говоря, самой проблеме технологического суверенитета не было уделено достаточного внимания, как и не было дано четкой формулировки, что именно понимается под этим суверенитетом.

Удивительно и то, что проблема российских микропроцессоров была совершенно не затронута. Главные отечественные разработки в области микропроцессоров «Байкал» и «Эльбрус» производились на мощностях тайваньского завода корпорации TSMC. После введения нынешних санкций российской компании МЦСТ, разрабатывающей «Байкал» и «Эльбрус», было отказано в производстве их чипов на заводе TSMC [Производство и отгрузка российских ..., 2022]. Может возникнуть вопрос, почему бы их не производить в России, где и разрабатываются данные процессоры? Но проблема состоит в том, что организовать производство, сопоставимое с мощностями TSMC, попросту невозможно. Сложность даже не в том, что стоимость постройки нового завода по производству чипов по меньшей мере варьируется в районе 10 миллиардов долларов, а в том, что для реализации подобных проектов требуются технологии строительства. К примеру, США, даже имея большое количество высококлассных специалистов, не могут перенести на свою территорию всю производственную цепочку TSMC, включающую в себя более 1500 операций [Inside the Taiwan Firm ..., 2021].

Российский завод «Микрон», находящийся в Зеленограде и являющийся лидером в стране по производству чипов, изготавливает процессоры в 90 нанометров, что является технологией, применявшейся 20 лет назад, в то время как TSMC использует технологию производства в 5 нанометров, а в скором времени обещает перейти и на техпроцесс 3 нанометра. Китай в свою очередь тратит на развитие сферы микропроцессоров огромные суммы из бюджета, но, даже импортируя микропроцессоры на 300 миллиардов долларов ежегодно, так и не может догнать Тайвань и США [Lagging but motivated ..., 2021]. Даже предположив, что с течением времени микропроцессорная индустрия Китая сможет догнать по показателям мировых лидеров, неизвестно, станет ли руководство Китая поставлять свои новейшие разработки в Россию, но, так или иначе, на данный момент альтернатив Китаю у России просто нет.

Конечно, Россия не останется полностью без микропроцессоров, какие-то чипы, возможно, будет поставлять Китай, какие-то производить отечественный «Микрон», возможно спасет параллельный импорт из третьих стран, но получить благодаря ему современные разработки в нужных масштабах все равно не представляется возможным. Другими словами, в любом из возможных сценариев Россия может надеяться лишь на технологии многолетней давности. С учетом этого, несмотря на перспективные разработки инженерного ПО, сетевых технологий и других проектов, представленных на форуме «Технопром-2022», некоторые отрасли российской науки может ожидать стагнация или регресс. По этой причине обеспечение полноценного технологического суверенитета страны кажется нам весьма затруднительным.

В свете всего перечисленного, непонятно, почему одной из самых уязвимых отраслей страны, затрагивающей как инженерные, так и технические науки, не было уделено внимания. Дальнейшие разработки «Эльбруса» и «Байкала» приостановлены, а ученые из МЦСТ, задействованные в проектах, остаются без работы и, как говорилось выше, обеспечить приемлемые условия, соразмерные их амбициям, на Родине будет весьма сложно,

особенно учитывая, что иностранные компании могут быть весьма заинтересованы в подобных кадрах, как и в других ученых, разрабатывающих продукты для вычисления и обработки данных, чья отрасль сейчас испытывает трудности из-за нехватки полупроводников.

В свете происходящих событий все чаще можно услышать, что России следует обратить внимание на опыт Ирана, но положение этой страны не совсем соотносится с положением Российской Федерации. Иран еще с конца 1970-х гг. испытывает серьезное санкционное давление, что отражается на его научно-техническом комплексе. В 2010 г. против Ирана был инициирован пакет санкций из-за развития иранской ядерной программы. После этого он столкнулся со схожими с российскими трудностями: запретами на закупку научного оборудования, подписку и публикацию во многих научных журналах, участие в научных конференциях, а также отказом в предоставлении специализированного ПО и доступа ко многим онлайн-ресурсам. Однако Иран прикладывал усилия для развития международного научно-технического сотрудничества, которое крепло с 2010 г. Также Иран добился серьезного роста в ядерной энергетике, развил технологическое импортозамещение, стране удалось наладить сотрудничество научного и промышленного секторов. В 2015 г. Иран совместно с Россией, США, Великобританией, Францией, Германией, Китаем и другими странами заключил соглашение, по которому страна должна была сократить свою ядерную деятельность в обмен на снятие санкций. Иранские ученые восприняли данное событие как окончание эпохи санкций, что вселило надежду на бурное развитие науки. В период с 2015 г. до 2018 г. науке Ирана действительно удалось добиться успехов во многих сферах. Так, активно развивались исследования физики частиц и изучение стволовых клеток, последнее помогло Ирану занять видное место в отрасли биомедицины. К 2017 г. Иран стал лидером по числу научных публикаций в регионе. Тем не менее, в период бурного развития иранской науки страна столкнулась с новыми трудностями в 2018 г., когда США вышли из ядерной сделки 2015 г. и вновь наложили на Иран санкции. В итоге наука Ирана столкнулась все с теми же проблемами, что и раньше. Более того, из-за санкций Иран испытывал трудности с экспортом нефти, что сократило бюджет страны, ударив по финансированию науки. Но поскольку из ядерной сделки вышли только США, то другие страны, такие как Великобритания, Германия и Франция, не только не наложили свои санкции, но и активно помогали обходить санкции США, создав отдельный канал финансирования для иранской науки и продолжив развивать научное сотрудничество со страной. Именно это на данном этапе отличает положение России от положения Ирана. В период, когда Иран ощутил давление со стороны США, страна получила серьезную помощь со стороны европейских держав, в то время как Россия испытывает давление по обоим направлениям. Конечно, тот или иной опыт Ирана следует изучить, как, например, опыт в области импортозамещения, но сама специфика санкционного давления на Иран достаточно сильно отличается от того, с чем столкнулась Россия. Возможно в будущем, если удастся достичь каких-либо договоренностей с недружественными странами, то опыт обхода санкций Ираном может оказаться довольно ценным для России, но на данный момент стране следует активно развивать международное научное сотрудничество, например, с такими развивающимися научными державами, как Китай и Индия [Шугуров и др., 2022].

Таким образом, мы полагаем, что одна из важнейших задач для российской науки – это недопущение дальнейшего отдаления от крупных в научном плане мировых держав. Для этого необходим поиск новых путей сотрудничества и расширение уже имеющихся связей. С этим согласен и новый глава Российской академии наук Геннадий Красников: «Несомненно, одной из важнейших задач для академии является международное научное сотрудничество, научная дипломатия, особенно в современной международной обстановке. РАН должна сохранить научное присутствие России в глобальном научном пространстве, не допустить научной изоляции страны» [«Сегодняшняя ситуация требует...», 2022]. По его мнению, помочь предотвратить научную изоляцию могут российские ученые, представляющие РАН в авторитетных международных научных советах, комитетах и институтах. Важно также расширить деятельность Российской академии наук в рамках Международной ассоциации академий наук, наладить контакты с научными организациями стран, входящих в международные политические объединения, такие как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества. По всей видимости, в ближайшей перспективе следует сделать ставку на страны Азии, Ближнего Востока и Африки, тем более такие страны, как Китай, Индия и Бразилия за последние годы серьезно догнали страны запада по уровню развития науки. Также стоит помнить, что многие университеты и научные центры из недружественных стран готовы продолжить сотрудничество в частном порядке – это значит, что обмен результатами и опытом все равно продолжится.

Очень важно также обратить внимание на финансирование науки. Конечно, полностью решить проблему нехватки оборудования «вливанием» средств будет невозможно, но, подняв заработную плату ученым и грамотно выстроив систему грантовой поддержки, возможно, получится привлечь большее число людей в сферу отечественной науки, что отчасти может создать условия для решения проблемы «утечки мозгов».

Санкции и ограничения гарантировано не идут на пользу глобальной науке, на это указывают и представители ООН, говоря о негативном эффекте научных санкций, призывая «справедливо оценивать знания и достижения ученых, а не обращать внимания на их гражданство» [Эксперты ООН: односторонние санкции..., 2022].

Несмотря на беспрецедентное санкционное давление, российская наука хоть и испытывает трудности, но, как мы полагаем, не находится в стадии системного кризиса. Хотя некоторые отрасли определенно ожидают сниженный темп развития, другие имеют все шансы для уверенного развития. Так или иначе, ситуация вполне может измениться с течением времени. На данном этапе следует пересмотреть планы на ближайшее будущее, переориентировав приоритеты в сотрудничестве с другими странами, ведь именно это стало залогом успеха для иранской науки. То же касается поставок оборудования и комплектующих, академического сотрудничества и обмена опытом. Тем более, увеличение числа совместных исследований с Китаем, как говорилось выше, уже начато, хотя этого все еще недостаточно, и следует расширять сотрудничество и с другими странами, такими как, например, Бразилия, Саудовская Аравия и Индия. Особое внимание стоит уделить усилению научного сотрудничества с Индией, поскольку данная страна является очень перспективной в научном плане, по многим показателям конкурирует с Германией и Великобританией, имеет достижения в химических и физических науках, а также сильный ИТ-сектор [Krishna, 2022]. Как бы то ни было, у России все еще остаются варианты для решения многих проблем, хоть путь предстоит нелегкий.

Список литературы / References

Международный форум «Технопром–2021» начал работу в Новосибирской области. (2022). *Коммерсантъ* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4957398> (дата обращения: 23.09.2022).

International Forum “Technoprom-2021” started in Novosibirsk region. (2022). [Online]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4957398> (Accessed: 23 September 2022). (In Russ.)

МК – Расприглашение российской науки: как санкции запада ударили по ученым. (2022). *Научная Россия* [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/mk-raspriglasenie-rossijskoj-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-ucenym> (дата обращения: 9.08.2022).

МК – Disapproval of Russian Science: How Western Sanctions Hit Scientists. (2022). [Online]. *Scientific Russia*. Available at: <https://scientificrussia.ru/articles/mk-raspriglasenie-rossijskoj-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-ucenym> (Accessed: 9 August 2022). (In Russ.)

Производство и отгрузка российских «Байкалов» и «Эльбрусов» полностью прекращены. (2022). *Cnews* [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-02-27_rossijskie_bajkaly_i_elbrusy (дата обращения: 23.09.2022).

Production and shipment of Russian Baikals and Elbrus have been completely stopped. (2022). [Online]. *Cnews*. Available at: https://www.cnews.ru/news/top/2022-02-27_rossijskie_bajkaly_i_elbrusy (Accessed: 23 September 2022). (In Russ.)

Санкции влияют на систему высшего образования в России, заявил Фальков. (2022). *РИА Новости* [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220407/obrazovanie-1782364722.html> (дата обращения: 23.09.2022).

Sanctions are affecting the system of higher education in Russia, Falkov said. (2022). [Online]. *RIA News*. Available at: <https://ria.ru/20220407/obrazovanie-1782364722.html> (Accessed: 23 September 2022). (In Russ.)

«Сегодняшняя ситуация требует большего участия науки». (2022). *Коммерсантъ* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5558589> (дата обращения: 23.09.2022).

«Today's situation calls for more science involvement». (2022). [Online]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5558589> (Accessed: 23 September 2022). (In Russ.)

Форум «Технопром» в Новосибирске посетил 12 тыс. человек. (2022). *РБК* [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/29/08/2022/630c7c8f9a79475f5df64e37> (дата обращения: 23.09.2022).

The «Technoprom» forum in Novosibirsk was visited by 12 thousand people. (2022). [Online]. *RBC*. Available at: <https://nsk.rbc.ru/nsk/29/08/2022/630c7c8f9a79475f5df64e37> (Accessed: 23 September 2022). (In Russ.)

Форум «Технопром-2022» собрал 11 тысяч участников. (2022). *Большая Азия* [Электронный ресурс]. URL: <https://bigasia.ru/content/news/business/forum-tekhnoprom-2022-sobral-11-tysyach-uchastnikov> (дата обращения: 23.09.2022).

Forum “Technoprom-2022” gathered 11 thousand participants. (2022). [Online]. *Big Asia*. Available at: <https://bigasia.ru/content/news/business/forum-tekhnoprom-2022-sobral-11-tysyach-uchastnikov> (Accessed: 23 September 2022). (In Russ.)

Шугуров, М. В., Серебряков, А. А., Печатнова, Ю. В. (2022). Международные санкции и наука Ирана. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. Т. 5. №. 1. С. 120-126. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-1-120-126

Shugurov, M. V., Serebryakov, A. A., Pechatnova, Yu. V. (2022). International sanctions and Iran's science. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 5. no. 1. pp. 120-126. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-1-120-126 (In Russ.)

Эксперты ООН: односторонние санкции мешают развитию науки. (2022). *Новости ООН* [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1427372> (дата обращения: 23.09.2022).

UN experts: unilateral sanctions hinder development of science. (2022). [Online]. *UN News*. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2022/07/1427372> (Accessed: 23 September 2022). (In Russ.)

Against academic sanctions. (2022). [Online]. *NeuroAnaToday*. Available at: <http://neuroanatomy.com/2022/03/against-academic-sanctions> (Accessed: 9 August 2022).

Anti-war Russian scientists ambivalent over scientific sanctions against them. (2022). [Online]. *Science Business*. Available at: <https://sciencebusiness.net/news/anti-war-russian-scientists-ambivalent-over-scientific-sanctions-against-them> (Accessed: 9 August 2022).

EU commissioner announces new research sanctions for Russia. (2022). [Online]. *Science Business*. Available at: <https://sciencebusiness.net/news/eu-commissioner-announces-new-research-sanctions-russia> (Accessed: 9 August 2022).

Inside the Taiwan Firm That Makes the World's Tech Run. (2021). [Online]. *Time*. Available at: <https://time.com/6102879/semiconductor-chip-shortage-tsmc> (Accessed: 23 September 2022).

Krishna, V. V. (2022). India @ 75: Science, Technology and Innovation Policies for Development. *Science, Technology and Society*, no. 27. pp. 113-146. <https://doi.org/10.1177/09717218211047029>

Lagging but motivated: The state of China's semiconductor industry. (2021). [Online]. *Brookings*. Available at: <https://www.brookings.edu/techstream/lagging-but-motivated-the-state-of-chinas-semiconductor-industry> (Accessed: 23 September 2022).

Research and innovation sanctions on Russia and support for Ukraine. (2022). [Online]. *GOV.UK*. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/research-and-innovation-sanctions-on-russia-and-support-for-ukraine> (Accessed: 9 August 2022).

Russian labs run out of equipment as sanctions begin to bite. (2022). [Online]. *Science Business*. Available at: <https://sciencebusiness.net/news/russian-labs-run-out-equipment-sanctions-begin-bite> (Accessed: 9 August 2022).

The future of research collaborations involving Russia. (2022). [Online]. *Nature*. Available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-022-00761-9> (Accessed: 9 August 2022).

Сведения об авторе / Information about the author

Фомкин Федор Сергеевич – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: iamfomkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9509-7997>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2022

После доработки: 30.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Fomkin Fedor – Junior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: iamfomkin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9509-7997>

The paper was submitted: 15.08.2022

Received after reworking: 30.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

СЕМИНАР

«ЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МИРЫ А. ЗИНОВЬЕВА»

19 апреля 2022 г. в Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук в рамках празднования 100-летия со дня рождения А.А. Зиновьева состоялся семинар «Логические и антропологические миры А. Зиновьева». Представляем избранные статьи участников Круглого стола.

УДК 1(091)

А. А. ЗИНОВЬЕВ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТ

В. Ю. Даренский

Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск)
darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты философского мышления А. А. Зиновьева, которые роднят его с экзистенциализмом: человек как проект; первичность существования по отношению к сущности; императив становления личности; социальность как сфера отчужденного бытия; неизбывное одиночество человека; Бог – как Другой и как изначальный образец личностного бытия. Выделена стилистическая специфика экзистенциального философствования А. А. Зиновьева и ее христианские архетипы.

Ключевые слова: А. А. Зиновьев, экзистенциализм, личность, свобода, судьба.

Для цитирования: Даренский, В. Ю. (2022). А. А. Зиновьев как экзистенциалист. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 118-126. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.118-126

A. A. ZINOVIEV AS AN EXISTENTIALIST

V. Yu. Darensky

Lugansk State Pedagogical University (Lugansk)
darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. The article examines aspects of A. A. Zinoviev's philosophical thinking that relate him to existentialism: man as a project; the primacy of existence in relation to the essence; the imperative of becoming a person; sociality as a sphere of alienated being; the inescapable loneliness of man; God as Another and as the original model of personal being. The stylistic specificity of A. A. Zinoviev's existential philosophizing and its Christian archetypes are highlighted.

Keywords: A. A. Zinoviev, existentialism, personality, freedom, fate.

For citation: Darensky, V. Yu. (2022). A. A. Zinoviev as an Existentialist. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 118-126. DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.118-126

Я ученый, хотя это и звучит у нас смешно.

(А. А. Зиновьев)

Мышлению и творчеству А. А. Зиновьева было свойственно парадоксальное сочетание двух противоположных стилей – строго логического и сциентистского, с одной стороны, и душевно-исповедального, экзистенциального – с другой. Эти два стиля могли быть четко разведены по разным книгам: работы по логике воплощали первый из них, а социальные романы – второй (особенно в их стихотворных текстах). В книгах по социальной философии эти два стиля органически сочетаются как анализ и конкретная феноменология социальных явлений. Вместе с тем, экзистенциальный компонент философии А. А. Зиновьева до сих пор почти не исследовался. Практически единственной работой в этом направлении остается статья А. А. Гусейнова «Учение о житии Александра Зиновьева». В данной статье будет дан краткий анализ основных компонентов экзистенциальной философии А. А. Зиновьева, ее проблемно-тематической специфики и личностной мировоззренческой ориентации.

А. А. Зиновьев сформулировал для себя систему правил поведения («правил жития»), которую уже его ученики называли в шутку «зиновьевой». Некоторые ее элементы были изложены в его книгах «В преддверии рая», «Евангелие для Ивана», «Живи» и «Иди на Голгофу». Последнюю, сам автор определял как лаптизм или иванизм по имени своего героя Ивана Лаптева. Во всем этом есть доля иронии и самоиронии, однако это всего лишь маска, под которой скрывается реальная напряженность экзистенциального философствования А. А. Зиновьева. В той специфической социокультурной среде сначала позднесоветского строя, а затем вынужденной эмиграции, такая «маска» была естественной формой мысли, сливаясь с нею почти до неразличимости. Данная форма мысли возникла в силу вполне объективных обстоятельств: с одной стороны, отрыв от мировой философской и религиозной традиций, замкнутость в искусственном мирке советской идеологии; с другой – неизбывная русская душа и вечные «русские вопросы». Ответы на них в литературно-философской форме и должны были неизбежно принимать такую отчасти игровую форму, которая соответствовала способу мысли, когда, с одной стороны, нужно переоткрывать для себя «вечные» истины, а с другой – все они оказываются «относительными», поскольку даны только в индивидуальном опыте и от него неотделимы. В целом такой тип мысли был настоящим интеллектуальным и нравственным подвигом, суть которого хорошо сформулировал А. А. Гусейнов: «Учение о житии есть учение о том, как быть личностью. Как быть личностью не тогда, когда ты занимаешь привилегированное положение в обществе, имеешь слуг, живешь в собственном доме, тебя охраняет полиция и т. д. А тогда, когда у тебя ничего этого нет. Как быть личностью, несмотря ни на что ... Зиновьев показал, что если можно быть личностью в условиях оргии коллективизма и коммунальности, то это значит, что ею может быть любой и всегда. И кто из либералов, какой Поппер, Хайек, Фридмен подняли идею личности на такую высоту...?» [Гусейнов, 2009, с. 358]. «Экзистенциализм» А. А. Зиновьева – это философия человека, который просыпается от сна «социального автоматизма» и начинает впервые осмысливать мир и самого себя в мире так, как будто до него еще никто этого не делал и нужно все начинать «с нуля». Это уникальная позднесоветская культурная ситуация.

А. А. Гусейнов справедливо отметил и смысловой исток этой особой, героической «философии личности» А. А. Зиновьева и ее соотнесенность с его социальной философией: «На базе законов социальности и в пространстве их действия нет места ни для человеческой свободы, ни для морали. И то и другое возникли только, во-первых, как индивидуальный способ существования, во-вторых, за пределами социальности, как уклонение от ее законов. На этих предпосылках и строится учение о житии ... он создает идеальное общество в самом себе, чтобы вырваться из-под гнета общества, и он может это делать, оставаясь в обществе и через его посредство. Можно сказать так: законы социальности содержат в себе возможность морали в отрицательном смысле, т. е. в том смысле, что последняя возможна только как их отрицание» [Гусейнов, 2009, с. 355-356]. Именно такова внутренняя логика философии А. А. Зиновьева: жесткие и неумолимые «внешние» законы социальности не оставляют места для человеческой личности, по сути, превращая ее в «социальный автомат». Но ведь сам человек не исчезает и все равно стремится к осуществлению себя как личности в свободе и любви, т. е. в тех измерениях, которые уничтожаются «железными» законами социальной жизни. Что же остается в таком случае? Остается построить *иной* мир в самом себе, в котором будет место и для свободы, и для любви. Но как это сделать?

Как пишет А. А. Гусейнов, у А. А. Зиновьева «учение о житии предназначено не для того, чтобы плохой мир сделать хорошим или опереться в мире на хорошее, избегая плохого, а для того, чтобы уклониться от мира, оставаясь в нем со всей его грязью ... Сама исходная диспозиция учения о житии предполагает, что добро делается через зло, и в этом смысле выводит за рамки этой противоположности, по крайней мере в ее традиционном толковании, когда одно начисто отделяется от другого ... Поэтому логическая противоречивость становится нормой учения: “Будь терпим – потому сопротивляйся насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной силой. Иди к людям – и потому будь один ... Имей все – и потому отдай все. Смиряться, бунтуя. Бунтуй, смиряясь. Короче говоря, на каждый принцип есть противоречащий ему, через который он и осуществляется”» [Гусейнов, 2009, с. 353]. Приведенные «заповеди» «зиновьи» парадоксальны и напоминают коаны или притчи восточной философии. Однако это явно не стилизация, а выстраданный опыт. С одной стороны, здесь зафиксирована объективная диалектика сложности социальных связей, вследствие которой мы не знаем заранее полного результата своих действий, и поэтому должны делать то, что возможно в данный момент, исходя из благих мотивов. Но с другой стороны, что более важно в данном случае, А. А. Зиновьев утверждает в этих «заповедях» тот факт, что результат действия можно получить только тогда, когда мы действуем наперекор социальным стереотипам. Казалось бы, обыденный опыт говорит нам как раз обратное: что эффективны только проверенные и общепризнанные действия, но эта эффективность только на уровне обыденного опыта и не более того. Но А. А. Зиновьев в данном случае говорит как раз не об обыденном опыте, а о том, что выходит за его рамки – о законах становления личности, которое возможно только *вопреки* обыденности правил.

Именно в этом аспекте мышление А. А. Зиновьева максимально близко главному принципу экзистенциализма. Как отмечал известный историк философии Э. Ю. Соловьев, «экзистенциалисты хотят сказать, что человек просто не в силах существовать, не посвящая чему-то свою жизнь. Такова его фундаментальная предрасположенность, первичная по отношению к наличию любых целеуказаний. И обнажается-то она именно тогда, когда все

социально устойчивые ценности рушатся, когда человек ищет для себя достойное бремя, как ищут хлеб насущный ... “Желать безусловного, стремиться посвятить себя безусловному” – в этом, согласно экзистенциализму, состоит трансцендентальная структура человеческого “Я”. Осознавая свою бренность, человек устремляется к вечному ..., к надвременной значимости безусловного переживания» [Соловьев, 1991, с. 297]. Именно такова и главная интенция заповедей «зиновьиоги». В соответствии с главным принципом экзистенциализма (человек есть проект, поэтому его сущность определяется существованием), А. А. Зиновьев искал тот предмет, которому человек должен посвятить свою жизнь, чтобы стать личностью. Этим предметом, в конечном счете, оказалось создание личностного мира, который основан на нравственных принципах, а не на социальном автоматизме. Таким парадоксальным образом «учение о житии Зиновьева продолжает и дополняет его социологию. Без него последняя была бы беспросветной. Более того, в индивидуальном жизненном замысле Зиновьева, по его собственному признанию, сама социология была разработана для того, чтобы выработать адекватное учение о житии ... Таким же является и их объективное соотношение между собой. И если верно, что учение о житии находит свою негативную обоснованность в социологии, то еще более верно, что социология Зиновьева может быть адекватно понята и разумно осмыслена только с учетом и в свете его учения о житии» [Гусейнов, 2009, с. 356].

В этом отношении экзистенциализм А. А. Зиновьева фактически воспроизводит христианскую модель личностного бытия, но без обращения к христианству. Заповедь «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17:21) реализуется у А. А. Зиновьева без Христа, однако не без обращения ко Христу и Евангелию как историческим образам. В его книге «Иди на Голгофу» есть глава «Суть христианской революции», в которой он писал: Христос «оставлял совершенно без внимания данный ему мир (он не нарушал законы его!), но изобретал такой новый разрез жизни в рамках этого мира, который означал максимально глубокую революцию в образе жизни людей. Он изобретал новый мир для людей! Конечно, он должен был считаться с обстоятельствами, должен был как-то приспособливаться, должен был описывать изобретаемый им Новый Мир в терминах и образах тогдашней религии и идеологии. Это естественно. Это повлияло на историческую форму его Великого Открытия. Но суть его открытия, повторяю, очевидна. Люди! Не ждите ничего! Не надейтесь ни на кого! Все дело в вас самих! Царство Божие (новый поворот жизни) уже здесь, я пришел установить его. Оно в вас. Изменим ориентацию смысла жизни в себе, и мир пойдет иным путем! Но и мы живем в условиях господства определенной идеологии. Так что, реконструируя учение Христа, я должен буду изобрести свое собственное учение, использующее термины и образы идеологии нашего общества» [Зиновьев, 1985, с. 80-81]. Уже само название книги «Иди на Голгофу» указывает на евангельский архетип, положенный в основание мышления о жизни в философии А. А. Зиновьева. Его вариант «экзистенциализма без Бога» вместе с тем нельзя назвать атеистическим: мысль о Боге в нем постоянно присутствует. Но это присутствие не такое, как у религиозных мыслителей, Бог не воспринимается А. А. Зиновьевым как Исток бытия и его смыслов, но, скорее, как некий изначальный образец личности, с которым каждый должен соотносить себя. Такой приземленный образ Бога является естественным для человека, получившего атеистическое образование,

но еще помнящего своих православных предков, которые также всегда были для него личностным образцом, особенно мать. Это указывает и на глубокую историческую христианизацию русского народного характера, если даже в условиях атеизма он продолжает воспроизводить православную ментальность.

А. А. Зиновьев даже иногда сознательно сопоставляет своего литературного героя со Христом. Так, в главке «Я и Христос» он противопоставляет свои жизненные принципы евангельским заповедям. Но если внимательнее проанализировать это противопоставление, то становится понятно, что оно является иллюзорным, поскольку речь идет вообще о разных реальностях. Например: «– Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, – говорит Он. – Здоровые нуждаются во враче в первую очередь, – говорю я» [Зиновьев, 1985, с. 84]. Если Христос говорит о «больных» в смысле греховных людях, нуждающихся в покаянии и искуплении, то герой А. А. Зиновьева этих же самых людей называет «здоровыми», в смысле самодовольными и не способными к изменению. Тем самым, здесь евангельский и светский «языки» настолько далеки друг от друга, что одно и то же явление именуют прямо противоположным образом. В результате этого оказывается, что большинство принципов «зиновьи» по смыслу близки или даже тождественны евангельским заповедям, но из-за того, что они выражены светским языком с иной семантикой, кажутся противоположными.

В философии А. А. Зиновьева присутствует и другой важнейший «родовой» признак экзистенциализма – тема неизбывного одиночества человека в мире. Вот его признание в книге «Иди на Голгофу»: «Ты живешь, непонятый другими, и умрешь непонятым. Это - общий закон. Только тот, кто не претендует на некое объективное понимание своего поведения другими, живет достойно человека» [Зиновьев, 1985, с. 138]. А в книге «Желтый дом» есть рассуждение о том, почему так происходит, в чем причина экзистенциального одиночества: «– Но жизнь человеческая идет не столько вовне, сколько в себе. Ты это сам прекрасно знаешь. Оглянись и удивись жизни! – Не могу. – Но почему? – Потому, что я и есть живое человеческое отношение, отношение как таковое. И ничего другого во мне нет. – Тогда тебе никто и ничто не сможет помочь. – Я знаю» [Зиновьев, 1980, с. 385]. Человек как «живое человеческое отношение» – представление, явно близкое марксизму («человек есть ансамбль человеческих отношений»), однако у А. А. Зиновьева эта формулировка вовсе не пересказ догмы, а результат особого личностного опыта и мироощущения.

В чем суть этого мироощущения он хорошо разъяснил еще в книге «Зияющие высоты» в своем рассуждении о понятии *судьбы*: «В судьбу попадают события в жизни человека, наступление или ненаступление которых зависит исключительно от свободной воли других людей. Люди сами определяют судьбу друг друга. Так что в судьбу человека входят происходящие с ним события, наступление которых целиком и полностью зависело от свободной воли других людей. Поскольку человек живет в окружении множества людей и практически невозможно установить, какие именно поступки людей в отношении к нему были продуктом свободной воли и каких именно людей, он воспринимает свою судьбу как ничем не детерминированную, но не случайную генеральную линию своей жизни. Иначе к судьбе относиться невозможно практически. Так что даже в нашем обществе, в котором головы людей битком набиты научностью, проблема судьбы человека оказывается в конце концов проблемой нравственного отношения человека к любому другому человеку»

[Зиновьев, 1990, с. 130-131]. Выражение «нравственное отношение человека к любому другому человеку» здесь имеет уже нетривиальный смысл, поскольку сказано, что судьба человека «зависит исключительно от свободной воли других людей», а судьба этих людей, соответственно, также зависит от моей свободной воли. Тем самым понятие нравственности здесь имеет не столько этический, сколько «судьбический», т. е. экзистенциальный смысл. Судьба – это не только то, что случается со мной, сколько то, что связывает меня со всеми другими людьми и определяется именно этой связью. Из этого объективного понятия судьбы уже вытекают и нравственные требования к себе как некие предписания, как следует жить. В книгах А. А. Зиновьева много таких предписаний, но суть их не сводится к определению того, что «хорошо» и что «плохо», а связана с изначальной экзистенциальной установкой.

Суть этой установки состоит в том, что человек, строя свою личность, тем самым помогает и другим строить свои личности, участвуя в практических делах, и просто выступая в качестве примера в определенных поступках. Такая установка у А. А. Зиновьева имеет светский характер, без каких-либо отсылок к религиозным понятиям. Однако в ней легко усмотреть и определенный архетип христианского сознания, выраженный, например, в известных словах св. Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя». Для аналогии можно вспомнить знаменитый категорический императив И. Канта, в формулировке которого полностью отсутствуют какие-либо религиозные элементы, однако по своему смыслу он является фактической «калькой» заповеди «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:46). В рамках русской традиции это понимание судьбы как совокупности нравственных связей (свободных поступков) разных людей у А. А. Зиновьева весьма близко поучению старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «... чуть только сделаешь себя за все и всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно есть в самом деле, и что ты-то и есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщись» [Достоевский, 1991, с. 406]. А. А. Зиновьев не согласился бы с тем, чтобы «сделать себя за все и всех ответчиком», но общий принцип взаимоотношений между людьми он сформулировал очень близкий тому, о котором говорит и герой Достоевского. Разница лишь в том, что герой Достоевского мыслит в рамках аутентичной религиозной традиции, а у А. А. Зиновьева от нее осталась только форма, «впечатанная» в национальный характер. Это та особая форма личностного сознания, которая была выражена А. С. Хомяковым в категории «соборность».

Экзистенциализм А. А. Зиновьева может выражаться как в яркой художественно-исповедальной форме, так и в форме строгого научного дискурса. Герой книги «Зияющие высоты» говорит: «Я ученый, хотя это и звучит у нас смешно» [Зиновьев, 1990, с. 237]. Это тоже личное признание автора. Примером строго научного экзистенциального анализа сознания является следующая формулировка из книги «Желтый дом»: «Я различаю состояния религиозности и состояния идеологичности. Первое из них характеризуется понятием веры, второе – признанием или принятием. Можно находиться в состоянии веры, не находясь в состоянии признания, и наоборот. Можно верить, не признавая, и признавать, не веря. Последнее очевидно. Мы, например, т. е. миллионы советских граждан, признаем

“научный коммунизм”, не веря в то, что на самом деле когда-то осуществится райское блаженство на земле, декларируемое им. Труднее с примерами для первого. Но и они есть. Я знал сотни людей, которые испытывали состояние веры в Бога и бессмертие души, не признавая никакого Бога и никакого бессмертия. Во время войны была буквально вспышка веры среди фронтовиков. Сейчас тяга к вере в среде интеллигенции не подлежит сомнению. Я беседовал со многими, они не признают всего того, во что верят. Поразительно, они не осознают и даже не могут сформулировать отчетливо, во что же именно они верят» [Зиновьев, 1980, с. 386]. А. А. Зиновьев вообще очень зорко усматривает скрытые парадоксы человеческого сознания. Например: «Человек, говорящий правду, не всегда искренен. И человек, говорящий ложь, может быть вполне искренним. Искренность есть душевное состояние, к ней неприменимы понятия истины и лжи» [Зиновьев, 1985, с. 81]. Собственно, аналитическая часть экзистенциализма А. А. Зиновьева – это анализ парадоксов сознания. Исток этих парадоксов он усматривает, в первую очередь, в том, что человек привыкает жить по законам социального «автоматизма», но его сознание в эти законы не «вмещается» и живет по своим, каким-то иным законам, непонятным самому человеку. Это тоже четкий экзистенциалистский тезис: сознание неподконтрольно человеку и рождает новый опыт.

Проблема идеологии у А. А. Зиновьева – это, в первую очередь, не политическая, а экзистенциальная проблема. Он писал: «... подобно тому, как люди жаждут улучшения жилищ, одежды, питания, развлечений, они также жаждут и более легких и удобных форм идеологического гнета, не унижающего их достоинства и самомнения и даже доставляющего некоторое удовлетворение. Идеология есть камера, в которую заключен человеческий дух. Но эта камера может быть построена так, что человек не будет себя чувствовать заключенным. Ему это нужно хотя бы потому, что он не совершал никаких идеологических преступлений, – он готов признать все, что угодно, но предпочел бы признать нечто, отвечающее его самосознанию “человека конца двадцатого века”» [Зиновьев, 1980, с. 388]. Идеология – это не столько результат внешнего навязывания «ложного сознания», сколько «защитная оболочка человека», результат его слабости и несвободы. Если лишить человека одной идеологии, он непременно найдет себе другую, чтобы чувствовать себя защищенным.

Чем это обусловлено? Представление о человеке у А. А. Зиновьева, хотя и не является христианским, по своей структуре близко христианскому. И не только на уровне высшего нравственного императива (стань личностью и «иди на Голгофу»), но и на уровне его изначального состояния. Если в христианской антропологии человек изначально поврежден Первородным грехом, то у А. А. Зиновьева человек также изначально существо слабое, глупое и порабощенное. Для того чтобы выйти из этого состояния, нужно усилие свободы, но на свободу человек тоже изначально не способен. Положение человека подобно ситуации Мюнхгаузена, вытаскивающего себя за волосы из болота. В одной из его формулировок это выглядит так: «Стремление к удовольствиям (к наслаждению) есть характерная болезнь нашего времени. Она подобна алкоголизму и наркомании. Если человек встал на этот путь и прошел по нему хотя бы небольшой отрезок, излечить его практически уже невозможно. Причем в наше время это стремление принимает уродливые, извращенные формы... Единственное средство для этого, если исключить борьбу за жизненные блага как цель жизни, – развить религиозное отношение к реальности, развить

духовный мир и культуру духовного общения. Верно, что человек стремится к счастью. Нет счастья без способности к самоограничению и без самоконтроля. Счастье есть плата за самоограничение, есть результат самоконтроля. Ограничивая и сдерживая себя в обычном житейском разрезе бытия, ты поворачиваешь свое «я» в иной разрез, в котором лишь можешь испытать счастье. Без этого возможна лишь мимолетная и кратковременная иллюзия счастья. Удовлетворение есть результат победы над обстоятельствами. Счастье же есть результат победы над самим собой» [Зиновьев, 1985, с. 136-137]. Приведенные тезисы А. А. Зиновьева очень близки и классическому экзистенциализму, и древнему стоицизму.

Экзистенциальная проблематика составляет не только важную часть философии А. А. Зиновьев, но и является ее смысловым мировоззренческим «ядром». Она интересна и сама по себе, как выражение его личного опыта и «духовной ситуации» его времени, и своими культурными коннотациями. Из этих коннотаций достаточно явно просматривается большое количество аллюзий на христианское учение (даже в случаях прямой полемики с ним). Это весьма показательно, поскольку свидетельствует о метальном «коде» русской культуры.

Список литературы / References

Гусейнов, А. А. (2009). Учение о житии Александра Зиновьева. *Александр Александрович Зиновьев*. Под ред. А. А. Гусейнова. М. РОССПЭН. С. 337-358.

Huseynov, A. A. (2009). The doctrine of the life of Alexander Zinoviev. In Huseynov, A. A. (ed.). *Alexander Alexandrovich Zinoviev*. Moscow. pp. 337-358. (In Russ.)

Достоевский, Ф. М. (1991). *Братья Карамазовы*. Ч. 1-2. М. Правда. 416 с.

Dostoevsky, F. M. (1991). *Brothers Karamazov*. Part. 1-2. Moscow. 416 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (1980). *Желтый дом*. Lausanne. L'Age d'Homme. 390 с.

Zinoviev, A. A. (1980). *Yellow house*. Lausanne. L'Age d'Homme. 390 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (1990). *Зияющие высоты*. В 2-х кн. Кн. 1. М. ПИК. 320 с.

Zinoviev, A. A. (1990). *Gaping heights*. In 2 books. Book 1. Moscow. 320 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (1985). *Иди на Голгофу*. Lausanne. L'Age d'Homme. 182 с.

Zinoviev, A. A. (1985). *Go to Golgotha*. Lausanne. L'age d'Homme. 182 p. (In Russ.)

Соловьев, Э. Ю. (1991). Экзистенциализм (историко-критический очерк). *Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас*. М. Политиздат. 430 с.

Soloviev, E. Y. (1991). Existentialism (historical and critical essay). In *Solovyov E. Y. The past interprets us*. Moscow. 430 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Даренский Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru, <https://orcid.org/00000003-2042-5527>

Статья поступила в редакцию: 25.04.2022

После доработки: 20.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Darensky Vitaliy – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Oboronnaya str., 2, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru, <https://orcid.org/00000003-2042-5527>

The paper was submitted: 25.04.2022

Received after reworking: 20.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

УДК 1(091)

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ О ПОНИМАНИИ

В. А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург)
henrypooshel@rambler.ru

Аннотация. Последнее сочинение Александра Александровича Зиновьева «Фактор понимания» посвящено процессу понимания. В нем дана методология и предметная область понимания, наиболее близкая Зиновьеву, – социальная жизнь, в которой он видит смысл человеческого существования. Зиновьев анализирует сознание как сложноустроенную форму понимания основ своего существования, сознание в определенном смысле ответственно за мир, реализованный в нем, который может быть дефектным или, напротив, полным и гармоничным, поскольку другого у человека нет, его сознание – это посредник между возможностью осуществить в определенном виде реальность и этой «случившейся реальностью».

Ключевые слова: Зиновьев, понимание, социальная жизнь, производство настоящего.

Для цитирования: Серкова, В. А. (2022). Александр Зиновьев о понимании. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 127-132. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.127-132

ALEXANDER ZINOVIEV ON UNDERSTANDING

V. A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg)
henrypooshel@rambler.ru

Abstract. The last work of Alexander Alexandrovich Zinoviev “The Factor of Understanding” is devoted to the process of understanding. It provides the methodology and subject area of understanding closest to Zinoviev – social life, in which he sees the meaning of human existence. Zinoviev analyzes consciousness as a complex form of understanding the foundations of one's existence; consciousness is in a certain sense responsible for the world realized in it, which can be defective or, on the contrary, complete and harmonious, since man has no other; his consciousness is the mediator between the possibility of a reality realized in a certain way and this “reality that happened”.

Keywords: Zinoviev, understanding, social life, production of the present.

For citation: Serkova, V. A. (2022). Alexander Zinoviev on Understanding. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 127-132. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.127-132

Последней работой Александра Зиновьева был трактат «Фактор понимания». Без единой ссылки, без цитат, в обычной для Зиновьева манере рассуждения от первого лица, этот труд является подведением итога всего интеллектуального пути философа. Для Зиновьева форма этого сочинения органична, и многие его сочинения написаны как сплошной авторский текст, который сопротивляется обязательной и обременительной для него академической манере производства научных текстов. Даже когда Зиновьев оппонирует

другим мыслителям, не меньшего по сравнению с ним ранга, Марксу, например (в «Коммунизме как реальность», в «Кризисе коммунизма»), в тексте нет цитат. Это теоретизирование, вопреки принятым в научном мире традициям, полностью соответствует философской установке Зиновьева на «непрерывное думание» («Зиновьев часто говорил: “Я – думательная машина. Мне все равно, что думать”» [Ильинский, 2007, с. 9]). Что Зиновьев жил в режиме непрерывного бодрствования сознания – это очевидно. Он признает, что «понимание как процесс “изучения и усовершенствования” стало делом всей моей жизни с самой ранней юности (с конца тридцатых годов двадцатого века)» [Зиновьев, 2006, с. 5]. Последовательность его продвижения к пониманию состоит из следующих шагов: «логика и методология науки, социальные исследования (социология), публицистика, художественная литература» [Там же]. Уточнения требует результат произведенных усилий: «Каким словом назвать их именно как единое целое? Употребляемые в таких случаях привычные термины “философия”, “идеология”, “методология”, “мировоззрение” и т. д. непригодны, поскольку они неоднозначны, плохо определены и вызывают нежелательную ассоциацию, будто в моей книге будет говориться нечто подобное тому, что читатель найдет в сочинениях под такими названиями и что я сам отвергаю как непригодное для решения интересующих меня проблем. Поэтому я предпочел нейтральное выражение “интеллектуальный фактор” или “фактор понимания”» [Зиновьев, 2006, с. 6-7]. Что значит «понимание» для Зиновьева? Почему он избегает использовать мнения других мыслителей, которые тоже думали «о понимании», – Декарта, Канта, Розанова (написавшего целый трактат «О понимании», в котором, кстати сказать, как и в работе Зиновьева, ни одно авторитетное имя не упомянуто), Маркса? Что касается Маркса, то Зиновьев оппонировал ему практически во всех своих сочинениях, начиная с кандидатской диссертации, также пренебрегая цитирования источников. Зиновьев вовсе не был кабинетным ученым или мизантропом, удалившимся от своих коллег и от научного сообщества, хотя в его случае это сообщество в определенные моменты этого вполне заслуживало. Его лабораторией стало его собственное сознание. Его понимание было основано только на его собственных усилиях, в этом отношении он был последователем Сократа, полагавшего, что знания не перекачиваются из одной головы в другую по принципу сообщающихся сосудов. Зиновьева можно считать прямым восприемником античной майевтики – метода вынашивания и порождения истины посредством своих собственных усилий. Зиновьев опирается на логику, но логика для него – это один, наряду с языком, из аппаратов сознания. Что же такое сознание? Зиновьев подчеркивает, что сознание не универсально, оно у всех разной степени развитости, оно не наследуется и состоит из комбинации работы чувственного аппарата (ощущения, восприятия, представления), памяти и воображения. Сознание конструирует мир, достигая разных степеней совершенства в этом процессе. Бросающееся в глаза одиночество Зиновьева, выражающееся, помимо прочего, в отсутствии других персонажей в его художественных сочинениях (его персонажи-маски – это всего лишь alter-ego автора). Непризнание диалоговых отношений в его теоретических работах свидетельствует, что Зиновьев реализует «образ» мира

исключительно как свое понимание реальности. И это важно с точки зрения окончательного результата – мира как продуманного и понятого целого. От качества этого продуманного образа реальности зависит целиком и полностью в каком месте, в раю или в аду, окажется «изобретающий» его мыслитель. Безразличное равнодушие природы, как выражался И. Гете, преобразуется в конструированную реальность, которая ни хороша, ни плоха сама по себе. Мир оказывается порочным или грязным, или безрадостным, если породившее его сознание не имеет внутреннего источника гармонии, чистоты или радости. Именно в этом состоит «правда мира». И Зиновьев, не будучи ни солипсистом, ни последователем Декарта, Канта или Гуссерля, вполне отдавал себе в этом отчет. Не случайно он практически не употреблял слова «объективность», что для трезвого и последовательного материалиста, следует признать, очень необычно. Понимание глубокой ответственности за порожденный своим сознанием (точнее, пониманием) мир – вот что, на наш взгляд, определяет онтологическую, гносеологическую, аксиологическую и, самое главное, этическую основу процесса порождения мира в сознании. Кроме этого, самопорождающегося в нашем осмыслении мира, как итога не прекращающегося процесса понимания, другого никакого мира нет и не может быть. Никто за нас этот мир не помыслит, хотя, конечно, о других мирах сознания мы можем быть весьма хорошо осведомлены – это речь, устная и письменная открывает нам дверцу в эти бесчисленных чужие монады осознанного в ином опыте мышления. Мы довольно подробно «понимаем» чужую реальность. Мы можем принять ее или отвергнуть как несоответствующую нашему собственному опыту, но она никогда не мыслится нами как наша реальность. Наш собственный мир может казаться другим ясным или путанным, гармоничным или разорванным, ярким или серым, привлекательным или отталкивающим, продуманным или поверхностным. Он никогда не будет для них «истиной». Истина будет рождаться и корректироваться в пределах своего уникального, единственного экзистенциального пространства. Чем же, какими средствами можно укрепить эту порожденную «факторами понимания» реальность? Как можно обозначить границы или расширить горизонт событий, включенных в эту структуру понимаемой реальности? Ответ на такого рода вопросы дает Зиновьев, именно такому укреплению мира и истины о мире можно учиться у Зиновьева. Повторимся: здесь не поможет цитирование, привлечение в текст собственной реальности чужих мыслей, поскольку жизнь как реализация понимания – это длящийся непрерывно (удачный или неудачный) эксперимент над собой. Это самовоспитание, поскольку с собой надо бы договориться, чтобы реальность не двоилась и не расслаивалась на множественные фрагменты, не приведенные к единству, не удерживаемые в этом единстве натренированной волей, властью над собственными возможностями. Дисциплинированное сознание не подведет ни в момент теоретического раздумья, ни, тем более, в практической философии, поскольку именно здесь теория (гносеологические вариации и возможности мыслить и так, и эдак) превращается в необратимое событие – в поступок; и можно впоследствии сколь угодно долго объясняться, что хотел-то ты совершенно иного, что «так получилось», но никакое объяснение поступка отменить не может.

Что еще может повисить качество того мира, который реализуется в сознании как форма реальности как таковой? Исходя из опыта Александра Зиновьева, – ирония. Именно она позволяет все-таки прозвучать голосам протагонистов. Истина реализуется как процесс продвижения к ней, но не как множественное представление о предметах и, тем более, не как высказанное догматическое суждение. Это также опыт Сократа, который, в отличие от софистов, не вытеснял «иные мнения» силами своего интеллектуального превосходства, подобно сумоистам. Он позволял им высказаться, более того, поощрял всех этих Гиппиев, Ионов, Фразимахов, Ефтиронов и Евтидемов включиться на время в собственное понимание: «Сделай усилие, почтеннейший ...». Сократ поощряет своего собеседника, умаляет свои способности, притворяется «не знающим», слабым противником для завязанных мастеров риторики и эристики. Мнение, с которым Сократ не может согласиться, тем не менее, имеет возможность прозвучать, реализоваться. И вот именно тогда начинаются иронические маневры: задаются безобидные по виду вопросы, уточняющие, что именно сказал протагонист, и реализуется в этих бесконечных уточнениях то, что вступает в полное противоречие с начальным мнением. И тогда проявляется истина как сложноустроенное понимание того, что действительно Сократ думает о предмете обсуждения, да и о самом своем собеседнике. Именно такой иронией владеет и Александр Зиновьев, и именно поэтому так не однообразны его плотные тексты, требующие невероятного напряжения, чтобы обнаружить пустоты неистинных и непременно разоблачаемых суждений. Зиновьев не верит в «тенденцию к поумнению человечества» [Зиновьев, 2006, с. 521], и, вероятно, потому много иронических теней протагонистов включено в его сочинения. Однако софистика и ирония, примеры использования которой мы во множестве находим в «Зияющих высотах», «Гомо советикус», «Светлом будущем», «Желтом доме», в «Катастрожке», «Глобальном человеинике» или в «Исповеди отщепенца», вовсе не исключает провозглашения истины в, так сказать, прямом высказывании. В познавательном арсенале Зиновьева есть еще и иррациональные формы понимания, например, интуиция реальности, которая позволяет запускать механизмы предвидения, – поразительного знания будущего, очень развитого у Зиновьева. Ю. Солодухин, оценивая дар пророчества Зиновьева, пишет: «На мой взгляд, сегодня есть все основания утверждать, что гипотеза выдающегося ученого практически полностью подтвердилась» [Солодухин, 2007, с. 68]. Это относится, например, к тому, что теперь называют «технологической сингулярностью» – наступлением в обозримом будущем схлопывания человеческой цивилизации в неуправляемом и необратимом техногенном коллапсе, про который рассказано в «Глобальном человеинике». В состоянии политической постсингулярности мы себя обнаруживаем сегодня, о чем Зиновьев предупреждал нас много лет назад. О. Зиновьева вспоминает: «Его волновала судьба окопаченной послевоенной Европы, являющейся колыбелью европейской цивилизации. Поэтому все то, что происходило с Европой, особенно в оголтелые последние 10–20 лет, он воспринимал как величайшую опасность и бил в набат тревоги по поводу наступающей монополии зловещей генманипулируемой культуры, которая ведет к стерильному, бессмысленному, бесчеловечному, страшному миру, в котором все уже четко объявлено:

кто прав, кто виноват, что черное, что белое, какая идеология побеждает, какая страна возглавляет мир, кто мыслит, а кто нет. За нас разделили нашу территорию. За нас разделили нашу Родину. За нас решили, что важно, а что неважно в том, что делали наши предшественники. За нас уже решили, что Победа, которую одержала наша страна и советский народ в 1945 году, – это не наша победа» [Зиновьева, 2007, с. 192].

И в этом наступившем катастрофическом пророческом будущем, как никогда, имеет значение пример понимания Александра Зиновьева.

Список литературы / References

Зиновьев, А. А. (1981). *Мы и Запад. Статьи, интервью, выступления, 1979–1980 гг.* Lausanne, Suisse. L'Âge d'homme. 157 с.

Zinoviev, A. A. (1981). *Us and the West. Articles, interviews, speeches in 1979-1980.* Lausanne, Suisse. L'Âge d'homme. 157 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (2006). *Фактор понимания.* М. Алгоритм, Эксмо. 528 с.

Zinoviev, A. A. (2006). *The factor of understanding.* Moscow. 528 p. (In Russ.)

Зиновьева, О. М. (2007). Наш Зиновьев. *Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции.* Москва, 15-16 мая 2007 года. М. Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 189-199.

Zinovieva, O. M. (2007). Our Zinoviev. In *Zinoviev Readings: materials of the I International Scientific Conference.* Moscow, 15-16 May 2007. Moscow. pp. 189-199. (In Russ.)

Ильинский, И. М. (2007). А. А. Зиновьев: человек – нормальный. *Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции.* Москва, 15-16 мая 2007 года. М. Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 7-11.

Ilyinsky, I. M. (2007). A. A. Zinoviev: man is normal. In *Zinoviev Readings: materials of the I International Scientific Conference.* Moscow, May 15-16, 2007. Moscow. pp. 7-11. (In Russ.)

Солодухин, Ю. Н. (2007). Россия: постсоветизм. *Зиновьевские чтения: материалы I Международной научной конференции.* Москва, 15-16 мая 2007 года. М. Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 68-74.

Solodukhin, Yu. N. (2007). Russia: post – Sovietism. In *Zinoviev Readings: materials of the I International Scientific Conference.* Moscow, May 15-16, 2007. Moscow. pp. 68-74. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Серкова Вера Анатольевна – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, 3 учебный корпус, e-mail: henrypooshel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>

Статья поступила в редакцию: 25.04.2022

После доработки: 20.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Serkova Vera – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Social Sciences of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Politechnicheskaya Str., 29, 3 academic building, e-mail: henrypooshel@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4543-0496>

The paper was submitted: 25.04.2022

Received after reworking: 20.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022

УДК 141.3

КИБЕРНЕТИКА И ВЛАСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ РОМАНАХ А. А. ЗИНОВЬЕВА

О. К. Шевченко

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь)
skilur80@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования власти в условиях киберреальности, отраженному в романах А. А. Зиновьева. В своих произведениях автор описал будущее такой социальной реальности, в построении которой киберфактор играл бы значимую роль. В настоящее время его исследования стоят наравне с текстами Н. Винера и А. Тьюринга и могут быть основой для выделения из философии власти особого кластера исследований – социальная власть в условиях цифрового общества.

Ключевые слова: цифровое общество, кибервласть, киберреальность, будущее власти, философия власти.

Для цитирования: Шевченко, О. К. (2022). Кибернетика и власть в социологических романах А. А. Зиновьева. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 133-140. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.133-140

CYBERNETICS AND POWER IN A. A. ZINOVIEV'S SOCIOLOGICAL NOVELS

O. K. Shevchenko

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol)
skilur80@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the functioning of power in the conditions of cyberreality, reflected in the novels of A. A. Zinoviev. In his works, the author described the future of such a social reality, in the construction of which the cyber factor would play a significant role. Currently, his research is on par with the texts of N. Wiener and A. Turing and can be the basis for distinguishing a special cluster of research from the philosophy of power – social power in a digital society.

Keywords: digital society, cyber power, cyber reality, the future of power, the philosophy of power.

For citation: Shevchenko, O. K. (2022). Cybernetics and Power in A. A. Zinoviev's Sociological Novels. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 133-140. DOI:10.47850/RL.2022.3.3.133-140

В 1950 г. из-под пера Норберта Винера вышла книга «Кибернетика», в которой он обосновал возможность создания новых вариаций киберфашизма, но позднее в 1954 г. значительно смягчил свою точку зрения, и данные высказывания на эту тему исчезли из его второго издания [Брокман, 2019, с. 14-15]. Именно сокращенная версия и стала основой для множества переводов, в том числе и на русский язык [Винер, 2019].

Однако в настоящее время исследователей больше интересуют идеи, заложенные в тексте Алана Тьюринга, поставившего проблему «человек-машина» в плоскость практического использования – в конкретных социальных играх [Тьюринг, 2021, с. 3-8]. Интерес исследователей находится в диапазоне от возможности наделить машинный интеллект определенными правами [Черч, 2019], до вопроса о захвате искусственным интеллектом управления обществом [Рамакришнан, 2019]. Также важной темой в этих исследованиях является и взаимодействие искусственного интеллекта с миром человека: от возможности возникновения киберкультуры [Дери, 2008] до создания кибергосударств и криптоанархических структур [Криптоанархия, 2005]. В отечественном научном дискурсе вопросы, связанные с киберреальностью и властью, ставятся, прежде всего, в области политической кибернетики [Шабров, 1999] и в технических условиях управления [Крушанов, 2017]. Постепенно отечественные философы вводят проблематику кибервласти в аспект природы государства, заявляя о новом феномене – «киберократия» [Гусейнов, 2020, с. 30], хотя стоит отметить, что в русскоязычное академическое пространство термин «киберократия» был введен еще на излете 90-х гг. XX в. [Ронфелдт, 1998].

В этой связи актуализируется необходимость оценить то, как происходил процесс зарождения феномена киберократии и прежде всего в отечественной социально-философской мысли. Как представляется, одним из первых, кто системно и в разнообразных аспектах рассмотрел природу цифровой власти, был отечественный логик и социолог А. А. Зиновьев. Помимо того, что он получил широкую известность в области логики и социальных наук, также он освоил значительный массив данных из естественных наук, в частности, из квантовой механики, работая над лекционными курсами по «Математической логике» [Фокин, 2016, с. 266-270]. А. А. Зиновьев также выступает как серьезный исследователь в области теоретической социологии и методики социального прогнозирования.

Власть в понимании А. А. Зиновьева – это одна из трех сфер так называемого «человеиника», наряду с хозяйством и менталитетом [Зиновьев, 2006, с. 254]. Суть власти проявляется тогда, когда между носителем власти и объектом власти складывается такая ситуация, когда субъект может распоряжаться объектом, свободно находя основание своей воле и своему желанию. Таким образом, социальная власть – это всегда эмпирически определяемые отношения, это всегда ситуативная реальность, ограниченная объектом, субъектом и конкретикой их взаимодействия в определенной ситуации. Власть не разлита в отношениях и не выступает как возможность, а всегда опредмечена, хотя и подвержена ситуативным миграциям между социальными субъектами.

Власть как социальный феномен проходит определенную траекторию развития от простейших человеческих объединений (функции и признаки власти слиты воедино) к развитым «человеиникам», когда функции и признаки власти развиваются путем разделения целого и обособления в виде отдельных специализированных частей этого целого [Зиновьев, 2006, с. 258]. Высшая форма развития власти проявляется, когда раздвоение власти (на управляющих и управляемых) приводит к формированию многомерной сети иерархического типа, при этом истоки проблемы и существо вопроса растворяется в иерархических сетях и линиях взаимодействия между отдельными стратами целого. Сразу оговоримся, что подобная структура власти, выстроенная в текстах А. А. Зиновьева,

нашла свое эмпирическое подтверждение в книге «Площадь и Башня. Сети и власть от масонов до Facebook» [Фергюсон, 2020], правда, без ссылок на идеи отечественного автора.

Общая теория социальной власти, данная Зиновьевым в теоретическом трактате, нуждалась в эмпирическом обосновании. И такое обоснование она получила в очень своеобразной и вызывающей до сих пор многочисленные споры форме – в социологическом романе: власть как процедура осуществления реальности [Зиновьев, 2000а], власть как техника идеологического созидания [Зиновьев, 1980], власть как связка социальных страт [Зиновьев 1976], власть как конструирование будущего [Зиновьев, 2016], социальное исследование трансформации власти в будущем [Зиновьев, 2019]. После массовой эмпирической обработки А. А. Зиновьев вновь пытается собрать новые уточненные социальные конструкты власти в теоретических трактатах [Зиновьев, 2000б].

Тщательный анализ социологических романов и повестей Зиновьева не позволил нам выделить отдельной кибернетической линии, которую бы он развивал от текста к тексту. Однако в отдельных работах проблема киберреальности вторгается существенными фрагментами. Так, в книге «Зияющие высоты» существует целая глава «Роботы», посвященная эстетике киборгизированной реальности, кошмарным, но при этом органичным соединением человеческих частей тела и механистических деталей в одно функционирующее целое [Зиновьев, 1976, с. 140]. Причем важный фрагмент расположен между размышлениями о крысиной властной иерархии и трансформации личности в иерархических сетях. Знакомство с кибернетикой и вопросами, связанными с околотовластной проблематикой, у Зиновьева подтверждается в многочисленных рассуждениях в романах «Стукачи на службе социальной Кибернетики», «Кибернетика и общество» [Зиновьев, 1976, с. 18, 201] и т. д. Всего в романе около 27 упоминаний кибернетики в связи с социальным управлением. Но единой реальности «Киберократия», нет, как нет ее и в фундаментальном труде по логической социологии [Зиновьев, 2002].

Однако совсем по-другому обстоит дело при обращении к повести «Глобальный человек». Мир «человека» тотально кибернизирован, предметно и физически оцифрован. И речь идет не просто о некоем визуальном замещении реальности, как это происходит в современных технологиях Голливуда [Широкова, Некита, Маленко, 2021], а скорее в формате фукольдиданской биополитики, помноженной на создание единого комплекса «человек-машина», но уже в формате XXI в.

Предложенный А. А. Зиновьевым проект цифровой власти связан с онтологическим объединением физического человека с личными компьютерами. Они получают у Зиновьева говорящий термин «исповедальники». Ключевая роль – это круглосуточная фиксация биологической жизни на физический носитель и распространение получившегося материала по коммуникационным сетям [Зиновьев, 2000а, с. 17-21]. Этот феномен, описанный Зиновьевым в конце XX в., находит свое подтверждение в эмпирических наблюдениях современности [Шевченко, 2018]. А придание физической реальности некоего особенного метафизического уровня заставляет увидеть те процессы, которые современные ученые усматривают в деградации ряда религиозных культов под воздействием цифрового фактора [Маленко, Некита, Корешков, 2021]. Именно данный факт, с нашей точки зрения, делает возможным те странные парадоксы (нарушение логических процедур), которые характерны для описываемого мира: *«О том, что мы ... должны думать по тому или иному вопросу, мы узнаем после того, как социологи произведут соответствующий опрос населения*

Западного Союза, а идеологи найдут соответствующую интерпретацию результату опроса. Таким образом, социологи узнают, что именно мы думаем по данному вопросу, и сообщают нам об этом, а идеологи учат нас тому, что мы должны думать о том, что мы думаем» [Зиновьев, 2019, с. 17].

Более того, во многом предвосхищая Марка Дери, Зиновьев разрабатывает тему «Компьютерное искусство» [Зиновьев, 2019, с. 225], увязывая ее с техниками власти, лишаящими личность творческой самодостаточности, естественного для человека стремления творить. Приведем выдержку из романа, чтобы пояснить наше резюме: *«Регулярно устраиваются соревнования по компьютерной литературе, музыке, живописи. Соревнования самые разнообразные – на скорость, объем, занимательность и т. п. Например, соревнования на скорость сочинения романа по заданным признакам. Романы сочиняются поразительно быстро и профессионально. Буквально в минуты. Разница во времени у участников соревнования – как в беге на 100 метров, то есть сотые доли секунды. Компьютерные судьи дают оценку содержанию в баллах, как в фигурном катании на льду и в танцах, и так же быстро» [Там же, с. 224].*

«Человейник», как социальная структура (а именно не сводимость человейника к его элементам отличает человеческие структуры от структур киберсуществ, ибо роботизированные агрегаты в своей совокупности и элементарности все равно суть роботы) [Зиновьев, 2019, с. 245], функционирует благодаря не банальным сознаториям из раннего Зиновьева [Зиновьев, 2000а, с. 527-529] и не примитивному контролю над телами, а благодаря скреплению киберпространства с биопространством тела и подчинения кибервремени ментальному времени человека. Иными словами, такая социальная кибервласть – это определенное состояние социальных структур и единиц, серия форм социальных организаций в условиях тотальной цифровизации и снятие онтологической разницы между биологическим телом и электронной предметно-коммуникационной системой. Это единственно возможная для социального бытия «человейника» реальность. Вне такой кибервласти «человейник» невозможен и обречен либо распасться, либо остаться в социальных формах, характерных для прошлых исторических периодов. Зиновьев подробно прорабатывает тематику идеальной социальной личности, к которой стремится кибервласть, для этого он прописывает и довольно объемную фигуру «Евы Адамс» – создателя дубликата своего бытия на материальных носителях [Зиновьев, 2019, с. 31-35] и ее последователей, которые и стали примером завершения трансформ социальности в мире «человейника» (кстати, очень похожие механизмы ныне осуществляются в социальных сетях Интернета).

Тщательно и последовательно Зиновьев с позиций социальности выводит формулу отличия человека от робота даже в такой киборгизированной среде: *Люди – «... суть лишь частички объединений себе подобных. Конечно, нас (роботов – прим. О. Ш.) тоже можно объединять в агрегаты, комбинировать. Но при этом все равно получится лишь более сложный одиночный механизм, более сложный робот, а не общество роботов. Мы (роботы – прим. О. Ш.) не способны образовать социальную структуру и функционировать в качестве ее элементов ... Именно поэтому мы не способны лгать, обманывать, притворяться, противоречить себе, менять убеждения, не выполнять обещания, подводить других, строить козни, интриговать, клеветать, пугаться, восторгаться, паниковать, предавать,*

завидовать ... Короче говоря, мы не обладаем теми качествами, благодаря которым вы выделитесь из животного мира и стали венцом творения» [Зиновьев, 2019, с. 245]. Вопрос качественной сохранности этого человеческого потенциала А. А. Зиновьев оставляет открытым, взамен предлагая поговорить (а скорее поиронизировать) над математизацией всех действий человечества в формате «Глобальной Модели», якобы знающей и якобы прогнозирующей любой элемент социальности в любой точке планеты [Там же, с. 319-321].

Изучение цифровой власти, киберократии или же кибервласти (термины еще далеко не устоялись и имеется вполне очевидная миграция смыслов и их содержания, но для нашего исследования это не является существенным препятствием) в трудах А. А. Зиновьева крайне полезно тем, что он, начиная с 70-х гг. XX в. и вплоть до своей кончины в начале XXI в., детально и крайне последовательно изучал трансформы социальной власти. Но то, что он считал особенностями социальной формы организации общества, связанной с левой или правой идеологией, мы считаем особенностями метаморфоз власти от доцифровой к цифровой социальной структуре.

В данной статье нет возможности проанализировать весь потенциал А. А. Зиновьева по заявленной проблеме. Этому мешает как весьма ограниченное пространство формата статьи, так и отсутствие качественной и всесторонней проработки его творчества в монографических и диссертационных исследованиях. Мы предложили лишь один из возможных ракурсов рассмотрения его трудов в контексте актуальной для современности тематики «Цифра и Власть». Полагаем, что есть необходимость системного анализа результатов зиновьевского социального исследования киберократии, и прежде всего идеи о растворении единой видимой структуры власти в иерархических сетях киберреальности. Как перспектива – сравнительный анализ таких идей с представлениями М. Фуко о столкновении интересов в точках пересечения властной сети или мнением М. Манна о власти как некоем фронтире на стыке цивилизаций, склонных к миграциям и трансформациям. Безусловно, рассматривать идеи А. А. Зиновьева вне контекста информационной цивилизации «человеяника» и киберократии в формах, уже попавших в поле зрения исследователя, дело мало востребованное. Особенно в условиях концентрической войны [Комлева, 2015], разворачивающейся на наших глазах.

Список литературы / References

Брокман, Дж. (2020). О надеждах и опасностях И. И. *Искусственный интеллект – надежды и опасения*. Под ред. Дж. Брокмана, пер. В. Желнинова. М. С. 9-27.

Brockman, J. (2020). About the hopes and dangers of I.I. In Brockman, J. (ed.), Zhelninov, V. (transl.). *Artificial intelligence – hopes and fears*. Moscow. pp. 9-27. (In Russ.)

Винер, Н. (2019). Кибернетика и общество. Человеческое применение человеческих существ. *Н. Винер. Кибернетика и общество*. Пер. В. Желнинова. М. С. 5-198.

Viner, N. (2019). Cybernetics and society. Human application of human beings. In Zhelninov, V. (transl.). *N. Wiener. Cybernetics and society*. Moscow. pp. 5-198. (In Russ.)

Гусейнов, Р. Г. (2020). Киберократическая природа современных государств. *Вопросы российской юстиции*. № 8. С. 28-32.

Huseynov, R. G. (2020). The cyberocratic nature of modern states. *Issues of Russian justice*. no. 8. pp. 28-32. (In Russ.)

Дери, М. (2008). *Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков*. Пер. Т. Парфеновой. Екатеринбург. 478 с.

Deri, M. (2008). *Escape velocity: Cyberculture at the Turn of the Century*. Parfenova, T. (transl.). Yekaterinburg. 478 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (1976). *Зияющие высоты*. Лозанна. L'Age d'homme. 561 с.

Zinoviev, A. A. (1976). *Gaping heights*. Lausanne. 561 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (1980). *Желтый дом: в 2-х т.* Лозанна. 1980.

Zinoviev, A. A. (1980). *The Yellow House in 2 vol.* Lausanne. 1980. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (2000а). *Затея*. М. 555 с.

Zinoviev, A. A. (2000a). *The idea*. Moscow. 555 p. (In Russ.)

Зиновьев А.А. (2000б). *Глобальное сверхобщество и Россия*. М. 128 с.

Zinoviev, A. A. (2000b). *Global super-society and Russia*. Moscow. 128 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (2002). *Логическая социология*. М. 260 с.

Zinoviev, A. A. (2002). *Logical sociology*. Moscow. 260 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (2006). *Фактор понимания*. М. 528 с.

Zinoviev, A. A. (2006). *The factor of understanding*. Moscow. 528 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (2016). *Русская трагедия*. М. 544 с.

Zinoviev, A. A. (2016). *Russian tragedy*. Moscow. 544 p. (In Russ.)

Зиновьев, А. А. (2019). *Глобальный человек*. М. 368 с.

Zinoviev, A. A. (2019). *Global humanist*. Moscow. 368 p. (In Russ.)

Комлева, Н. А. (2015). Констициальная война: глобальные тренды глобального противоборства. *Пространство и Время*. № 3(21). С. 15-23.

Komleva, N. A. (2015). Constitional war: global trends of global confrontation. *Space and Time*. no. 3(21). pp. 15-23. (In Russ.)

Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии. (2005). Под ред. П. Ладлоу, пер. с англ. Т. Давыдовой и др. Екатеринбург. 600 с.

Ludlow, P. (ed.), Davydova, T. et al. (transl.). (2005). *Cryptanarchy, cyberstates and pirate utopias*. Ekaterinburg. 600 p. (In Russ.)

Крушанов, А. А. (2017). Понятие «управление» в кибернетическом контексте. *VOX. Философский журнал*. № 23. С. 220-279. [Электронный ресурс]. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/408/411> (дата обращения: 29.10.2022)

Krushanov, A. A. (2017). The concept of “management” in a cybernetic context. *VOX. Philosophical magazine*. no. 23. pp. 220-279. Available at: <https://vox-journal.org/html/issues/408/411> (Accessed: 29.10.2022) (In Russ.)

Маленко, С. А., Некита, А. Г., Корешков, П. В. (2021). Культ в цифровую эпоху. *Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации*. Материалы международной конференции. Великий Новгород. С. 44-48.

Malenko, S. A., Nekita, A. G., Koreshkov, P. V. (2021). A cult in the digital age. In *Perishable and eternal: the mythology of digital civilization*. Materials of the international conference. Veliky Novgorod. pp. 44-48. (In Russ.)

Рамакришнан, В. (2019). Станут ли компьютеры нашими повелителями. *Искусственный интеллект – надежды и опасения*. Пер. В. Желнинова. М. С. 248-261.

Ramakrishnan, V. (2019). Will computers become our masters? In Zhelninov, V. (transl.). *Artificial intelligence – hopes and fears*. Moscow. pp. 248-261. (In Russ.)

Ронфелдт, Д. (1998). Приход киберократии. Ronfeldt D. Cyborocracy is coming. Пер. В. Топчеева. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: науковедение. Реферативный журнал*. №4. С. 6-18.

Ronfeldt, D. (1998). The arrival of cyborocracy. Ronfeldt D. Cyborocracy is coming. V. Topcheeva. (transl.). *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 8: Science studies. Abstract journal*. no. 4. pp. 6-18. (In Russ.)

Тьюринг, А. (2021). *Вычислительные машины и разум*. Пер. К. Королева М. 128 с.

Turing A. (2021). *Computing machines and reason*. Korolev, K. (transl.). Moscow. 128 p. (In Russ.)

Фергюсон, Н. (2020). *Площадь и Башня. Сети и власть от масонов до Facebook*. Пер. Т. Азаркович. М. 736 с.

Ferguson, N. (2020). *Square and Tower. Networks and power from Freemasons to Facebook*. Azarkovich, T. (transl.). Moscow. 736 p. (In Russ.)

Фокин, П. Е. (2016). *Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый*. М. 749 с.

Fokin, P. E. (2016). *Alexander Zinoviev: Prometheus rejected*. Moscow. 749 p. (In Russ.)

Черч, Дж. (2019). Права машин. *Искусственный интеллект – надежды и опасения*. Пер. В. Желнинова. М. С. 323-342.

Church, J. (2019). The rights of machines. In Zhelninov, V. (transl.). *Artificial intelligence – hopes and fears*. Moscow. pp. 323-342. (In Russ.)

Шабров, О. Ф. (1999). Политическая кибернетика. *Политическая энциклопедия: в 2 т.* Т. 2. М. С.171-172.

Shabrov, O. F. (1999). Political cybernetics. In *Political encyclopedia*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow. pp. 171-172. (In Russ.)

Шевченко, О. К. (2018). Феномены «киборг» и «власть» в вузовской образовательной коммуникации. *Дискурс-Пи*. № 1(30). С. 83-88.

Shevchenko, O. K. (2018). The phenomena of “cyborg” and “power” in university educational communication. *Discourse-Pi*. no. 1(30). pp. 83-88. (In Russ.)

Широкова, О. В., Некита, А. Г., Маленко, С. А. (2021). Голливудские визуальные технологии цифрового замещения реальности. *Бренное и вечное: мифология цифровой цивилизации*. Материалы международной конференции. Великий Новгород. С. 131-136.

Shirokova, O. V., Nekita, A. G., Malenko, S. A. (2021). Hollywood visual technologies of digital substitution of reality. In *Perishable and eternal: the mythology of digital civilization*. Materials of the international conference. Veliky Novgorod. pp. 131-136. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Шевченко Олег Константинович – доктор философских наук, доцент Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, пр. академика Вернадского, 4, e-mail: skilur80@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.04.2022

После доработки: 20.09.2022

Принята к публикации: 10.10.2022

Shevchenko Oleg – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Academician Vernadsky Ave., 4, e-mail: skilur80@mail.ru

The paper was submitted: 25.04.2022

Received after reworking: 20.09.2022

Accepted for publication: 10.10.2022